С. КНЯЗЬКОВЪ

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный

И ЕГО ВРЕМЯ

Изданіе 4-е, исправленное и дополненное

Съ 26 рисунками

Цѣна 40 коп.

ИЗДАНІЕ П. ЛУКОВНИКОВА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Лештуковъ пер., 2
1914

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Гро[...]

По картинѣ В. М. Васнецова.

«Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ, очи имѣя сѣры и усъ протягновенъ, и возрастомъ бяше великъ, сухо тѣло имѣя, плещи имѣя высоки, груди мышцы толсты; мужъ чуднаго разсужденія, въ наукѣ книжнаго почитанія д и многорѣчивъ, зѣло ко ополченію дерзостенъ и за отечество стоятель, отъ Бога данныя ему жестокосердъ вельми, на пролитіе крови и на убіе зостенъ вельми и неумолимъ; множество народу отъ мала и до велика при своемъ погуби и многія грады своя поплѣни, и многія святительскія чинь и смертію немилостивною погуби и иная многая содѣяхъ надъ рабы свои же царь Иванъ многая и благая сотвори; воинство вельми любляше и тре имъ отъ сокровища своего неоскудно подаваше. Таковъ бо бѣ царь Иванъ»

Изъ «Написанія вкратцѣ о царехъ Московскихъ» Сергѣя Кубасова.

С. КНЯЗЬКОВЪ

Царь Иванъ Васильевичъ
ГРОЗНЫЙ
И ЕГО ВРЕМЯ

Изданіе 4-е
исправленное и дополненное

Съ 26 рисунками

Цѣна 40 коп.

Изданіе П. ЛУКОВНИКОВА
Спб., Лештуковъ пер., 2
1914

Типо-Литографія „Энергія", Загородный пр., 17.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный и его время.

I.

Шестьсотъ лѣтъ тому назадъ русскаго государства, какъ мы теперь его знаемъ, еще не существовало. Тогдашняя русская земля не выходила за предѣлы нынѣшнихъ великорусскихъ губерній средней полосы, т.-е. около-московскихъ, да захватывала часть озерныхъ и сѣверныхъ. Вся эта область находилась съ половины XIII вѣка подъ верховною властью татарскаго хана, владѣтеля Золотой Орды, считалась его „улусомъ". Ханъ собиралъ дань со всей Великороссіи и утверждалъ князей въ ихъ достоинствѣ, жалуя имъ „ярлыки" на княженіе. Сборомъ дани и утвержденіемъ князей ограничивалось все вмѣшательство татаръ во внутреннюю жизнь Великороссіи. Ярлыки на княженіе ханъ давалъ почти исключительно тѣмъ князьямъ, которымъ княженіе переходило по наслѣдству отъ ихъ отцовъ. Такимъ образомъ страна распадалась на множество большихъ и мелкихъ княжествъ, во главѣ которыхъ стояли свои особые въ каждомъ князья. Эти княжества считались „удѣлами", т.-е. имѣньями своихъ князей.

Такъ какъ всѣ князья происходили изъ одного Рюрикова рода, по всей странѣ жилъ одинъ великорусскій народъ, то удѣльныя княжества не могли быть чужды другъ другу, какъ иностранныя государства,— „путь между ними былъ чистъ, безъ рубежа", какъ тогда говорили, и населеніе свободно переходило изъ одного въ другое. Многочисленныя рѣки и рѣчки, пересѣкающія во всѣхъ направленіяхъ великорусскую равнину, очень облегчали сообщеніе отдѣльныхъ краевъ

и мѣстностей Великороссіи. Всякій русскій человѣкъ того времени считалъ себя вольнымъ и свободнымъ, могъ во всякое время переселиться изъ одного княжества въ другое. Народъ старался поэтому селиться въ тѣхъ княжествахъ, гдѣ ему было выгоднѣе и безопаснѣе. Отсюда—тѣ княжества, гдѣ протекали большія судоходныя рѣки, гдѣ земля была хороша и плодородна, пути сообщенія удобны, а мѣста сбыта того, что сработаешь, обезпечены, заселялись плотнѣе и гуще; тѣ же, гдѣ ничего этого не было, пустовали.

Чѣмъ гуще было населено княжество, тѣмъ богаче и сильнѣе становился его князь. Понятно поэтому, что князья всѣми силами старались привлекать въ свои владѣнія переселенцевъ изъ другихъ княжествъ, давали имъ всякія льготы, обѣщали добрую защиту и оборону отъ недруговъ, хорошую землю, привольную жизнь.

Кромѣ этихъ естественныхъ выгодъ, самымъ вѣскимъ побужденіемъ при выборѣ поселенцами того или иного мѣста служила относительная безопасность данной мѣстности отъ нападеній внѣшнихъ враговъ, которые грозили тогдашней Руси съ юго-востока и юго-запада,—то были литовцы и татары.

Скоро самымъ безопаснымъ и самымъ привлекательнымъ съ точки зрѣнія естественныхъ выгодъ изъ всѣхъ удѣльныхъ княженій опредѣлилось то, которое расположилось по среднему теченію рѣки Москвы. Одноименный съ рѣкой городокъ этого княженія—Москва—упоминается лѣтописью впервые подъ 1147 г.

Кромѣ своего естественнаго укромнаго, отдаленнаго отъ внѣшнихъ враговъ положенія, Москва была еще со всѣхъ сторонъ прикрыта отъ ихъ нападеній сосѣдними княжествами: Рязанскимъ, Нижегородскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Тверскимъ и др.

Такое счастливое положеніе дѣлало край сравнительно безопаснымъ, слѣдовательно очень привлекательнымъ для населенія. Накопленіе народа увеличивало число „данщиковъ“ московскаго князя и тѣмъ обогащало его казну.

Но Московскій край отличался не только сравнительною безопасностью: естественныя условія области дѣлали житье здѣсь особенно выгоднымъ. Съ юго-востока

на сѣверо-западъ край этотъ перерѣзывается рѣкой Москвой. Въ старое время рѣка эта являлась важной передаточной торговой дорогой. Низовьями своими она входитъ въ Рязанскіе предѣлы, богатые хлѣбомъ, а верховьями близко подходитъ къ Новгородской области, главному торговому краю того времени. По Москвѣ-рѣкѣ новгородцы возили хлѣбъ изъ Рязани и съ Волги. Большое торговое движеніе по главной рѣкѣ края давало много заработковъ жителямъ и, благодаря пошлинамъ съ проходящихъ товаровъ, обогащало князя. Вотъ почему слабый и незначительный когда-то городокъ Москва началъ понемногу крѣпнуть, расти и усиливаться. Въ 1300-хъ годахъ Московское княжество является сильнымъ, богатымъ и обширнымъ. Первые московскіе князья, особенно Иванъ Калита (1328—1340), заботливо устраиваютъ свой удѣлъ, перезываютъ къ себѣ людей со стороны, покупаютъ въ Ордѣ у татаръ русскихъ плѣнниковъ и поселяютъ ихъ въ своемъ княжествѣ; заводятъ поселки, слободы, покупаютъ обширныя пространства земель у другихъ князей, у бояръ, у монастырей; покупаютъ города съ округами, даже цѣлыя княжества; не брезгуютъ поживиться и силой, отнимая земли у слабыхъ князей.

Первые московскіе князья умѣли, затѣмъ, ладить съ татарами. Располагая большими средствами, московскіе князья задаривали татарскихъ хановъ и тѣмъ сумѣли войти въ такое довѣріе къ татарамъ, что они поручили московскому князю Ивану Калитѣ сборъ дани со всей русской земли, а его наслѣдника, великаго князя Семена Гордаго, признали самымъ старшимъ надъ всѣми русскими князьями; по смерти Семена Гордаго въ 1353 г. его братъ и наслѣдникъ Иванъ Красный получилъ отъ хана право судить всѣхъ сѣверныхъ князей и другихъ въ ихъ взаимныхъ ссорахъ и распряхъ.

Благодаря силѣ московскаго князя и его значенію среди другихъ князей, понемногу прекращались распри и ссоры князей, тяжело отзывавшіяся на народѣ; съ другой стороны, благодаря осторожной, умной политикѣ московскихъ князей, почти прекратились грозные татарскіе набѣги, страшно пустошившіе землю; со временъ великаго князя Ивана Калиты, читаемъ въ

лѣтописи, „бысть тишина велика по всей русской землѣ на сорокъ лѣтъ и престаша татарове воевати русскую землю“. Русскій народъ привыкалъ видѣть въ московскихъ князьяхъ охранителей земскаго порядка и внѣшней безопасности; въ условіяхъ созданнаго Москвой земскаго мира выросло поколѣніе людей, переставшихъ бояться татаръ и только по разсказамъ стариковъ знавшее объ ужасахъ нашествія и свирѣпости сборщиковъ татарской дани—баскаковъ. Въ этомъ поколѣніи развивается стремленіе сбросить съ родины иноземное иго, растетъ увѣренность, что оно не вѣчно, и князья все чаще включаютъ въ свои договоры условіе, какъ имъ поступать, „оже ны Богъ избавитъ отъ Орды“.

Взглядъ на московскаго князя, какъ на хранителя и защитника всей великорусской земли, особенно усиливается съ тѣхъ поръ, какъ Москва, почувствовавъ свою силу и значеніе, стала въ открыто-враждебныя отношенія къ татарамъ. Въ 1380 г. вся русская земля собралась около Москвы ради отпора надвигавшейся тучѣ татарскаго нашествія. 8 сентября 1380 г. на полѣ Куликовомъ русское войско, состоявшее изъ ополченія различныхъ княжествъ, но находившееся подъ начальствомъ московскаго князя Димитрія, одержало первую большую побѣду надъ татарами. Татарское иго не было свергнуто, Орда была еще достаточно сильна, но всѣ увидѣли, что Москва во главѣ всей земли можетъ бороться, и бороться, надѣясь на успѣхъ, съ татарами, которые до того считались непобѣдимыми.

Со времени Димитрія Донского особенно усиливается приливъ народа въ предѣлы Московскаго княжества, оно становится все сильнѣе и сильнѣе; другіе князья, видя, что противъ Москвы не устоять, добровольно уступаютъ московскому князю свои владѣнія, выговаривая себѣ только кое-какія преимущества на службѣ у него. Московскаго князя начинаютъ величать государемъ. Бояре и простые люди изъ другихъ княжествъ стремятся перейти подъ его „высокую руку“, на постоянное жительство въ Москву, и свое стремленіе объясняютъ такъ: „Гдѣ межи сошлися съ межами и гдѣ не изобидятъ московскіе люди, то пропало, а гдѣ тверичи изобидятъ, и то князь московскій съ поноше-

ніемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому и отвѣтамъ его вѣры не иметъ и суда не даетъ",—говорили жители Тверского княжества, недовольные своимъ положеніемъ и тянувшіе къ Москвѣ. Въ своихъ договорахъ съ другими удѣльными князьями московскіе князья настойчивѣе подчеркиваютъ свое „старѣйшинство" и зависимость отъ ихъ воли князей удѣльныхъ. Удѣльный князь, признававшій себя младшимъ, долженъ былъ выступать въ походъ по волѣ великаго князя московскаго, обязывался не сноситься съ Ордой безъ вѣдома московскаго великаго князя, не могъ брать земель, принадлежавшихъ Москвѣ, если бы татары даже давали ему такія земли; „а пойдутъ на насъ татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ... всѣмъ противу ихъ, или мы пойдемъ на нихъ и тобѣ съ нами... пойти на нихъ..." Такъ понемногу,—гдѣ силой, а гдѣ договоромъ, московскій князь сплотилъ около себя значительную массу удѣльныхъ княжествъ и сталъ во главѣ ихъ, какъ общепризнанный князьями и народомъ вождь, верховный судья и руководитель, великій князь всея Руси.

Очень усилило Москву перенесеніе при Иванѣ Калитѣ изъ Владимира митрополіи и поселеніе на постоянное жительство въ Москвѣ митрополита всея Руси. „Инымъ князьямъ,—говоритъ лѣтопись,—не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имать въ себѣ живуща". Понятно, что это переселеніе не нравилось другимъ князьямъ,—оно дѣлало Москву церковной столицей всей русской земли. Благодаря помощи митрополита и подчиненнаго ему всего русскаго духовенства, московскій князь могъ успѣшнѣе вести свою борьбу съ другими сильными князьями за преобладаніе въ русской землѣ.

Сильными соперниками Москвы были два княжества: Тверское и Рязанское. Но они не имѣли тѣхъ естественныхъ выгодъ, какими пользовалась московская земля: ближе стояли къ внѣшнимъ врагамъ, а князья ихъ не умѣли выказать себя въ глазахъ народа, какъ защитники русской земли. Тверскіе князья въ своихъ распряхъ съ Москвой заключали союзы съ литовцами, а Рязань сильно уронила себя въ глазахъ народа тѣмъ,

что князь ея не только отказался участвовать въ походѣ противъ татаръ, завершившемся Куликовской битвой, но еще и заключилъ союзъ съ ними.

Такъ понемногу все выдвигало Москву изъ ряда другихъ удѣльныхъ княжествъ и дѣлало ея князя—верховнымъ главой надъ всѣми князьями. Почувствовавъ свою силу, московскіе князья пускаютъ въ ходъ скопившіяся въ ихъ рукахъ средства, чтобы завладѣть всѣми другими княжествами и укрѣпить ихъ за собой. Въ способахъ и пріемахъ для достиженія своихъ цѣлей въ Москвѣ не очень стѣснялись. Именно тогда-то, по словамъ одной удѣльной лѣтописи, „наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое, московское... Увы, увы тогда граду Ростову, паче же княземъ, яко отъяся отъ нихъ власть, и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава, и потягну къ Москвѣ“... Въ 1363 г., повѣствуетъ лѣтописецъ, великій князь московскій Димитрій Ивановичъ „сгна съ галичскаго княженія князя Димитрія галичскаго“ и „сгна съ стародубскаго княженія князя Ивана Ѳеодоровича. Тогда вси князи ѣхаша въ Новгородъ-Нижній къ князю Димитрію Константиновичу, скорбяще о княженіяхъ своихъ“. Подъ 1367 г. лѣтописецъ отмѣчаетъ, что князь московскій „всѣхъ князей русскихъ привожаще подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его и на тѣхъ нача посягати“, т.-е. силой оружія заставлялъ ихъ признавать свою волю. Въ 1391 г. сынъ Донского отправился въ Орду и, засыпавъ подарками хана и его приближенныхъ, получилъ ярлыкъ на нижегородское княженіе, несмотря на то, что ярлыкъ на это княженіе былъ только-что данъ законному нижегородскому князю Борису. Московское войско, въ силу ханскаго ярлыка, заняло Нижній-Новгородъ да кстати прихватило Муромъ и Мещеру съ Тарусой.

Въ 1386 г. произошло соединеніе Литвы съ польскимъ государствомъ, причемъ литовскій великій князь Ягайло вмѣстѣ съ польской короной принялъ и католичество. Это обстоятельство создало въ православной западной Руси, подчиненной Литвѣ, „замятню великую“ и посѣяло вражду между православными и католиками. Стремленіе польскаго правительства „окрестить“,

какъ тогда жаловались въ Литвѣ, „все наше православное христіанство въ папёжскую вѣру“ заставило подвластныхъ Литвѣ православныхъ русскихъ князей обращаться за помощью въ Москву, ставшую со временъ Калиты средоточіемъ духовной жизни всей православной Руси. Мелкіе православные князья, сидѣвшіе по верхней Окѣ и подчиненные Литвѣ—Бѣлевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе, Одоевскіе и др., а также болѣе южные—Черниговскіе и Новгородъ-Сѣверскіе потянули къ Москвѣ и стали бить челомъ великому князю московскому принять ихъ подъ его высокую руку. Въ Москвѣ охотно шли навстрѣчу этимъ стремленіямъ и принимали къ себѣ этихъ князей на условіяхъ, создавшихся въ Москвѣ для добровольно подчинявшихся удѣльныхъ князей. Такіе князья сохраняли при себѣ свои вотчины и дружины, сами управляли своими бывшими княженіями и держали въ нихъ судъ, но считались и были на самомъ дѣлѣ подчиненными и подручными московскаго великаго князя, котораго и должны были именовать государемъ и во всемъ слушаться безпрекословно.

Это обстоятельство, переходъ къ Москвѣ южныхъ князей въ цѣляхъ охраненія своего православія отъ наступавшаго католицизма, вызывало и на сѣверѣ тяготѣніе къ Москвѣ, особенно въ Твери и въ Новгородѣ, власти которыхъ часто и много дружественно соприкасались съ Литвой при своемъ соперничествѣ съ Москвой; вотъ тогда-то московское собираніе Руси теряетъ прежній характеръ захватовъ силой или покупокъ деньгами, а становится выраженіемъ опредѣленныхъ національно-религіозныхъ стремленій: объединить подъ главенствомъ Москвы „всю Русь“.

Московскіе князья умѣло пользуются общерусскимъ народнымъ стремленіемъ къ національному объединенію; всякое столкновеніе свое съ Новгородомъ и Тверью объясняютъ они народу тѣмъ, что обвиняютъ своихъ соперниковъ и недруговъ въ готовности передаться чужеземцамъ и врагамъ православія. Къ половинѣ XV-го вѣка Москва вбираетъ въ свои предѣлы всѣ земли сѣверо-восточной Руси, и владѣнія ея захватываютъ огромное пространство—отъ устья Сѣ-

верной Двины, Печоры и горъ Сѣвернаго Урала до устьевъ Невы и Наровы и отъ Васильсурска на Волгѣ до Любеча на Днѣпрѣ. Ни одинъ князь уже не смѣетъ ровняться съ московскимъ, и дѣло присоединенія къ себѣ удѣловъ Москвой подвигается необыкновенно быстро. Въ 1463 г. князья ярославскіе отказались отъ своихъ удѣловъ въ пользу московскаго и перешли къ нему на службу въ Москву. Въ 1470-хъ годахъ былъ покоренъ Новгородъ, а вмѣстѣ съ нимъ въ распоряженіе московскаго князя отошли огромныя пространства земель, составляющія нынѣшнія губерніи: Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Новгородскую, Пермскую, Вятскую. Даже за Уралъ протянулась власть московскаго князя. Въ 1489 г. покорилась Тверь.

Въ средѣ самихъ московскихъ князей обстоятельства сложились такъ удачно, что многочисленнаго потомства не возникало, и московское княженіе не дробилось поэтому между многочисленными наслѣдниками, какъ то было, напримѣръ, въ сильномъ когда-то Ростовско-Суздальскомъ княжествѣ. А затѣмъ московскіе князья приняли за правило передавать по завѣщанію старшему наслѣднику бо̀льшую часть какъ имѣнія, такъ и земли, нежели младшимъ. Димитрій Донской, напримѣръ, раздѣлилъ московское княжество между пятью своими наслѣдниками такъ, что старшій—Василій I—получилъ треть всего. Василій II Темный завѣщалъ старшему сыну своему Ивану III половину всѣхъ городовъ, а другую половину раздѣлилъ между тремя остальными наслѣдниками. Пользуясь своимъ богатствомъ и силой, старшій братъ обязывалъ младшихъ договорами съ крестнымъ цѣлованіемъ не вступать ни съ кѣмъ въ соглашенія и ни съ кѣмъ не договариваться безъ его вѣдома и согласія—„кто великому князю другъ, тотъ и удѣльному другъ, а кто врагъ великому князю, тотъ и удѣльному врагъ“—такъ выражалась въ договорахъ эта сторона зависимости. Во-вторыхъ, удѣльные князья обязывались „Орды не знати“, т.-е. не должны были сноситься съ ханскимъ правительствомъ самостоятельно, мимо великаго князя, Въ-третьихъ, удѣльные князья должны были являться на войну по первому требованію великаго князя: „сядетъ князь великій на

коня, ино и удѣльнымъ садиться; когда же самъ великій князь не пойдетъ на войну, а удѣльныхъ пошлетъ, то имъ итти безъ ослушанія".

Въ началѣ 1500-хъ годовъ къ Москвѣ отошли: Рязань, Смоленскъ, Псковъ. Къ серединѣ 1500-хъ годовъ вся великорусская земля, т.-е. та часть нынѣшней Россіи, которую и по сіе время обитаетъ великорусскій народъ, собралась вокругъ Москвы, и страна изъ раздробленной на отдѣльныя части, княжества-удѣлы, превратилась въ одно цѣльное, населенное однимъ племенемъ, управляемое однимъ княземъ государство, имѣющее одну столицу—Москву. Это новое государство стали называть Московскимъ государствомъ, Русью Московской.

Такъ какъ Московское государство выросло изъ удѣла московскаго князя, то вся великорусская земля сдѣлалась какъ бы его удѣломъ, стала принадлежать одному хозяину. Но этому хозяину нельзя уже стало жить и поступать такъ, какъ жилъ и дѣйствовалъ прежній удѣльный князь. Удѣлъ московскаго князя выросъ въ государство, значитъ, и прежній князь-хозяинъ становился не только владѣтелемъ земли, но и государемъ. Разница вотъ въ чемъ: въ удѣлѣ все—и земля и угодья—принадлежало князю-хозяину, въ Московскомъ государствѣ тоже и земля и угодья принадлежатъ прежде всего государю; но люди удѣльнаго времени могли сами выбирать себѣ хозяевъ, могли служить или снимать землю у какого хотѣли изъ удѣльныхъ князей и свободно договаривались о платѣ за службу или оброкѣ за землю. Теперь такого выбора не стало: волей-неволей приходилось служить и платить одному—московскому государю; а такъ какъ онъ теперь одинъ собственникъ земли и только у него можно найти службу, то не зачѣмъ и договариваться, потому что если и не согласишься на его условія, все равно ничего не выиграешь, такъ какъ, кромѣ какъ отъ московскаго князя, не отъ кого стало получать землю для обработки, не къ кому наниматься на службу. Русскіе люди становятся, такимъ образомъ, зависимыми отъ московскаго государя, онъ что хочетъ, то и можетъ съ ними сдѣлать, потому что они зависятъ отъ него въ такомъ

важномъ для жизни вопросѣ, какъ хлѣбъ насущный. Прежнія вольныя отношенія по необходимости стали подневольными. Тѣхъ, кто, по старинѣ, продолжалъ считать себя въ правѣ уйти отъ московскаго государя, теперь зовутъ измѣнниками, такъ какъ уходить, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ удѣльныя княжества вошли въ Московское государство, стало возможнымъ только въ Польско-Литовское государство, къ татарамъ, въ Швецію. Но это все враги русской земли, и переходъ къ нимъ, конечно, не то, что переходъ въ прежнее время отъ одного русскаго удѣльнаго князя къ другому. Съ другой стороны, пока Москва была удѣльнымъ княжествомъ, она была мало доступна для нападеній внѣшнихъ враговъ, не могла и сама задѣвать ихъ, потому что со всѣхъ сторонъ ее окружали другія удѣльныя княжества; когда же Москва вобрала эти княжества въ себя, то московскому государю пришлось волей-неволей взять на себя охрану всей великорусской страны, пришлось заботиться и о томъ, какъ бы отбить обратно забранныя сосѣдями русскія земли.

Это уже не думы прежняго удѣльнаго князя о томъ, какъ бы „землицы“ себѣ примыслить, оттягавъ ее какъ-нибудь у сосѣдей, такихъ же удѣльныхъ князей. Передъ московскимъ *государемъ* встаетъ болѣе широкая задача— вернуть въ русскую землю тѣ области и города, какіе отняли у удѣльныхъ князей иноземцы—литовцы и поляки, цѣлью его дѣятельности становится высокая національная задача: собрать всю Русь; московскій государь начинаетъ именовать себя княземъ великимъ московскимъ и всея Руси.

Два событія, случившіяся во второй половинѣ XV вѣка, окончательно выдвигаютъ московскаго великаго князя далеко выше изъ ряда простыхъ удѣльныхъ князей и превращаютъ его въ государя и царя надъ всей великорусской землей.

Событія эти — взятіе Константинополя турками (1454 г.), сопровождавшееся разрушеніемъ Византійской имперіи, и паденіе татарскаго ига (1480 г.).

Послѣ паденія татарскаго ига московскій великій князь остался во главѣ всей Великороссіи, независимымъ ни отъ кого ея владѣтелемъ, а послѣ паденія

Византіи онъ сталъ единственнымъ на свѣтѣ независимымъ православнымъ государемъ. На Руси издавна привыкли смотрѣть на Византію, какъ на колыбель и охрану православія. Русская церковь была только митрополіей церкви греческой, константинопольскій патріархъ былъ главой всего русскаго духовенства. Русскій митрополитъ еще такъ недавно назначался въ Константинополѣ. Византійскій императоръ считался главой и охранителемъ всего православія. Другіе православные государя назывались въ Византіи только его слугами и помощниками. Русскихъ князей византійскіе императоры считали ниже себя и въ знакъ особаго расположенія именовали нѣкоторыхъ изъ нихъ „сродниками". Византійскіе писатели утверждаютъ даже, что русскій великій князь носилъ званіе стольника византійскаго императора. И императоры включали въ свой титулъ званіе царей русскихъ даже въ XIV вѣкѣ.

Греческій писатель XIV вѣка Планудисъ разсказываетъ, что когда посолъ русскаго великаго князя являлся въ Царьградъ, то, представляясь императору, говорилъ такъ: „Повелитель мой, царь Руссовъ, а твоего священнаго величества стольникъ, униженно преклоняется передъ твоимъ священнымъ величествомъ"...

Сынъ Димитрія Донского, великій князь Василій, попробовалъ-было отказаться признавать такое главенство византійскаго императора и сталъ запрещать митрополиту поминать императора на ектеніяхъ.

— Мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ!—сказалъ онъ.

Патріархъ отвѣтилъ на то великому князю увѣщавательнымъ посланіемъ, въ которомъ указывалъ, что византійскій императоръ признается всѣми и долженъ быть признаваемъ, какъ „великій царь, господинъ и начальникъ вселенной"; на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только существуютъ христіане, имя императора поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей; власть императора по сравненію съ властью прочихъ государей такова, что даже латиняне, не имѣющіе общенія съ православіемъ, и тѣ оказываютъ покорность императору, тѣмъ

болѣе обязаны чтить власть императора православные народы и государи.

Паденіе Византійской имперіи отъ ударовъ мусульманъ и освобожденіе русской земли въ то же время отъ ига мусульманъ же, конечно, вызывало на размышленіе, и русскіе люди, сопоставляя всѣ эти событія, стали много разсуждать о томъ, что какъ-де „нынѣ прославилъ Богъ въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константина—Москвѣ и всей русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государя“. Толковали далѣе, что и средоточіемъ православной вѣры стала теперь Москва, что теперь только на Руси православная вѣра „едина во всей вселенной паче солнца свѣтится“, а церкви стараго Рима и второго Рима—Царьграда—пали отъ ересей, и что теперь московскій государь, какъ „браздодержатель святыхъ Божіихъ церквей“—„пресвѣтлѣйшій и великостольнѣйшій государь“, „иже во всей поднебесной христіанамъ царь, и во едино его царство сошлись всѣ пришедшія въ конецъ царства православной христіанской вѣры: два Рима падоша, а третій—Москва—стоитъ, четвертому же не быть“...

Московскій государь Иванъ III женился на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Софіи Палеологъ (1472 г.), принялъ и гербъ Византіи—двуглаваго орла. Впервые этотъ гербъ появился въ 1497 году на печати великаго князя, скрѣпившей его договоръ съ наслѣдниками удѣльнаго волоцкаго князя Бориса. Московскіе книжники стали указывать, что русская церковь не ниже греческой, что христіанство пришло на Русь не изъ Византіи, а установлено апостоломъ Андреемъ, который, „первее благословивый землю нашу русскую и преобразивый намъ святое крещеніе истиннаго благочестія“, поставилъ крестъ на горѣ на берегу Днѣпра, знаменуя тѣмъ крестомъ священное чиноначаліе Русской земли. На предложеніе римскаго папы признать, по примѣру грековъ, флорентійскую унію, московское правительство отвѣтило: „Мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую

вѣру при началѣ христіанской церкви, когда апостолъ Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти стороны, чтобы пройти въ Римъ, такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи, и съ тѣхъ поръ доселѣ соблюдали ее ненарушимою"...

Тогда же стали въ Москвѣ утверждать, что царство русское тоже „изначала бѣ", что еще Владиміру Мономаху, великому князю кіевскому, сроднику греческихъ царей, дѣдъ его царь Константинъ Мономахъ прислалъ „діадему и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа", какъ бы переводя тѣмъ славу греческаго царства на россійскаго царя. „Вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ Владиміръ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ... и оттолѣ боговѣнчанный царь нарицается въ россійскомъ царствіи", — говоритъ сказаніе... Иванъ III первый изъ московскихъ князей сталъ зваться царемъ и государемъ, хотя звался такъ лишь при случаѣ, не всегда и не постоянно.

Предшественники Ивана III, великіе князья московскіе, просто „садились на великокняжскій столъ отцовъ и дѣдовъ", Иванъ III вѣнчалъ своего преемника на великое княженіе торжественнымъ церковнымъ обрядомъ и возложилъ на него вѣнецъ и бармы Мономаха, а во время вѣнчанія митрополитъ обратился съ рѣчью къ великому князю и назвалъ его „преславнымъ царемъ и самодержцемъ". Московскій государь и самъ начинаетъ высоко держать свое достоинство. Германскій императоръ просилъ у Ивана III руки его дочери для одного изъ своихъ племянниковъ и предложилъ московскому великому князю титулъ короля. Въ Москвѣ поблагодарили за любезное предложеніе, но велѣли передать императору: „А что ты намъ говоришь о королевствѣ, то мы, Божіей милостью, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а постановленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ быть такъ, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а постановленія, какъ и прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь!"

Свойственное удѣльному времени обозначеніе кня-

жеской власти словомъ „государь“ пріобрѣтаетъ теперь иной смыслъ. Тогда слово „государь“ значило просто хозяинъ; произошло оно изъ сокращенія слова „господарь“ — господинъ; такъ называли всякаго хозяина-собственника. Съ половины XIV в. слово „государь“ имѣетъ болѣе широкое значеніе и по-иному обозначаетъ характеръ верховной власти въ странѣ.

Дѣло въ томъ, что великіе князья были крупными хозяевами, землевладѣльцами и рабовладѣльцами, и въ этомъ смыслѣ всѣми зависѣвшими отъ нихъ и по всему принадлежавшему имъ именовались государями. Такъ какъ въ удѣльное время сколько-нибудь отчетливой границы между службой государственной и службой личной князю не существовало, то и слуги вольные, особенно тѣ, которые долго заживались за однимъ княземъ, привыкли титуловать своихъ князей господарями и государями. Великій князь Василій Темный первый сталъ именоваться великимъ государемъ послѣ того, какъ отстоялъ отъ уніи (соединенія) съ католичествомъ московское православіе, отказавшись присоединиться къ флорентійскому соглашенію.

Когда Москва окончательно вобрала въ свои предѣлы всю Великороссію, ея государи стали считать, что если ихъ предки были государями на своемъ удѣльномъ столѣ, то они должны быть государями во всей Великороссіи; сообразно съ этимъ и выростаетъ самое значеніе слова.

Въ 1470-хъ годахъ у великаго князя московскаго шла большая „нелюбовь“ съ Новгородомъ-Великимъ. Новгородъ давно ужъ былъ вынужденъ признать надъ собой покровительство Москвы, но Москва хотѣла полнаго господства. Въ 1477 году новгородскіе послы, цѣлуя крестъ на соблюденіе новаго договора съ Москвой, ошибочно назвали великаго князя „государемъ“ вмѣсто обычнаго наименованія „господиномъ“. Великій князь придрался къ этому случаю и послалъ въ Новгородъ спросить новгородцевъ: какого они хотятъ государства? Хотятъ ли, чтобъ въ Новгородѣ былъ одинъ судъ— государя, чтобъ тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя? Новгородцы всполошились, понявъ, куда кло-

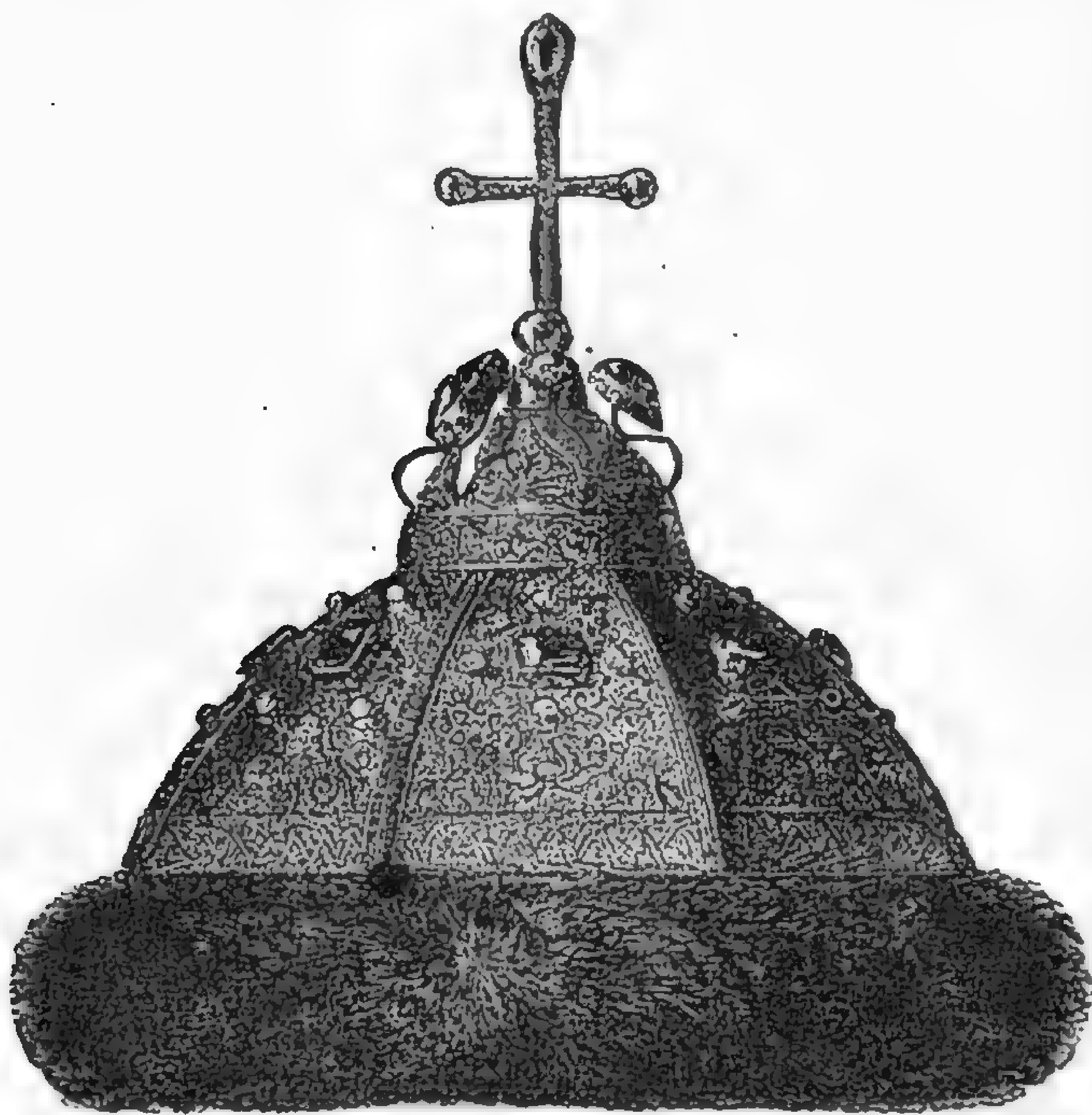
нитъ дѣло великій князь, казнили сдѣлавшихъ такую ошибку пословъ своихъ, а великому князю отвѣчали: „Вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, но государями васъ не зовемъ, тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ“... Съ этимъ отвѣтомъ великій князь пошелъ къ митрополиту и обвинялъ передъ нимъ новгородцевъ въ клятвопреступленіи: „Я не хотѣлъ у нихъ государства,—говорилъ онъ,—сами прислали, а теперь запираются и на насъ ложь положили“... То же было объявлено всюду, и одновременно начались вооруженія противъ Новгорода. Новгородцамъ было объявлено, что великій князь хочетъ теперь, послѣ ихъ словъ, „такого же государства въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ“. Новгородцы спросили—какое же это государство?—и получили вотъ что въ отвѣтъ: „Государство наше таково: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ Низовой землѣ“... Когда новгородцы стали просить о сохраненіи за ними нѣкоторыхъ льготъ и „пошлинъ“, т.-е. привилегій, то великій князь увидѣлъ въ этой просьбѣ попытку связать его власть и сухо замѣтилъ: „Вы сами нонеча указываете мнѣ и чините урокъ, какъ нашему государству быти, ино то которое мое государство?“ т.-е. какое же послѣ этого будетъ *мое* государство? Когда великій князь пообѣщалъ все же дать Новгороду кое-какія льготы, новгородцы стали просить его, чтобы онъ „крестъ цѣловалъ“. Но это тоже оказывалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ московскаго государя, и онъ рѣзко отказалъ: „Не быти сему цѣлованію!“ Новгородцы стали просить, чтобы, по крайней мѣрѣ, бояре великаго князя цѣловали крестъ, но и тутъ встрѣтили отказъ, сами же всѣ были приведены къ присягѣ на вѣрность государю московскому и всея Руси.

Съ московской точки зрѣнія государь есть, слѣдовательно, неограниченный хозяинъ своего государства, не вступающій съ подвластными ни въ какіе договоры. Но такъ какъ на договорахъ князей другъ съ другомъ, вольныхъ слугъ съ князьями выросъ весь распорядокъ государственнаго строя, то московскимъ государямъ

долго пришлось еще защищать тотъ новый смыслъ, какой они дали слову „государь“.

Этотъ титулъ, впрочемъ, скоро оказался въ тѣни передъ другими блестящими наименованіями: „царь“ и „самодержецъ“, причемъ послѣднему выраженію суждено было впитать въ себя весь тотъ внутренній смыслъ, который естественно содержался въ выраженіи „государь“.

Слово „царь“—сокращеніе латинскаго слова „цезарь“, или „цесарь“, получившееся отъ особой манеры древняго написанія, когда въ стремленіи выиграть мѣсто и время нѣкоторыя часто повторяемыя слова писали сокращенно; вмѣсто Богъ, напримѣръ, Б҃гъ, вмѣсто цесарь — Ц҃рь; это слово понемногу привыкли еще на славянскомъ югѣ произносить, какъ писали, т.-е. царь. Такъ же со стороны пришло къ намъ и выраженіе „самодержецъ“: это переводъ греческаго слова „автократоръ“—одного изъ титуловъ византійскаго императора.

Шапка Мономаха.

Царемъ въ древней до-московской Руси постоянно именовали византійскаго императора и татарскаго хана, владѣвшаго русской землей съ XIII вѣка до половины XV в. Этотъ титулъ считался гораздо болѣе почетнымъ, чѣмъ княжескій, и своихъ князей древніе книжники именовали „царями“ или „самодержцами“ только въ особую почесть; то обстоятельство, что царемъ и самодержцемъ величали въ почесть русскихъ князей до татарщины и никогда во времена ига, позволяетъ заключить, какую власть хотѣли разумѣть древне-рус-

скіе люди, когда произносили слова „царь“ и „самодержецъ“. Самодержцемъ древняя Русь называла государя, *независимаго* ни отъ какого другого владѣтеля, не платящаго никому дани. Великій князь Иванъ III сталъ именовать себя самодержцемъ лишь послѣ того, какъ было свергнуто татарское иго. Внукъ Ивана III-го, Иванъ IV Васильевичъ Грозный принимаетъ титулъ царя, какъ единственный, свойственный и приличный московскому государю и великому князю всея Руси, единственному во вселенной самостоятельному, ни отъ кого *независимому православному* монарху. Царскій титулъ признали за Иваномъ Васильевичемъ византійскій патріархъ и все восточное духовенство. Это признаніе имѣло очень важное значеніе: съ этого времени всѣ народы православнаго Востока стали смотрѣть на московскаго государя и царя, какъ на главу и представителя всего православія, какъ на ихъ единственную и естественную опору и защиту; отъ московскаго царя стали ожидать спасенія отъ рабства всѣ покоренные турками православные народы. Во всѣхъ церквахъ православнаго Востока стали молиться о здравіи московскаго царя и именовать его царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана. „Не только въ одной Константинопольской церкви,—писалъ патріархъ царю Ивану Васильевичу,—но и по всѣмъ церквамъ будемъ молить Бога о имени твоемъ, да будешь и ты между царями, какъ равноапостольный и приснославный Константинъ“.

II.

Родился Иванъ IV Васильевичъ въ 1530 г. Отецъ его Василій III (1505—1533) умеръ, когда княжичу Ивану шелъ всего четвертый годъ. Править государствомъ младенецъ, конечно, не могъ. Кому же умирающій могъ поручить это многотрудное дѣло?

Въ живыхъ оставалась мать молодого князя—Елена, происходившая изъ знатнаго рода литовскихъ князей Глинскихъ, были живы двоюродные дяди молодого князя, наконецъ, всѣ бояре, искони составлявшіе со-

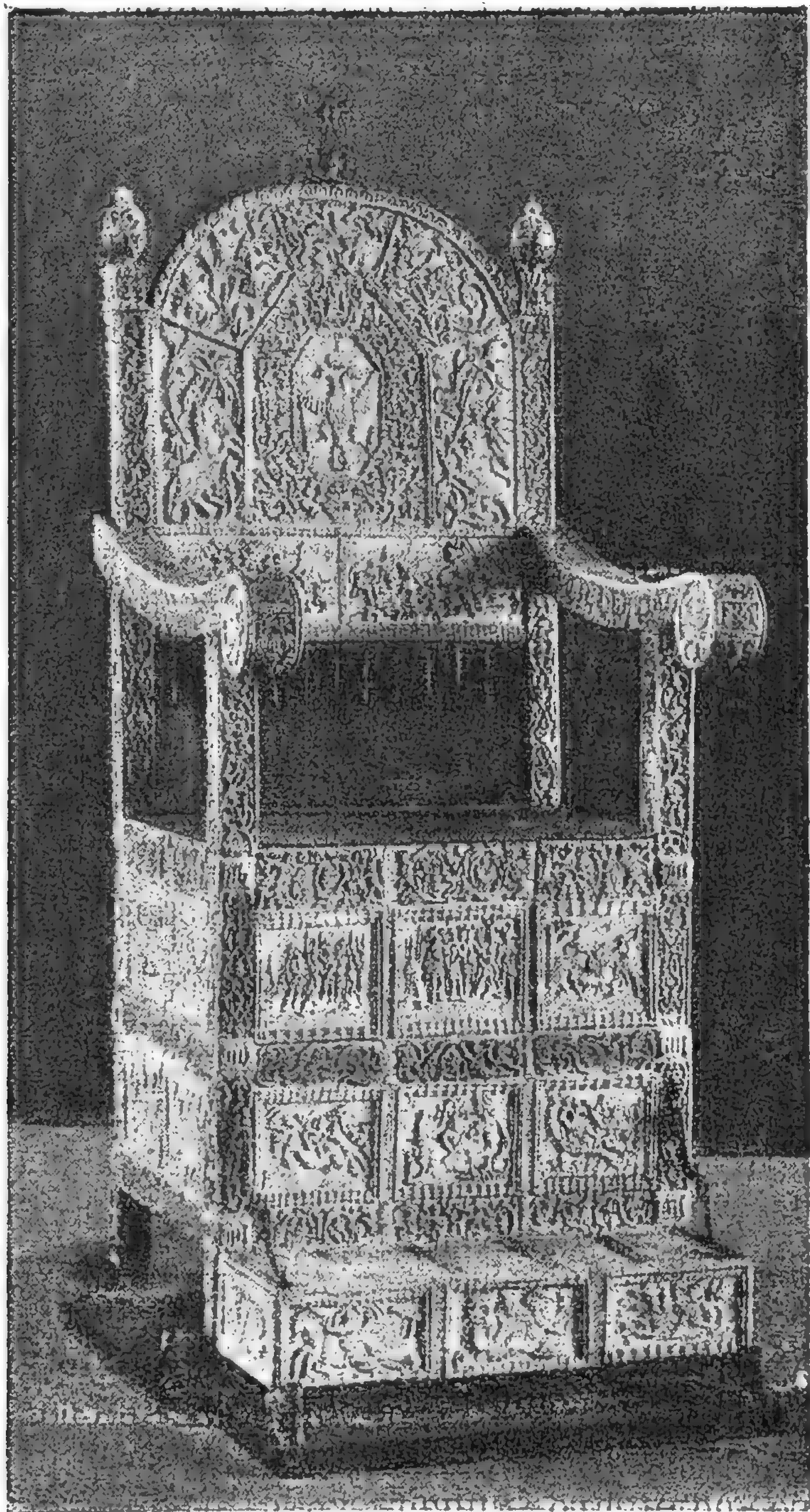
вѣтъ всякаго князя—боярскую думу—могли бы взять на себя управленіе, пока не подрастетъ молодой государь.

Но представлялось ли возможнымъ положиться на всѣхъ ихъ? Мать Ивана—Елена, конечно, могла остаться опекуншей и воспитательницей своего сына, но была ли она способна къ правленію, будутъ ли ея слушаться родственники и бояре, захотятъ ли они повиноваться младенцу-князю и его матери? Вѣдь среди бояръ находилось много потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей; они еще живо помнили то время, когда ихъ отцы были такими же князьями-хозяевами своихъ удѣловъ, какимъ былъ московскій князь въ своемъ.

Являясь на службу къ великому князю, эти бояре-княжата приводили съ собой цѣлые полки изъ своихъ прежнихъ удѣловъ, гдѣ, по уговору съ великимъ княземъ, за ними оставались не только громадныя имѣнія, но и нѣкоторыя владѣтельныя права. Такіе бояре-княжата судили жившихъ на ихъ земляхъ людей, давали отъ своего имени жалованныя грамоты монастырямъ и частнымъ лицамъ, содержали отряды вооруженныхъ слугъ и были довольно самостоятельны въ распоряженіи своимъ земельнымъ имуществомъ въ предѣлахъ бывшихъ ихъ и ихъ предковъ княжествъ; въ бывшія резиденціи своихъ предковъ они въѣзжали подъ торжественный перезвонъ колоколовъ, а люди, жившіе въ ихъ бывшихъ удѣлахъ, по унаслѣдованной отъ отцовъ привычкѣ, величали ихъ *своими* князьями, шли къ нимъ за судомъ и съ жалобами. Князь М. Воротынскій еще въ 1570 году владѣлъ третью города Воротынска, князья Оболенскіе—Оболенскомъ и т. д.

Уступая свои удѣлы московскому князю и переходя къ нему на службу, удѣльные князья думали, что будутъ не только первыми совѣтниками московскаго государя, но и соправителями. Всѣ они происходили изъ одного племени—Рюрикова, а потому и могли думать, что вся разница прежняго удѣльнаго состоянія съ наступившимъ московскимъ порядкомъ только въ томъ и заключается, что при удѣльныхъ порядкахъ они владѣли великорусской землей, каждый сидя въ своемъ удѣлѣ, а теперь будутъ владѣть всѣ вмѣстѣ, собра-

вшись въ Москвѣ, а московскій государь будетъ только старшій среди нихъ всѣхъ. Благодаря такому взгляду,

Рѣзной по слоновой кости тронъ великаго князя Іоанна III Васильевича.

всякое распоряженіе московскаго государя, исходившее безъ совѣта съ ними, встрѣчали они недовольствомъ и ропотомъ.

Оберегая свою родовую честь, бояре-княжата „мѣстничались“ на службѣ, т.-е. считались мѣстами, и до мелочей наблюдали, чтобы тотъ, кто считался знатнѣе, не взялъ мѣста подъ начальствомъ менѣе знатнаго человѣка. Для расчета, кто старше, кто моложе родомъ, существовали особыя правила, очень мелочныя и запутанныя. Основнымъ правиломъ мѣстничества московскихъ временъ являлось то, что бывшій удѣльный князь становился на московской службѣ и садился въ думѣ или за государевымъ столомъ выше московскаго боярина не-княжескаго происхожденія. Среди самихъ княжатъ было принято размѣщаться во всѣхъ случаяхъ общественной или частной жизни по качеству столовъ, которые занимали ихъ владѣтельные предки: потомокъ княжеской вѣтви, занимавшей старшій изъ столовъ извѣстной линіи—ростовской, ярославской, тверской, становился и садился выше тѣхъ своихъ родичей, предки которыхъ пришли въ Москву съ младшихъ удѣльныхъ столовъ тѣхъ же линій. Но это правило имѣло силу только по отношенію къ тѣмъ родамъ, предки которыхъ пришли въ Москву прямо со своихъ удѣловъ. Было много такихъ князей, которые въ Москву пришли уже подручными какого-нибудь другого великаго князя — тверского или рязанскаго, напримѣръ. Такіе князья въ расчетъ бояръ-княжатъ не входили. Если потомокъ удѣльнаго князя становился на московской службѣ выше стариннаго московскаго боярина потому, что московскій бояринъ и его предки всегда были слугами, а предки боярина-княжича сами были владѣтелями, то понятно, что человѣкъ, хотя бы и княжескаго происхожденія, но служившій лицу, подчинившемуся московскому великому князю, долженъ былъ по тогдашнимъ понятіямъ, стать ниже слугъ московскаго великаго князя, хотя бы они были и не-княжескаго происхожденія.

На основѣ возникавшаго изъ этихъ правилъ распорядка высшихъ правительственныхъ фамилій, — на ихъ отечествѣ—держалось все устройство службы высшихъ чиновъ Московскаго государства. Этотъ распорядокъ признавало и правительство и строго руководствовалось имъ при всѣхъ служебныхъ назначеніяхъ,

особенно высшихъ, военныхъ и думныхъ. При назначеніи на службу лицъ одной фамиліи устанавливали старшинство назначаемыхъ по „родословцу“, родословной росписи. При назначеніи лицъ разныхъ фамилій на совмѣстную службу смотрѣли еще и по „разрядамъ“—въ какомъ соотношеніи должностей находились на службѣ предки этихъ лицъ; сообразно съ родовымъ положеніемъ предковъ и ихъ служебныхъ должностей получали свои мѣста и должности потомки. Считали, что никакая служба, какъ бы мелка она ни была, не можетъ уронить ничьей родовой чести, только бы менѣе знатный человѣкъ занималъ на этой же службѣ должность еще болѣе мелкую. Когда княжичъ отказывался отъ службы, то это не было отказомъ служить, а лишь нежеланіемъ служить съ тѣми, съ кѣмъ, по его расчету знатности, служить ему было „невмѣстно“. По правиламъ мѣстничества считалось, что разъ человѣкъ уступилъ, согласился подчиниться менѣе знатному, то и весь родъ его, все потомство будетъ впредь служить ниже потомства того, кому онъ уступилъ. Понятно отсюда, почему княжата съ упрямствомъ охраняли свою честь и лучше готовы были потерять головы, нежели согласиться на невмѣстную службу. Московскіе государи при всѣхъ служебныхъ назначеніяхъ строго соблюдали правила мѣстничества, потому что такъ велось изстари, да и большой помѣхи дѣлу тутъ не происходило, такъ какъ правительство въ любую минуту могло останавливать всѣ мѣстническіе счеты, назначая службу „безъ мѣстъ“, т.-е. безъ расчета должностей по знатности. Бояре ревниво оберегали свои права на высшія мѣста въ управленіи, и у нихъ считалось неопровержимымъ правиломъ, что „за службу жалуетъ государь помѣстьями и деньгами, а не отечествомъ“, и считали государя обязаннымъ считаться съ „отечествомъ“.

Опираясь на мѣстничество, княжеская знать дѣлала свое первенствующее положеніе въ правительствѣ независимымъ какъ отъ великаго государя, который не могъ жаловать „отечества“ и долженъ былъ во всѣхъ служебныхъ и думныхъ назначеніяхъ считаться съ мѣстничествомъ, такъ и отъ служебныхъ успѣховъ незнатныхъ лицъ, которыя, проникая на верхи правитель-

ственнаго класса, могли бы оттѣснять знатныхъ людей отъ первыхъ мѣстъ въ правительствѣ.

Благодаря тому, что правительственная власть Московскаго государства сосредоточивалась въ рукахъ знатнаго боярства, самое правительство носило строго боярскій характеръ, было, какъ принято говорить, аристократическимъ, другими словами—государь всея Руси правилъ при помощи знатныхъ по происхожденію людей, которыхъ онъ не могъ не назначать на высшія должности, а назначая, долженъ былъ руководствоваться „породой" тѣхъ, кого назначалъ, а не заслугами ихъ по службѣ.

Мѣстничество, давая извѣстное утѣшеніе княжатамъ при ихъ обязательной службѣ московскому государю, поддерживая въ нихъ воспоминаніе о былой независимости, воли все же не давало. Поэтому бояре-княжата и прибѣгали ради достиженія воли къ инымъ, болѣе дѣйствительнымъ средствамъ: составляли заговоры, поднимали волненія въ народѣ, рады были воспользоваться всякимъ замѣшательствомъ при дворѣ, лишь бы укрѣпить и „превознести" свое положеніе, какъ правителей въ государствѣ.

Но вѣдь это грозило разрушеніемъ только-что сложившемуся и начавшему крѣпнуть государству, могло опять сдѣлать его игрушкой сильныхъ сосѣдей, отъ которыхъ такъ удачно начали-было отбиваться. Народъ и старинные московскіе бояре, тѣ, которые происходили не отъ прежнихъ удѣльныхъ князей и вмѣстѣ съ первыми московскими князьями „строили" московскій удѣлъ и собирали вокругъ Москвы „всю Русь", никакъ не могли согласиться на это и крѣпко держались за московскаго государя, надѣясь, что только тогда удастся сломить внѣшнихъ враговъ и лучше, легче устроить жизнь молодого государства. Но борьба съ внѣшними врагами, войны Ивана III и Василія III съ литовцами и татарами требовали много денегъ и много воиновъ. Въ удѣльныя времена не приходилось платить столько всякихъ поборовъ и выставлять столько людей въ войско, какъ въ московское время. Это вызывало недовольство и въ народѣ, такъ что человѣку, желавшему вызвать смуту, сдѣлать это было сравнительно не-

трудно. Можно было ожидать, что бывшіе удѣльные князья не захотятъ повиноваться младенцу-государю, или, просто, поднявъ распрю, кому быть правителемъ, сумѣютъ взволновать народъ, указывая на то, какъ

Великій князь Василій III Ивановичъ.
Съ рисунка въ книгѣ Герберштейна „Записки о московитскихъ дѣлахъ“.

легко жилось въ удѣльное время и какъ трудно теперь. Умирая, великій князь Василій III могъ ожидать, что бояре-княжата воспользуются малолѣтствомъ его наслѣдника, заведутъ смуты и раздоры, среди которыхъ недолго погибнуть юному государству.

На смертномъ одрѣ своемъ умиравшій великій князь болѣе всего скорбѣлъ о государствѣ. Обращаясь

къ окружавшимъ его митрополиту, роднымъ и боярамъ, онъ говорилъ: „Приказываю своего сына, великаго князя Ивана, Богу, Пресвятой Богородицѣ, святымъ чудотворцамъ и тебѣ отцу своему Данилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой; а вы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ вы мнѣ крестъ цѣловали,—о земскомъ строеніи и о ратныхъ дѣлахъ; противъ недруговъ моего сына и своихъ стойте сообща, чтобъ православныхъ рука была высока надъ басурманствомъ; а вы, бояре и князья, какъ служили намъ, такъ служите и сыну моему Ивану, на недруговъ всѣ будьте заодно, христіанство отъ недруговъ берегите, служите сыну моему прямо и крѣпко". „Знаете сами, что государство наше ведется отъ великаго князя Владимира кіевскаго, мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре; такъ постойте, братья, крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, чтобы была въ землѣ правда, и въ васъ розни никакой не было".

5 декабря 1533 г. великаго князя Василія III не стало. Очень скоро оказалось, что его предсмертныя опасенія были справедливы. Правительницей государства сдѣлалась мать малолѣтняго Ивана—Елена. При ней особенно возвысился и пріобрѣлъ большое значеніе въ правительственныхъ дѣлахъ князь И. О. Телепень-Овчина-Оболенскій. Этимъ возвышеніемъ молодого боярина были очень недовольны родственники великаго князя, его дядья, князья Юрій и Андрей, они начали замышлять что-то противъ Елены и Оболенскаго; государству стала грозить опасная смута: многіе московскіе люди поколебались и были склонны стать на сторону готовыхъ возмутиться князей Андрея и Юрія. Но Оболенскому и Еленѣ удалось во-время предупредить недовольныхъ князей: оба были схвачены и посажены въ московскія тюрьмы. Тамъ они и скончались.

Но у правительницы много было враговъ и среди боярства, недовольнаго тѣмъ, что въ дѣлахъ правленія совѣты Оболенскаго она предпочитаетъ приговорамъ боярской думы. Къ тому же бояре-княжата считали

себя обиженными тѣмъ, что имъ не предоставили всего правленія.

Въ 1538 г. княгиня Елена скоропостижно скончалась, какъ говорили, отъ яда. Теперь дѣло правленія по необходимости переходило въ руки бояръ, боярской думы. Среди бояръ-княжатъ знатностью, богатствомъ, значеніемъ особенно выдавались князья Шуйскіе и Бѣльскіе. У нихъ и завязалась борьба изъ-за того, кому стать во главѣ правленія. Сначала верховенствомъ овладѣли Шуйскіе. Первымъ ихъ дѣломъ было сослать Оболенскаго и его сестру, мамку великаго князя, которую ребенокъ очень любилъ. Но удержаться долго у власти имъ не пришлось. Самовластіе ихъ и самоуправство привели къ тому, что всѣ недовольные ими стали помогать Бѣльскому.

Правленіе Бѣльскаго было болѣе сноснымъ для всѣхъ, но Шуйскіе не могли уступить такъ легко первенствующее положеніе въ государствѣ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ князья Шуйскіе неожиданно напали на Бѣльскаго и его сторонниковъ. Ночью явились они въ Москву изъ Владимира, куда были удалены Бѣльскимъ, схватили Бѣльскаго и сослали его въ монастырь, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и умертвили. Въ келью митрополита, стоявшаго за Бѣльскаго, сторонники Шуйскихъ кидали камнями. Митрополитъ хотѣлъ искать спасенія во дворцѣ, но заговорщики ворвались вслѣдъ за нимъ, съ шумомъ вломились въ спальню ребенка, великаго князя, и напугали его.

Завладѣвъ властью, Шуйскіе начали расправляться со всѣми, кто былъ или казался имъ неугоднымъ. Такъ, около этого времени большимъ расположеніемъ великаго князя сталъ пользоваться молодой бояринъ Воронцовъ. Эта привязанность показалась подозрительной Шуйскимъ. И вотъ разъ въ присутствіи великаго князя схватили они Воронцова, били его по щекамъ, оборвали на немъ всю одежду и хотѣли убить. Только слезы и мольбы ребенка-государя удержали Шуйскихъ отъ кровавой расправы.

Пока происходили всѣ эти событія, ребенокъ-государь подрасталъ, началъ зорче всматриваться въ окружавшихъ его людей и совершавшіяся кругомъ

событія. Отъ природы онъ былъ бойкимъ, способнымъ, очень чуткимъ и воспріимчивымъ мальчикомъ.

Шуйскіе, занятые борьбой съ тѣми, кого считали своими врагами, обращали очень мало вниманія на воспитаніе великаго князя, обижали его, не стѣснялись дурно говорить при немъ объ его отцѣ и матери. Но при торжественныхъ случаяхъ, въ дни посольскихъ пріемовъ и придворныхъ празднествъ, эти же князья Шуйскіе низко склонялись передъ Иваномъ, величали его великимъ государемъ, а себя называли его холопами и нижайшими слугами. Умный ребенокъ не могъ не задумываться надъ такимъ различнымъ при различныхъ случаяхъ обхожденіемъ съ нимъ однихъ и тѣхъ же людей.

Обиды, какія причиняли ему Шуйскіе и бояре, ихъ единомышленники, глубоко западали въ воспріимчивую душу Ивана; онъ даже спустя 30 лѣтъ не могъ безъ чувства горечи вспоминать о томъ, какъ обходились съ нимъ бояре въ его дѣтскіе годы. „По смерти матери нашей Елены,—писалъ впослѣдствіи царь Иванъ,—остались мы съ братомъ Георгіемъ круглыми сиротами; подданные наши хотѣніе свое улучили—нашли царство безъ правителя. Объ насъ государяхъ своихъ заботиться не стали, начали хлопотать только о пріобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! Сколько бояръ и воеводъ доброхотовъ отца нашего умертвили! Дворы, села и имѣнія дядей нашихъ взяли себѣ и водворились въ нихъ. Казну матери нашей перенесли въ государственную казну, причемъ неистово ногами пихали ея вещи и спицами кололи, а иное и себѣ побрали... Насъ съ братомъ Юріемъ начали держать какъ иностранцевъ или какъ плѣнныхъ. Какой нужды только ни натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ: ни въ чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами такъ, какъ слѣдуетъ поступать съ дѣтьми. Одно припомню: бывало, мы съ братомъ играемъ, а князь Иванъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ...“

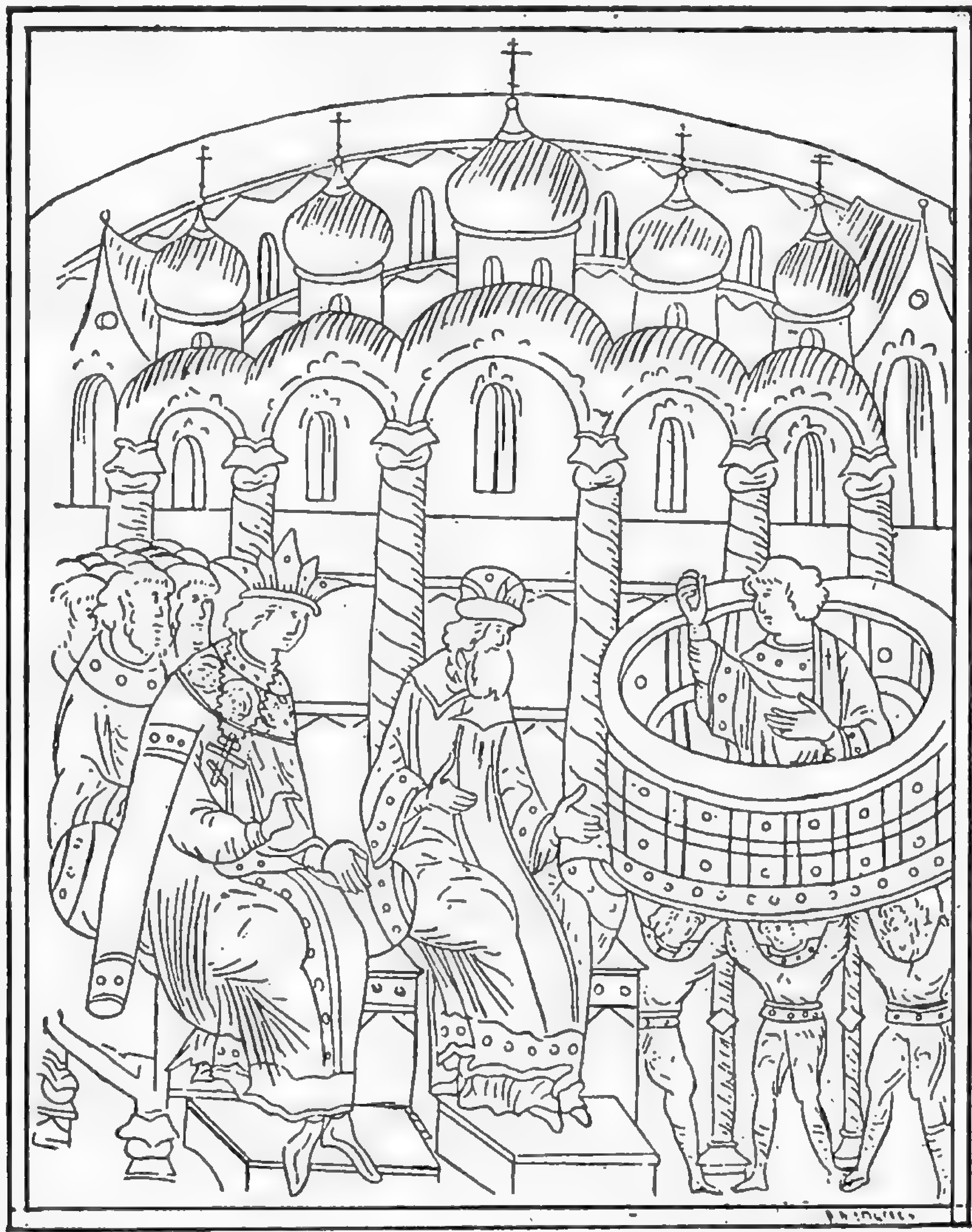
Рано научившись читать, подъ руководствомъ ученаго и добраго старца, митрополита Макарія, Иванъ

еще въ очень юные годы прочиталъ чуть ли не все, что тогда можно было прочитать: книги священнаго писанія, церковную и римскую исторіи, русскія лѣтописи, творенія св. отцовъ. Во всемъ, что онъ читалъ, Иванъ выискивалъ такія мѣста, гдѣ говорилось о величіи царской власти, о беззаконныхъ слугахъ, о невѣрныхъ рабахъ, — все это молодой государь примѣнялъ къ своему положенію и глубоко затаивалъ въ сердцѣ недовольство противъ тѣхъ, кто заставлялъ его испытывать униженіе. Изъ затаеннаго недовольства понемногу, по мѣрѣ того, какъ ребенокъ сознавалъ, что онъ государь, выростало желаніе отомстить. Шуйскіе совсѣмъ не заботились о воспитаніи великаго князя и предоставили ему расти, какъ травѣ въ полѣ. Свобода вести себя, какъ хочетъ, относительно пировъ и забавъ, была у ребенка полная. Жестокій отъ природы, Иванъ Васильевичъ воспользовался небрежностью своихъ воспитателей въ самую дурную сторону. Однимъ изъ первыхъ его удовольствій было, по словамъ современника, „проливать кровь безсловесныхъ", бросая ихъ на землю съ высокихъ теремовъ. Воспитатели позволяли ему это и даже хвалили за такую жестокость, какъ за молодечество.

Великій князь собралъ около себя толпу знатной молодежи, скакалъ съ товарищами верхомъ по улицамъ и площадямъ, билъ и обижалъ встрѣчавшихся мужчинъ и женщинъ,—„поистинѣ въ самыхъ разбойническихъ дѣлахъ упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: „О, храбръ будетъ этотъ государь и мужественъ". Будучи еще по 13-му году, онъ неожиданно для всѣхъ велѣлъ своимъ псарямъ схватить старшаго изъ князей Шуйскихъ. Псари схватили гордаго правителя и, волоча къ тюрьмѣ, убили. „Съ этихъ поръ, отмѣчаетъ лѣтописецъ, начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе". Но для государства большой перемѣны послѣ того, какъ Шуйскаго замучили псари, не произошло. Мѣсто Шуйскихъ заняли родственники государя по матери—Глинскіе. Если прежде было опасно не угождать Шуйскимъ, то теперь рѣзали языки за „невѣжливыя" слова противъ Глинскихъ...

Когда великому князю Ивану исполнилось 17 лѣтъ,

то мысль о его великомъ значеніи, какъ государя, стала въ немъ еще сильнѣе. Онъ рѣшилъ торжественно вѣнчаться на царство и зваться впредь всегда и всюду не великимъ княземъ, а царемъ всея Руси. Титулъ царя, какъ сказано выше, считался самымъ высшимъ у то-

Вѣнчаніе на царство Ивана IV Грознаго.
Съ рис. въ „Царственной книгѣ".

гдашнихъ русскихъ людей. Такъ они называли только византійскаго императора да хана Золотой Орды, который въ удѣльное время считался верховнымъ господиномъ всей русской земли. Принимая названіе царя Иванъ Васильевичъ хотѣлъ показать, что считаетъ себя покровителемъ вселенскаго православія, независимымъ

ни отъ кого, единымъ владѣтелемъ всей русской земли, помазанникомъ Божіимъ.

Тогда же онъ объявилъ боярамъ, что хочетъ жениться. 16 января 1547 г. Иванъ Васильевичъ торжественно вѣнчался на царство и сталъ первымъ царемъ и государемъ всея Руси. Вскорѣ послѣ этого событія по всѣмъ областямъ и городамъ государства была разослана князьямъ и боярамъ такая грамота: „Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери дѣвицы, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвицъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь дѣвицу утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собой сами, не задерживая ни часу“. Намѣстники сдѣлали выборъ изъ привезенныхъ къ нимъ дѣвицъ и лучшихъ отослали въ Москву. Здѣсь привезенныхъ смотрѣлъ самъ царь. Выборъ его палъ на Анастасію, дочь умершаго боярина Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Женитьба мало измѣнила нравъ и обычное поведеніе молодого царя. Правда, онъ сталъ больше входить въ дѣла правленія, но и прежняя беззаботная жизнь—пиры да потѣхи—шла своимъ чередомъ. Разница съ прежнимъ заключалась лишь въ томъ, что теперь никто и ни въ чемъ не смѣлъ перечить самому молодому царю. Гнѣвъ его становился страшенъ. Въ чаду потѣхъ и веселья настроеніе его мѣнялось легко, и тотъ, кого награждали сегодня, не могъ ручаться, что его не задушатъ завтра. Государствомъ попрежнему верховодили Глинскіе, и управы на нихъ искать было негдѣ. Царь не любилъ, чтобы его безпокоили. Прислали разъ псковичи 70 человѣкъ лучшихъ гражданъ жаловаться на своего намѣстника, ставленника Глинскихъ; царь только посмѣялся надъ жалобщиками: велѣлъ подпалить имъ бороды. Въ государствѣ не было ни суда ни правды.

Въ народѣ начались смуты и волненія, но упрекали не столько царя, сколько его совѣтниковъ Глинскихъ. Случай далъ возможность громко сказаться народному недовольству. 21 іюня 1547 г. загорѣлась въ Москвѣ

на Арбатѣ церковь Воздвиженья. Сильная буря раздула пожаръ. Москва запылала со всѣхъ сторонъ. Пламя перекинулось въ Кремль, загорѣлся дворецъ, вспыхнули главы Успенскаго собора. Митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыму, кремлевскіе монастыри—Чудовъ и Вознесенскій—сгорѣли; въ Китай-городѣ погорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы. Вся мѣстность по Неглинной, Рождественка, Мясницкая, Покровка выгорѣли до тла. Народу сгорѣло, говорили, до 1700 человѣкъ.

Въ народѣ пошли слухи, что пожаръ—дѣло Глинскихъ. Напуганные пожаромъ и озлобленные дурнымъ управленіемъ, люди стали говорить, что будто княгиня Анна Глинская „волхвовала съ дѣтьми своими и людьми: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила, оттого Москва и выгорѣла“. Нелѣпое обвиненіе быстро было подхвачено настроеннымъ противъ Глинскихъ народомъ, и разъяренная толпа отправилась бить Глинскихъ. Одного изъ нихъ нашли въ Успенскомъ соборѣ, куда онъ скрылся, спасаясь отъ угрожающихъ криковъ толпы, и убили; дворъ Глинскихъ разорили, всю ихъ челядь перебили, а потомъ пошли на Воробьевы горы, куда уѣхалъ отъ пожара царь, требовать у него выдачи другихъ Глинскихъ. Но толпу удалось разогнать.

Всѣ эти событія—страшный пожаръ, зрѣлище котораго съ Воробьевыхъ горъ, откуда Москва видна какъ на ладони, должно было производить сильное впечатлѣніе, и бунтъ народа, того самаго народа, богоданнымъ царемъ надъ которымъ считалъ себя Иванъ Васильевичъ, сильно взволновали царя. Онъ увидѣлъ во всѣхъ этихъ событіяхъ судъ Божій, карающій его за беззаконія и небреженіе царскимъ дѣломъ; ему припомнились, вѣроятно, слова св. Писанія, грозящія гнѣвомъ Божіимъ людямъ, зарывающимъ въ землю данное имъ свыше сокровище.

Въ минуту отчаянія и тяжелаго раздумья царя пришелъ къ нему священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ. Это былъ благочестивый, умный, твердый нравомъ человѣкъ. Сильнымъ словомъ указалъ онъ царю на его грѣховное, недостойное царя поведеніе и

призывалъ исправиться, грозя въ противномъ случаѣ еще сильнѣйшимъ гнѣвомъ Божіимъ. Слова Сильвестра, по собственному признанію царя, сильно подѣйствовали на него: „вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости“,—писалъ впослѣдствіи царь Иванъ, вспоминая свою первую бесѣду съ Сильвестромъ. Онъ рѣшилъ измѣнить свое поведеніе, приблизилъ къ себѣ Сильвестра и сдружился съ однимъ незнатнымъ, умнымъ и честнымъ человѣкомъ—Алексѣемъ Адашевымъ. Съ помощью ихъ и другихъ лучшихъ изъ своихъ вельможъ началъ онъ новую жизнь.

Царь рѣшилъ самъ объявить народу, что безначалье миновало. „Видя свое государство въ великой тугѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправды,—разсказываетъ одна запись,—умыслилъ царь смирить всѣхъ въ любовь и совѣтовалъ съ отцомъ своимъ, Макаріемъ митрополитомъ, какъ бы уставить крамолы и неправды разорить. И повелѣлъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чину“, т.-е. велѣлъ призвать въ Москву выборныхъ отъ всей земли. Неизвѣстно, какъ выбирала „вся земля“ своихъ выборныхъ и сколько ихъ съѣхалось въ Москву. Преданіе разсказываетъ, что въ одно изъ воскресеній царь Иванъ торжественно вышелъ изъ Кремля на Лобное мѣсто и послѣ молебна началъ говорить передъ собравшимся народомъ и выборными, обращаясь сначала къ митрополиту: „Молю тебя, святой владыко! будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери восьми; родственники обо мнѣ не заботились, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и самовластны были; сами себѣ саны и почести похищали моимъ именемъ и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, *азъ же, яко глухъ, не слышалъ, не имый во устахъ своихъ обличенія,* по молодости моей и безпомощности, а они властвовали. О, неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего“.

Поклонившись затѣмъ на всѣ стороны, царь про-

должалъ такъ: „Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ, молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать".

Разборъ всѣхъ жалобъ на злоупотребленія властей царь поручилъ Адашеву и при этомъ сказалъ ему: „Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей для помощи душѣ моей... Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ; но все разсматривай внимательно и приноси намъ истину, боясь суда Божія; избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ". Говорилъ все это царь, прибавляетъ сказаніе, „съ прещеніемъ", „началъ съ тѣхъ поръ самъ судить многіе суды и розыскивать праведно".

Призванные выборные должны были выслушать нѣсколько важныхъ постановленій правительства, касавшихся устройства порядка въ государствѣ; прежде всего былъ прочитанъ имъ „Судебникъ", т.-е. новые законы о судѣ.

Въ слѣдующемъ 1551 г. царь созвалъ соборъ всѣхъ высшихъ духовныхъ лицъ страны и предложилъ имъ подумать „о исправленіи церковнаго благочинія", такъ какъ въ государствѣ, по мнѣнію царя, высказанному имъ въ рѣчи, произнесенной при открытіи собора, „поисшатались обычаи, и самовластье учинилось по своимъ волямъ, и преданія и законы нарушились". Въ заключеніе рѣчи царь предложилъ собору на разсмо-

трѣніе вопросы, касавшіеся темныхъ сторонъ тогдашней жизни. Царскіе вопросы и соборные отвѣты на нихъ составили книгу во 100 главъ, отсюда и соборъ прозванъ былъ Стоглавымъ.

Грустная картина быта и нравовъ рисуется въ этихъ вопросахъ и отвѣтахъ: дѣйствительно, все поисшаталось на Руси! У одного ученаго находимъ такое сжатое описаніе тогдашней жизни на основаніи соборныхъ отвѣтовъ и царскихъ вопросовъ: „Свѣтъ монастырскаго житья, это подобіе, какъ тогда говорили, ангельскаго житія на землѣ—померкъ. Многіе, какъ утверждали на соборѣ, постригаются теперь ради покоя тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и ѣздить по монастырскимъ селамъ для прохлады. Чернецы и черницы по міру волочатся и живутъ въ міру, не зная даже, что такое монастырь. Старецъ поставитъ въ лѣсу келью или церковь срубитъ, да и идетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у царя земли проситъ, такъ что людямъ только соблазнъ. Чернцы и черницы, мужики и бабы, настроенные разными снами и видѣніями, скитаются по городамъ и дворамъ и объявляютъ свои пророчества, собирая деньги подъ предлогомъ сооруженія церкви или искупленія отъ долговъ, и по рынкамъ ходятъ съ образами безчинно, такъ что иноземцы и иновѣрцы дивятся, а въ православныхъ возбуждается подозрѣніе. Архимандриты и игумены добиваются сановъ деньгами, лишь бы получить власть; службы же церковной они даже и не знаютъ, а покоятъ себя въ келіяхъ съ гостями, да племянниковъ своихъ содержатъ въ монастыряхъ и удовлетворяютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, монастырь же опустошаютъ и вкладчиковъ отгоняютъ, такъ что братія бѣднѣетъ, страдаетъ отъ голода и жажды, томится всякими нуждами, потому что все богатство перешло къ властямъ монастырскимъ, а они его истощили со своими родственниками и друзьями. Межъ тѣмъ своимъ же крестьянамъ епископы и монастыри въ случаѣ нужды отдаютъ деньги и хлѣбъ не иначе, какъ въ ростъ, и отъ такой тяготы села пустѣютъ“.

Вмѣстѣ съ пастырями заблуждались и овцы. „Попы и церковные причетники въ церкви бываютъ пьяны, и

тогда всякія неподобныя рѣчи исходятъ изъ устъ ихъ, а подчасъ и бьются въ церкви, а міряне, смотря на ихъ безчиніе, дѣлаютъ то же, все равно какъ на торжищахъ и играхъ, или на пиру и въ кормчахъ, „лаются безъ стыда всегда и всякими укоризны неподобными, скаредными и богомерзкими рѣчами". А вотъ еще учинилось великое зло: нѣкоторые, многимъ людямъ на смятеніе и на соблазнъ и погибель, скверное беззаконіе творятъ—на Ивановъ день и въ вечеръ Рождества Христова и Богоявленія сходятся мужи и жены и дѣвицы на бѣсовскія пѣсни и плясанія, въ великій четвергъ на зарѣ солому палятъ и кличутъ мертвыхъ, а нѣкоторые попы тогда соль подъ престолъ кладутъ и держатъ ее до седьмого четверга по великому дню и ту соль раздаютъ на врачеваніе людямъ и скоту".

Далѣе жаловались на соборѣ, что „дѣти боярскія и люди, и всякіе бражники зернью (въ кости) играютъ и пропиваются, службы не служатъ, не промышляютъ и отъ нихъ всякое зло чинится,—крадутъ и разбиваютъ и души губятъ". „Пьянства,—по словамъ одного иностранца-современника,—такъ много, что нельзя и повѣрить... Пропивъ деньги, закладываютъ кафтаны, даже шапки, сапоги, рубахи,—все, что ни есть за душой, да и бѣгутъ нагишомъ домой. И все это ни для кого на Руси не диво".

По наблюденіямъ другого иностранца, „страна была наполнена грабежами и убійствами. Жизнь человѣческая ставилась ни во что. Вы можете видѣть,—писалъ онъ,—какъ грабятъ человѣка, запоздавшаго въ городѣ на улицѣ, и никто не отвѣтитъ на его крики, не переступитъ порога, чтобы помочь ему. Я не буду говорить о страшныхъ убійствахъ, о жестокостяхъ, которыя совершаются въ Россіи; съ трудомъ вѣришь, что подобныя вещи могутъ совершаться среди людей, и особенно среди людей, именующихъ себя христіанами". Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій писалъ около того же времени царю Ивану: „Въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ безъ покаянія и безъ причастія; въ домахъ, на дорогахъ, на торжищахъ, въ городѣ, по погостамъ убійства и грабежи великіе, проходу и проѣзду нѣтъ". Огрубѣніе нравовъ дошло до

такой степени, что люди не только равнодушно смотрѣли на грабежи и убійства, оставляя безъ помощи убиваемыхъ, какъ свидѣтельствуетъ иностранецъ, слова котораго приведены выше, но и считали возможнымъ мириться съ убійцами за извѣстное вознагражденіе, не доводя дѣла до суда, на что и писали особыя договорныя записи. Давая взаймы деньги, брали по 20 и болѣе процентовъ. Во время пожаровъ, вмѣсто того, чтобы помогать тушить, бросались грабить имущество погорѣльцевъ.

Безграмотство на Руси было полное. Отцы Стоглаваго собора жаловались, что даже въ священники приходится ставить безграмотныхъ. Пробовали-было заводить училища, но дѣло не пошло, потому что не находилось учителей. При царѣ Иванѣ начали печатать книги, которыя до того были только рукописныя. Но новое искусство, облагодѣтельствовавшее родъ человѣческій, показалось грубымъ и невѣжественнымъ московскимъ людямъ волшебствомъ и дьявольскимъ навожденіемъ, и первая книгопечатня была подожжена злоумышленниками и разорена, первый же русскій книгопечатникъ, Иванъ Ѳедоровъ, принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы. Печатный дворъ былъ возстановленъ потомъ въ 1568 году.

Итакъ, грубость, невѣжество, попрошайничество, разбои, грабежи, пьянство,—вотъ чѣмъ обильна была тогдашняя русская жизнь. Немудрено, что приходилось очень и очень задумываться о „земскомъ строеніи“. Послѣ того, какъ на соборахъ 1550 г. и на Стоглавомъ выяснены были тѣ недостатки и тягости, то зло, отъ котораго страдало государство, царь Иванъ твердо приступилъ къ дѣлу „земскаго строенія“. Протопопъ Сильвестръ сталъ самымъ близкимъ совѣтникомъ царя. По его наученію царь сблизился съ единомышленниками Сильвестра, среди которыхъ было нѣсколько знатнѣйшихъ бояръ—кн. А. М. Курбскій, кн. Д. Курлятевъ, кн. С. Ростовскій и нѣкоторые другіе знатные бояре некняжескаго происхожденія. Алексѣй Адашевъ, возведенный въ высокое званіе окольничьяго, участвовалъ также въ этомъ кружкѣ совѣтниковъ и руководителей молодого государя. Ученый богословъ и знатокъ св.

Дѣѧнїа стыхъ аплъ. Списанїе стаго апла Луки еѵглиста

Первое ѹбо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле. о нихже начатъ Іс, творити же и ѹчити. до негоже дне, заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ, ихже избра вознесесѧ. преднимиже и постави себѣ жива по страданїи своемъ. во мнозѣхъ истинныхъ знаменїихъ. дньми четыридесѧтьми ꙗвлѧѧсѧ имъ и глаголѧ ꙗже о црствїи бжїи. с нимиже ꙗдый, повелѣваше имъ ѿ Їерслима не ѿлѹчатисѧ. но ждати обѣтованїе ѿчее, еже слышасте ѿ мене. ꙗко Їѡаннъ ѹбо кртилъ есть водою. выже имате крестити сѧ дхомъ стымъ, не по мнозѣхъ сихъ днехъ. Онижеѹбо сшедшесѧ, вопрашахѹ

Зач. а҃

вторникъ по велицѣй нл. пасхи. И на вознесенїе гнє

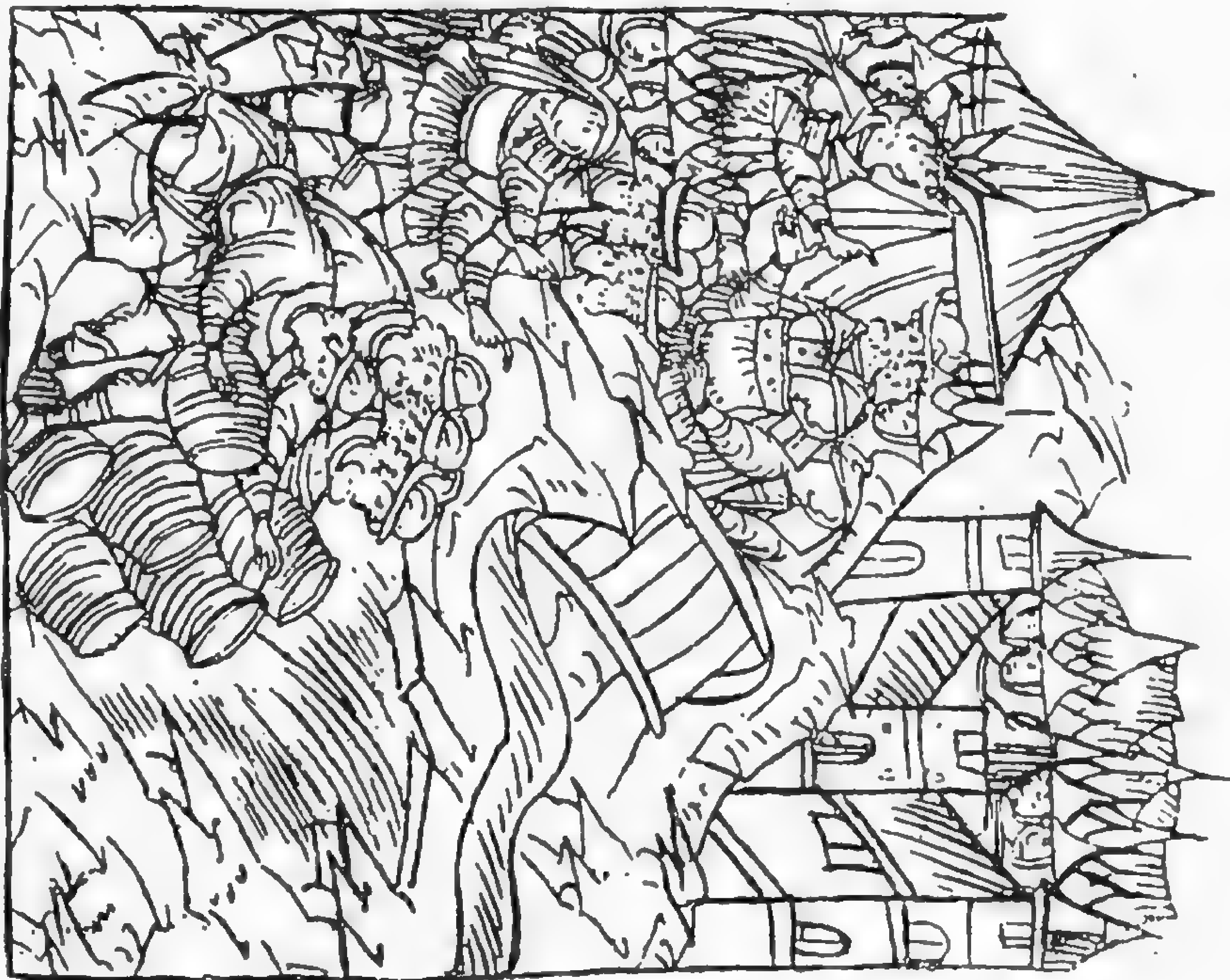
Листъ изъ первопечатнаго „Апостола“ 1564 года.

Писанія, митрополитъ Макарій тоже былъ въ этомъ кружкѣ, членовъ котораго князь Курбскій именовалъ впослѣдствіи „избранной радой“. Вмѣстѣ съ этими лицами царь Иванъ и сталъ править государствомъ. Избранная рада стремилась внушить царю, что онъ долженъ править государствомъ вмѣстѣ съ боярами; въ Судебникѣ такъ и было сказано: „А которыя дѣла будутъ новыя, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла *съ государева докладу и всѣхъ бояръ приговору вершатся*, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати“. Царь и его избранная рада занялись лучшимъ устройствомъ судопроизводства и управленія, устройствомъ военной силы государства, а во внѣшнихъ дѣлахъ главное вниманіе сосредоточили на борьбѣ съ казанскими и крымскими татарами. Дружная дѣятельность царя и избранной рады продолжалась до начала 1560-хъ годовъ.

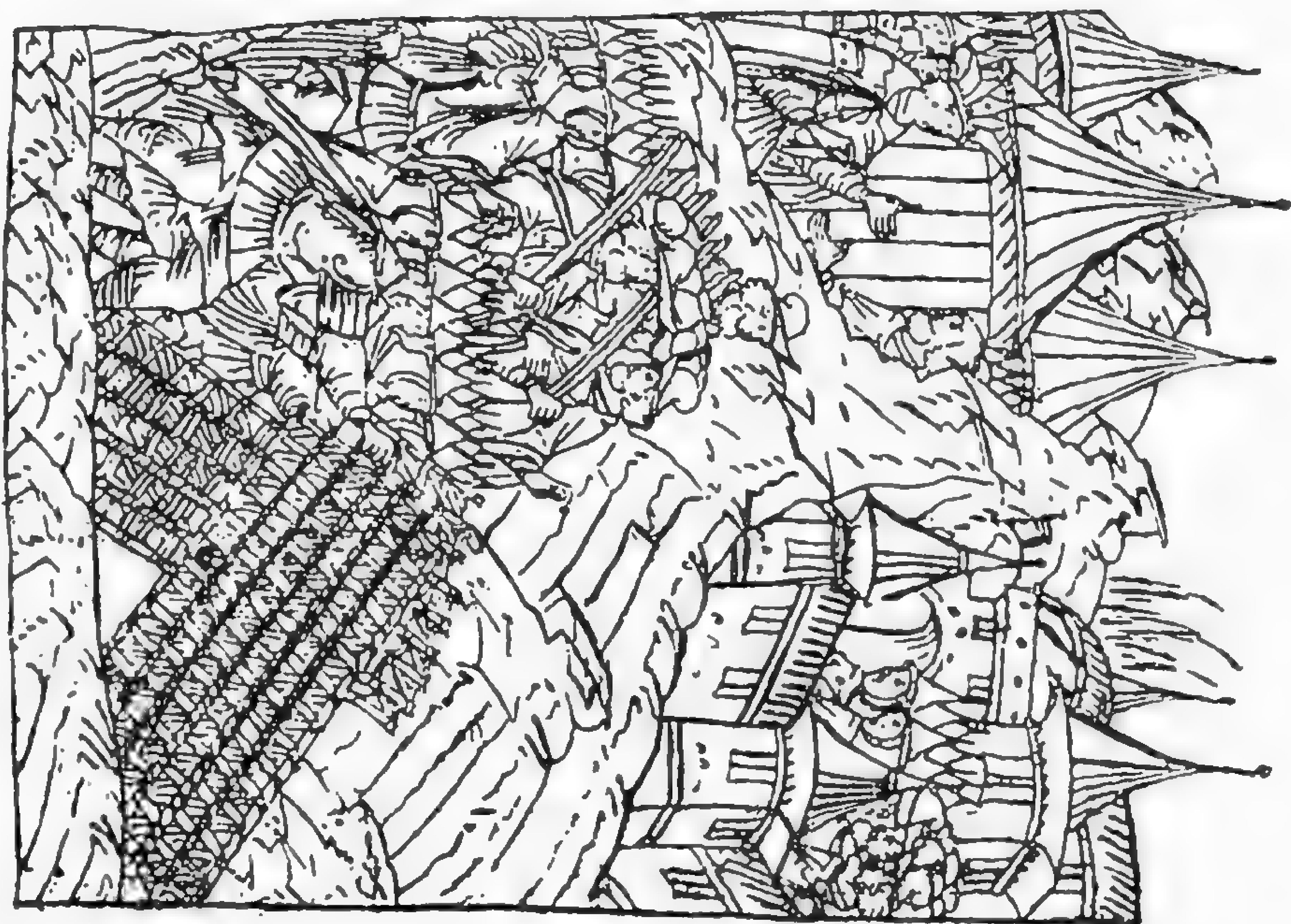
III.

Главной заботой правительства въ то время было устройство обороны и защиты страны, устройство войска и выискиваніе средствъ на войну, потому что войны шли тогда почти безъ перерыва. Эти безпрестанныя войны происходили оттого, что Москва, постепенно расширяясь, вольно и невольно задѣвала чужія границы. Больше всего воевать приходилось съ польско-литовскимъ государствомъ на западной границѣ, съ татарами—по восточной и южной. Съ поляками борьба велась преимущественно въ Смоленской области, съ татарами—за Тулой и Калугой, а также за Нижнимъ. Не воевать, особенно съ татарами, было нельзя, потому что людямъ Московскаго государства не хватало земли: обрабатывать благословенныя земли юга мѣшали своими набѣгами крымскіе татары, поволжскій же черноземъ дѣлали недоступнымъ казанскіе. Къ тому же казанцы загораживали русской торговлѣ Волгу и не позволяли русскимъ промышленникамъ пробираться болѣе удобными путями въ богатыя сибирскія страны. А затѣмъ казанцы, какъ и крымцы, постоянно нападали на окраины русской земли, уводили толпы плѣнныхъ, жгли, грабили и разоряли цѣлые города и села.

Войны съ Казанью, лежавшей очень близко къ русскимъ предѣламъ, начались еще при Иванѣ III, но рѣ-

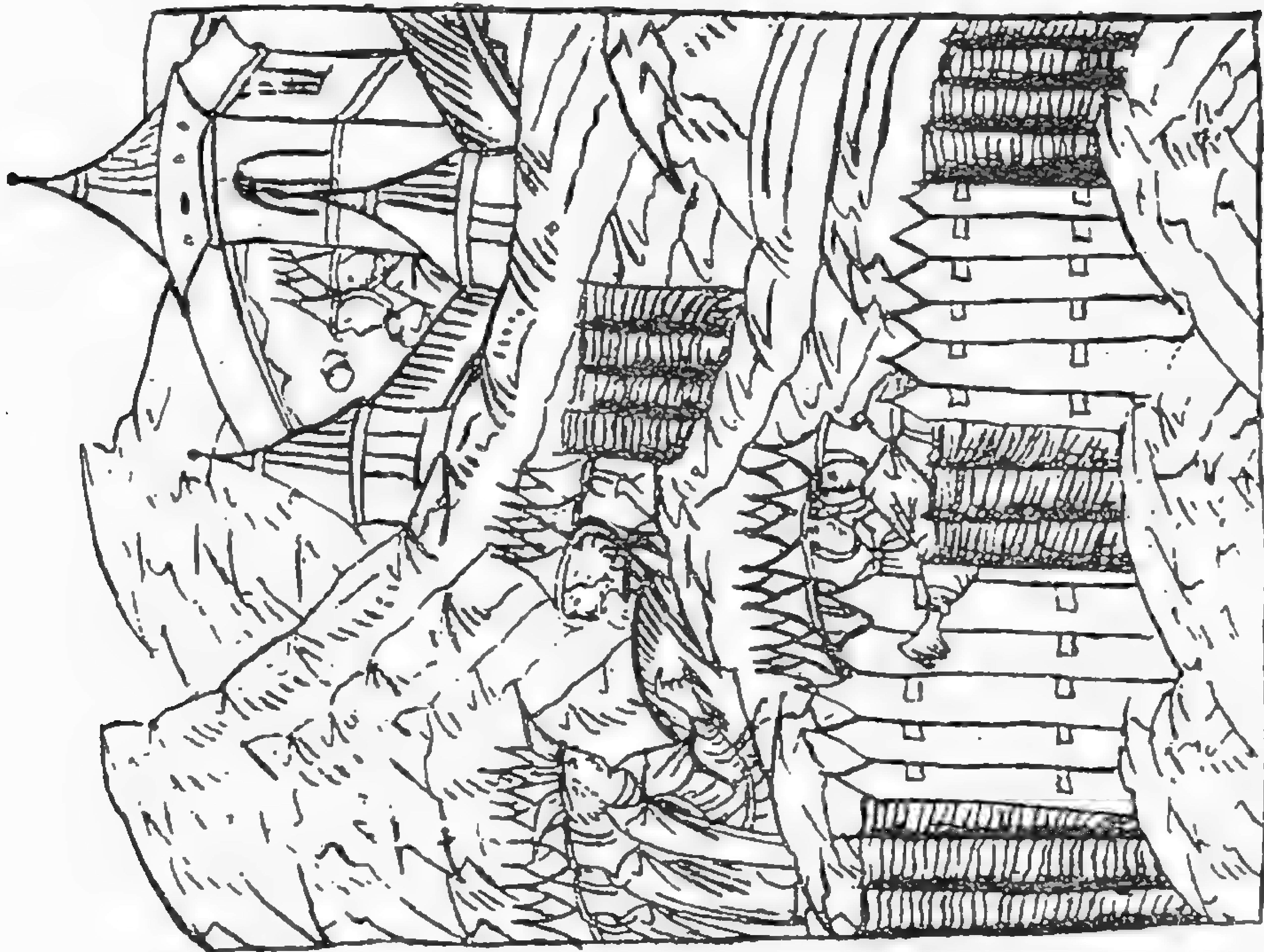
„Повелѣ государь боярину и воеводамъ князю Василію Семеновичу и Алексѣю подъ тайникъ зелія поставить 11 бочекъ".
Съ рис. въ „Царственной книгѣ".

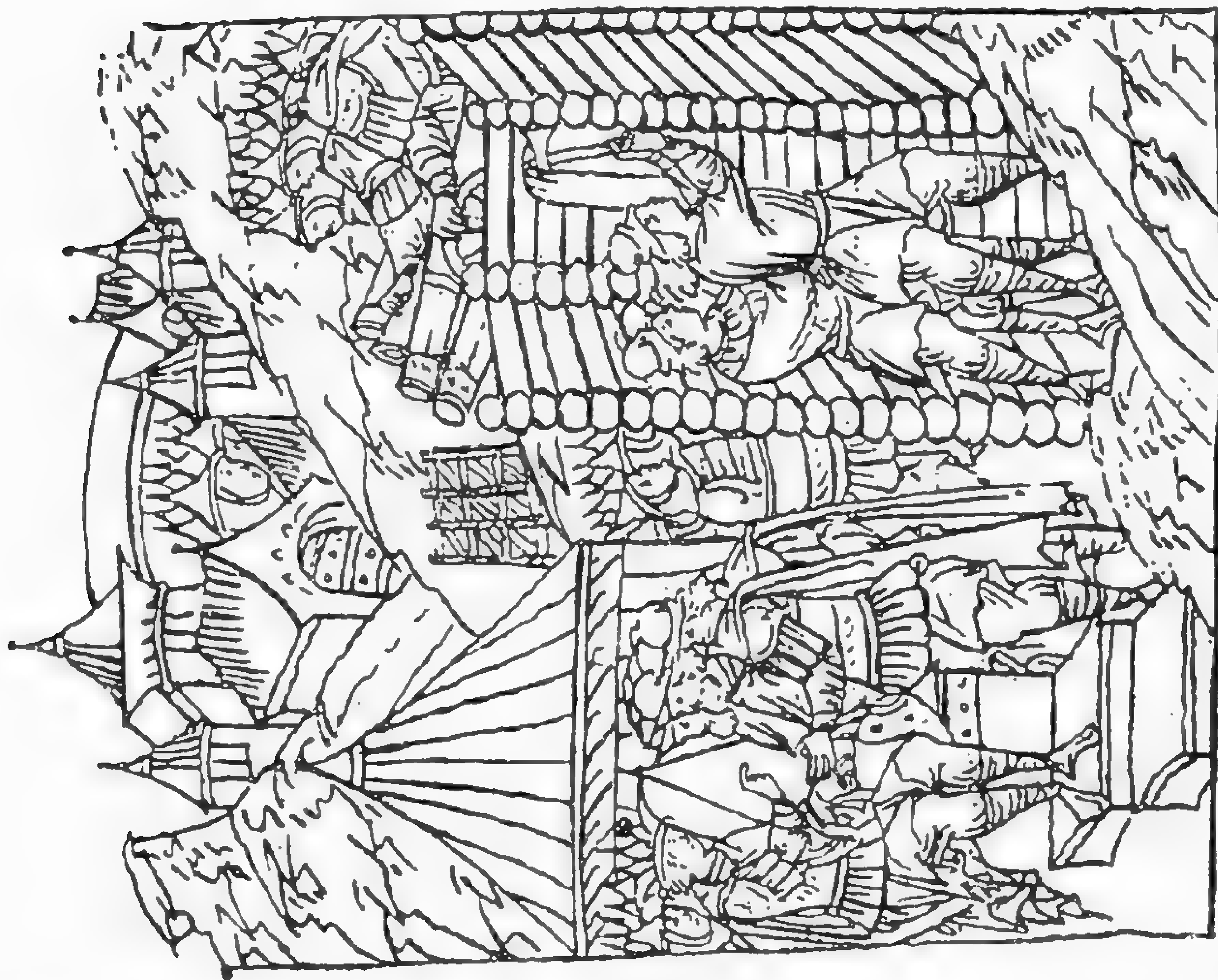
„Поставленіе туровъ у града Казани".
Съ рис. въ „Царственной книгѣ".

шительной побѣды надъ нею одержать все не удавалось, потому что Казань была сильно укрѣпленнымъ городомъ, казанскіе же татары—сильными воинами. Долгими трудами, пользуясь, главнымъ образомъ, внутрен-

ними неустройствами среди казанцевъ, Москвѣ удалось однакоже настолько стѣснить Казань, что явилось

„И гдѣ нельзя турамъ быти и государь, „пересмотря мѣсто, повелѣ промежъ туръ тынъ поставити".
Съ рис. въ „Царственной книгѣ".

„И поставиша башню (противъ Казани у Царевыхъ воротъ) шести саженъ вверхъ и вознесли на нее много наряду" (пушекъ).
Съ рис. въ „Царственной книгѣ".

возможнымъ всего въ 40 верстахъ отъ нея поставить русскую крѣпость Свіяжскъ. Казанскіе ханы стали выбираться подъ сильнымъ вліяніемъ Москвы, но до

полнаго покоренія, которое только и могло уничтожить опаснаго врага, было еще далеко. Между тѣмъ покончить съ Казанью становилось все болѣе необходимымъ, потому что казанцы, если и меньше стали грабить русскую землю, то все еще загораживали Волгу и Сибирь. Царь Иванъ Васильевичъ собралъ огромное по тому времени войско—до 150.000 человѣкъ. Во главѣ его онъ и осадилъ Казань. Хорошее устройство войска, пушки, которыми управляли нанятые „нѣмцы", изобиліе военныхъ снарядовъ, искусство и мужество воеводъ довели на этотъ разъ дѣло до успѣшнаго конца.

Послѣ долгой и тяжелой осады, когда нѣмцу „розмыслу", т.-е. инженеру, удалось сдѣлать подкопъ и взорвать часть крѣпостной стѣны, Казань была взята приступомъ (1552 г.). Татары бились отчаянно. Казанскій царь Едигеръ заперся въ своемъ дворцѣ и отбивался долго послѣ того, какъ былъ занятъ самый городъ. Всѣ татарскіе воины были перебиты, въ плѣнъ забирали только женщинъ и дѣтей.

Покореніе Казани было великимъ событіемъ для людей того времени. Это была побѣда христіанства надъ басурманствомъ, конецъ вѣчнымъ опасеніямъ татарскихъ набѣговъ съ этой стороны. Все Приволжье, Уралъ, Сибирь становились доступными для русской торговли и предпріимчивости. Царь, по возвращеніи изъ похода, былъ встрѣченъ въ Москвѣ съ торжествомъ небывалымъ. Забыты были бѣды и невзгоды дней его юности, всѣ славили грознаго покорителя Казани; о казанскомъ взятіи сложились пѣсни; въ память покоренія Казани воздвигли Покровскій соборъ въ Москвѣ, болѣе извѣстный подъ именемъ храма Василія Блаженнаго.

Въ 1557 г. русское войско овладѣло Астраханью, гдѣ тоже было особое татарское царство, и это окончательно сдѣлало Волгу, въ устьяхъ которой лежитъ Астрахань, русской рѣкой.

Послѣ покоренія Астрахани все Поволжье, отъ Казани до впаденія Волги въ море, сдѣлалось доступнымъ для земледѣльческихъ и промысловыхъ занятій русскихъ людей. Переселенцы стали проникать въ такія мѣста, гдѣ отъ вѣка не бывали дворы и пашни. Страна

начала заселяться; съ этихъ же поръ стали развиваться, выростая изъ маленькихъ крѣпостцей и острожковъ, такіе города, какъ Саратовъ, Самара, Симбирскъ и др.

Такимъ образомъ царю Ивану удалось почти совсѣмъ обезопасить восточную границу своего государ-

Покровскій соборъ, храмъ Василія Блаженнаго, въ XVII в. Съ рисунка въ книгѣ А. Олеарія „Описаніе путешествія въ Московію".

ства; здѣсь приходилось теперь наблюдать только за племенами всякихъ инородцевъ—мордвы, черемисовъ, башкировъ, калмыковъ, прежнихъ подданныхъ Казани. Зато тѣмъ опаснѣе становилась южная окраина, гдѣ приходилось оберегаться отъ крымцевъ. Между Кры-

момъ и Русью лежали огромныя пространства земель. Московское государство кончалось на югѣ собственно рѣкой Окой, а дальше начиналась степь, „дикое поле“, пространства земель, никому не принадлежавшихъ, по которымъ бродили лишь шайки своей да татарской вольницы.

Весь югъ нынѣшней Россіи, начиная съ южныхъ предѣловъ нынѣшнихъ Орловской, Калужской, Рязанской губерній, представлялъ собою въ то время дикую травяную пустыню въ южной части и лѣсистую дебрь въ сѣверной. Только рѣки, бороздившія, чѣмъ выше къ сѣверу, тѣмъ чаще, эту отлогую равнину, составляли еще нѣкоторую задержку татарскимъ ратямъ, рвавшимся грабить русскую землю. Поэтому татары при своихъ набѣгахъ старались итти такими путями, гдѣ рѣки могли бы меньше всего ихъ задерживать. Излюбленной дорогой ихъ издавна сдѣлался такъ называемый „муравскій шляхъ“, шедшій отъ Перекопа по возвышенности, раздѣляющей сначала притоки Днѣпра и Дона, а потомъ Дона и Оки, и упиравшійся въ тульскую линію засѣкъ.

Шапка (корона) царства Казанскаго.

Засѣками назывались тѣ укрѣпленія, которыя московское правительство еще со временъ Ивана III начало ставить по излюбленнымъ татарами дорогамъ. Это были кучи срубленнаго и поваленнаго лѣса, тянувшіяся длинными линіями вдоль южной окраины государства; въ засѣкахъ изрѣдка были продѣланы ходы, тщательно и зорко оберегаемые ратными людьми. Въ мѣстахъ от-

крытыхъ и безлѣсныхъ кучи нарубленныхъ деревьевъ замѣнялись земляными валами, укрѣпленными частоколомъ, съ широкимъ рвомъ передъ ними. Рѣчные броды и переходы по такимъ укрѣпленнымъ линіямъ забивались сваями и дубовыми кольями.

Черезъ довольно большія пространства по линіи засѣкъ были поставлены городки—большія и небольшія крѣпостцы, снабженныя гарнизономъ, военными припасами, оружіемъ. Сосновая стѣна-частоколъ одного такого города имѣла болѣе 380 саж. въ окружности и была двойная, вышина же ея достигала четырехъ саж. Отступя отъ нея нѣсколько десятковъ саженъ въ степь, шелъ земляной валъ, насыпанный между подпорами изъ бревенъ, досокъ, кольевъ и плетня и обложенный поверхъ дерномъ; мѣстами на валу были поставлены башни. Передъ валомъ тянулся широкій ровъ; верстахъ въ 5—6 отъ города тройнымъ рядомъ стояли надолбы—толстые дубовые брусья, стоймя врытые въ землю, такъ что никакой всадникъ не могъ пробраться сквозь нихъ, а пѣхотинцу грозили всякіе тайники и западни—глубокія ямы, слегка прикрытыя дерномъ, на днѣ которыхъ вбивались стоймя заостренные колья.

Московское правительство старалось продвигать такіе города какъ можно глубже въ степь, а между ними проводило валы и засѣки. Такимъ образомъ земли къ югу становились все безопаснѣе для заселенія. Изъ этихъ крѣпостей-городовъ впослѣдствіи возникла большая часть городовъ нынѣшней Орловской, Тульской, Воронежской и Курской губ. Первая линія этихъ укрѣпленныхъ и связанныхъ валами и засѣками городовъ вытянулась вдоль рѣки Оки; это были—Нижній, Муромъ, Касимовъ, Рязань, Кашира, Серпуховъ. За этой линіей выдвигалась вторая, называвшаяся украинной, или передовой. Она начиналась отъ рѣки Суры и упиралась въ Десну. Эта линія шла большими изломами и заключала въ себѣ города Алатырь, Темниковъ, Шацкъ, Данковъ, Пронскъ, Михайловъ, Епифань, Дѣдиловъ, Тулу, Мценскъ, Новосиль, Орелъ, Рыльскъ, Путивль и Новгородъ-Сѣверскій. За украинной линіей въ данное время еще еле намѣчалась третья, такъ называемая „польская“, по которой возникали все болѣе

и болѣе забиравшіеся къ югу городки—Курскъ, Елецъ, Ливны, Воронежъ, Осколъ, Валуйки, Бѣлгородъ. Изъ городовъ крайней линіи—„польской“ (отъ поле, т.-е. степь) наряжались особые разъѣзды, „сторожи“, разъѣзжавшіе по степи въ разныхъ направленіяхъ и наблюдавшіе за татарами.

Такая разъѣздная сторожевая служба устроилась окончательно при Иванѣ IV, подъ руководствомъ бояръ Н. Р. Романова и кн. М. И. Воротынскаго. Особой росписью было опредѣлено, изъ какого города, въ какія мѣста и по скольку человѣкъ слѣдовало снаряжать сторожей, станичниковъ, какъ ихъ еще называли.

Роспись предписывала поселять станичниковъ неподалеку отъ мѣста, назначеннаго для охраны, чтобъ имъ было „прибыльнѣе и податнѣе ѣздить“. До мелочей зорко предусматривались правила сторожевой службы. „А станичникамъ бы къ своимъ урочищамъ ѣздить,—читаемъ въ наказѣ сторожевой службы,—и сторожамъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя усторожливы, гдѣ бъ имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожамъ, на сторожахъ съ коней не ссаживаясь, попеременно, и ѣздить по урочищамъ попеременно же—направо и налѣво по два человѣка, по наказамъ, какіе будутъ даны отъ воеводъ. Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ, когда нужно кому пищу сварить, и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться, а останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы усторожливо“.

Подстерегши непріятеля, станичники немедленно извѣщали о появленіи его ближніе города, посылая одного изъ своихъ товарищей, а сами ѣхали осторожно вслѣдъ за непріятелемъ, стараясь узнать по его становищамъ, много ли идетъ войска, куда оно направляется, кто ведетъ орду — самъ ли ханъ, или его мурзы. Свѣдавъ обо всемъ этомъ доподлинно, станичники разсылали во всѣ стороны новыхъ гонцовъ, предупреждали товарищей другихъ разъѣздовъ и только послѣ всего этого могли позаботиться о собственной безопасности.

За ложную тревогу, за невѣрныя свѣдѣнія, за преждевременное оставленіе своихъ постовъ станичникамъ грозила смертная казнь. Устроенные такимъ образомъ разъѣзды живой цѣпью опоясывали не только южную границу, но частью и западную, и зорко оберегали родную землю отъ хищническихъ набѣговъ со стороны степи.

Для наблюденія за исправностью и порядкомъ сторожевой службы ежегодно назначались изъ Москвы или отъ городовыхъ воеводъ особые наблюдатели, „головы". По данному имъ наказу на нихъ лежала обязанность смотрѣть накрѣпко, „чтобы у станичниковъ лошади были добрыя и ѣздили бы они на сторожи о двухъ коняхъ, чтобы можно было, увидавши непріятеля, уѣхать". Такъ какъ сторожи держали и жители пограничныхъ городовъ, то между ними были устроены очереди въ отбываніи разъѣздной службы. Такъ, изъ Путивля и Рыльска первая очередь сторожей выѣзжала въ степь съ весны 1 апрѣля, вторая—15-го, третья—1 мая, четвертая—15-го и т. д., каждая черезъ двѣ недѣли; восьмая выѣзжала 15 іюля, а 1-го августа опять первая очередь, 15-го—вторая въ другой разъ, и т. д. Послѣдній выѣздъ былъ 15 ноября. Время отъ времени, чтобы сдѣлать степь непроходимой для конной рати, ее выжигали, дождавшись для этого обыкновенно сухой, ведреной поры, когда вѣтеръ дулъ отъ „государевыхъ украинныхъ городовъ" на степь. И все-таки, несмотря на такую бдительную охрану и тщательное устройство обороны, татарскія полчища прорывались сквозь границу, пробивались до самой Москвы, все грабя и выжигая на своемъ пути, избивая народъ, уводя множество плѣнныхъ. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ эта защита укрѣплялась, набѣги становились все рѣже и рѣже.

На западѣ Россія граничила съ Польшей, Ливоніей и Швеціей. Войны на этой сторонѣ велись, главнымъ образомъ, съ Польшей и Ливоніей (нынѣшнія Прибалтійскія губерніи). Польша и Ливонія загораживали Москвѣ путь къ морю, которое было нужно Россіи для того, чтобы устроить прямыя сношенія съ иностранными образованными народами. Боясь усиленія Мо-

сковскаго государства, поляки и ливонцы очень неохотно пропускали въ Москву изъ-за границы знающихъ людей, которые могли бы научить русскихъ дѣлать лучшее оружіе, обучить ихъ лучшимъ способамъ веденія войны, различнымъ ремесламъ и производствамъ. Многое изъ этого было чуждо и неизвѣстно тогдашней Руси, и русскимъ приходилось многіе нужные для жизни товары и предметы выписывать изъ-за границы. Иностранцы брали съ русскихъ цѣны, не стѣсняясь рыночными, а поляки и ливонцы получали свою выгоду въ видѣ пошлинъ за провозимые въ Москву черезъ ихъ земли товары. Чтобы удержать за собою такія выгоды, ливонцы, напримѣръ, запрещали иностраннымъ купцамъ учиться по-русски и торговать прямо съ русскими, запрещали ввозъ серебра въ Россію, не позволяли торговать въ кредитъ и т. п. Въ 1547 г. царь поручилъ саксонцу Шлитте набрать въ Германіи художниковъ и мастеровъ всякаго дѣла, которые могли бы стать полезны для Россіи своими знаніями. Набранные съ дозволенія нѣмецкаго императора люди прибыли уже въ нѣмецкій городъ Любекъ, чтобы сѣсть на корабль и черезъ ливонскія гавани пробраться въ Россію, но ливонское правительство заявило, что считаетъ опаснымъ знакомить русскихъ съ искусствами, и набранныхъ на московскую службу нѣмцевъ не пустили въ Россію. Шлитте попытался-было одинъ пробраться потихоньку на Русь, но ливонцы его схватили и два года продержали въ тюрьмѣ, другого же нѣмца за подобную попытку казнили.

Добыть море, т.-е. свободный, независимый путь для сношеній съ образованнымъ Западомъ, являлось, такимъ образомъ, прямой необходимостью.

Польша владѣла многими русскими городами, захваченными ею во время удѣльной слабости Руси. Изъ-за этого-то и шли, главнымъ образомъ, войны съ Польшей. Мира Москва съ поляками такъ и не заключала, а только перемирія, т.-е. миръ на срокъ.

При такихъ условіяхъ года не проходило безъ того, чтобы на какой-либо границѣ Московскаго государства не шла крупная или мелкая борьба, а выдавались и такіе годы, когда война кипѣла сразу на всѣхъ границахъ.

Для войны прежде всего нужны войско и деньги. Слѣдовательно, чтобы вести войну съ надеждой на успѣхъ, московское правительство должно было такъ устроить свои дѣла, такъ поставить государство, чтобы получать съ него побольше воиновъ и побольше денегъ. Русскіе люди, если хотѣли остаться русскими, а не подчиняться татарамъ или Польшѣ, должны были платить и служить своему государю, распоряжавшемуся обороной земли, какъ можно больше. Посмотримъ, какъ было устроено московское войско того времени.

Въ удѣльное время военная сила всякаго удѣльнаго князя состояла изъ вольныхъ или охочихъ людей, порявшихся служить князю-хозяину за извѣстное вознагражденіе по уговору. Жалованье за службу рѣдко платилось деньгами, а больше землей. Смотря по службѣ и человѣку, давался такому порядившемуся служить охотнику большій или меньшій участокъ земли. Порядившійся служилый человѣкъ обрабатывалъ эту землю самъ или сдавалъ ее въ аренду, и тѣмъ кормился. За пользованіе землей онъ и обязанъ былъ служить, т.-е. по первому призыву князя являться, куда тотъ прикажетъ, на конѣ, вооруженнымъ и съ запасомъ. Кончалъ такой служилый человѣкъ служить, уходилъ отъ князя, къ которому порядился, отбиралась у него и земля. Такъ же поступало въ дѣлѣ устройства своей воинской силы и московское правительство. Начиная со временъ Ивана III, оно стало раздавать земли, особенно лежавшія близко отъ границъ или по самой границѣ, охочимъ людямъ съ условіемъ, что они, получивъ землю, будутъ служить, т.-е. защищать границу. Служилые люди владѣли землей по мѣсту службы и служили тамъ, гдѣ владѣли землей, по мѣсту владѣнія. Отсюда и данную служилому человѣку для службы землю стали называть—помѣстье. Земля, помѣстье, давалось только для службы, пока человѣкъ служитъ, „а не будетъ служить, ино его помѣстье князю", т.-е. отбирается обратно въ казну.

Всѣ служилые люди со временъ Грознаго раздѣлялись на два большихъ разряда—на чины московскіе и на чины уѣздные, или городовые. Чины московскіе состояли изъ помѣщиковъ, жившихъ близко отъ

Москвы; около Москвы были розданы земли наиболѣе богатымъ и родовитымъ служилымъ людямъ изъ всѣхъ уѣздовъ Московскаго государства. Эти служилые люди должны были опредѣленное время въ году жить въ своихъ подмосковныхъ помѣстьяхъ. Они назначались въ походѣ офицерами въ отряды служилыхъ людей изъ тѣхъ мѣстностей, откуда и сами были родомъ; кромѣ службы военной, они должны были нести еще и службу дворцовую, при дворѣ великаго государя.

Посолъ царя Ивана IV къ императору Максиміліану и его свита въ Регенсбургѣ въ 1576 г.
Съ гравюры того времени.

Отсюда ихъ названіе—дворяне. Имъ давались также отдѣльныя порученія по управленію. Черезъ нихъ и отъ нихъ правительство легко узнавало о нуждахъ и состояніи тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они имѣли земли. Въ московскихъ чинахъ считались всѣ князья и родовитые люди, составлявшіе разрядъ думныхъ чиновъ; лицамъ этого разряда, когда они приходили въ возрастъ, сказывали по волѣ царя званіе боярина или окольничьяго, смотря по знатности, и тѣмъ самымъ они получали право засѣдать въ боярской думѣ. Это было ихъ прирожденное право. Установился обычай, въ силу кото-

раго царь долженъ былъ послать „сказать“ думное званіе, когда время приходило, такому потомку прежнихъ удѣльныхъ князей или старинныхъ московскихъ бояръ. Главные командиры войска, воеводы всегда почти назначались изъ царскихъ думцевъ.

Чины городовые состояли изъ помѣщиковъ, получившихъ помѣстья далеко отъ столицы, „въ городахъ“. Въ 1550 г. царь велѣлъ „писцовъ послать во всѣ земли, писать и смѣтить земли всѣ, чья ни буди, и всякія

Посольская свита въ Регенсбургѣ въ 1576 г. съ подарками императору драгоцѣнныхъ мѣховъ.
Съ гравюры того времени.

смѣчать и писать и въ книгахъ то все поставить. И кого чѣмъ пожалую, и по книгамъ жалованныя грамоты давать слово въ слово, для того, чтобъ напередъ тяжбъ не было о водахъ и о земляхъ: что кому дано, тотъ тѣмъ и владѣй; да и того ради: кто чего попроситъ и я вѣдаю, чѣмъ его пожаловать, и кто чѣмъ нуженъ (нуждается) и кто съ чего служитъ; и то мнѣ будетъ вѣдомо и жилое и пустое“. Въ 1556 г. правила раздачи земель въ службу были пересмотрѣны, дополнены; было принято во вниманіе обезпеченіе вдовъ и сиротъ служилыхъ людей, установлены размѣры дачъ, пересмотры и переверстка служилыхъ. Все это сложное

и трудное дѣло обезпеченія служилыхъ людей землей вѣдалось въ помѣстномъ приказѣ.

Размѣры помѣстій были различны—давали, смотря по человѣку, по его знатности, служебной способности, заслугамъ. Если служилый человѣкъ „охудалъ“ по службѣ, ему, по разборѣ—отчего охудалъ, прибавляли земли, или отбирали совсѣмъ помѣстную дачу, напримѣръ, за то, что онъ „за бѣдностью не служилъ“, не пошелъ въ дальній походъ, бѣжалъ съ поля битвы и т. п.

Въ общемъ, было постановлено, что съ каждыхъ 150 десятинъ, по нашему счету, долженъ являться въ походъ одинъ ратникъ на конѣ, въ доспѣхѣ и съ запасомъ.

Свою службу служилый человѣкъ начиналъ отбывать очень рано, съ 15 лѣтъ. До этого возраста онъ числился въ „недоросляхъ“ и жилъ при родителяхъ. Съ 15 лѣтъ онъ „поспѣвалъ“ на службу, становился „новикомъ“. Тогда его „верстали“ помѣстьемъ, съ котораго онъ и долженъ былъ служить, пока раны и дряхлый возрастъ не понудятъ начальство отставить его. Старшихъ сыновей при отцѣ, еще годномъ къ службѣ, верстали въ „отводъ“, т.-е. давали имъ помѣстье на сторонѣ, а младшихъ „припускали“ къ отцу, и, когда онъ становился неспособнымъ къ службѣ, младшій сынъ занималъ помѣстье отца, кормилъ своего родителя и несъ за него службу.

По мѣрѣ заслуженности человѣка помѣстье его увеличивали, но, вообще, старались наблюдать, чтобы на двоихъ служилыхъ людей, отца съ сыномъ или на двухъ братьевъ при негодномъ къ службѣ престарѣломъ или больномъ отцѣ, приходилось помѣстной земли не болѣе 500 четей. Четь — земельная мѣра, равная нашей полдесятинѣ; въ трехъ поляхъ, слѣдовательно, $1^1/_2$ десятины.

Время отъ времени въ уѣздъ, въ городъ являлся изъ Москвы „разборщикъ“, присланный для производства смотра служилымъ людямъ. На походныхъ коняхъ, въ полномъ вооруженіи, въ желѣзныхъ панцыряхъ и шлемахъ, съ саблями, копьями и луками, изрѣдка съ пищалями, т.-е. ружьями, проходили предъ

разборщикомъ одинъ за другимъ служилые люди уѣзда. Особые выборные изъ старѣйшихъ служилыхъ людей уѣзда помогали московскому разборщику производить смотръ. Разборщикъ осматривалъ каждаго служилаго человѣка, справлялся у выборныхъ о его служебной годности и исправности, о возрастѣ сыновей и т. п.; свѣрялъ ихъ показанія съ записями прежняго разборщика, помѣщенными въ особой книгѣ, а потомъ доспѣвшихъ къ службѣ версталъ помѣстьями, неисправныхъ же корилъ; записывалъ для доклада въ Москвѣ государю и боярамъ тѣхъ, которые сказывались „въ нѣтяхъ“, т.-е. совсѣмъ и безъ всякой уважительной причины не явились на смотръ. Умершихъ разборщикъ вычеркивалъ изъ служебныхъ списковъ, старыхъ и недужныхъ отставлялъ, исправнымъ прирѣзывалъ земли. Провѣренные списки служилыхъ людей и размѣровъ ихъ помѣстныхъ дачъ, такъ наз. „десятни“, хранились въ помѣстномъ приказѣ.

Главное завѣдываніе всей военной силой Московскаго государства сосредоточивалось въ разрядномъ приказѣ, по-нашему сказать, военномъ министерствѣ. Каждый годъ съ ранней весны начиналась въ этомъ приказѣ оживленная работа,— провѣрялись поуѣздные списки служилыхъ людей, разсылались во всѣ концы русской земли гонцы съ приказаніями: собираться служилымъ людямъ къ такому-то сроку, въ такое-то мѣсто, для ратной службы государевой. Служилые люди, получивъ такія вѣсти, подымались „конны, людны и оружны“, собирались въ указанныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ осматривали, повѣряя по спискамъ, ихъ командиры. Тѣхъ, которые не являлись, строго сыскивали,— почему? И если причина оказывалась неуважительной, заставляли явиться и, побивъ кнутомъ, приказывали служить. Послѣ всего этого, служилыхъ людей соединяли въ полки, а полки—въ цѣлыя арміи, изъ которыхъ одну, обыкновенно самую большую, ставили по Окѣ, подъ Коломной или выше,—сторожить крымцевъ; другую наряжали по Клязьмѣ у Владимира или подъ Нижнимъ, слѣдить за приволжскими инородцами; третью размѣщали по рѣкѣ Угрѣ или въ другомъ мѣстѣ по границѣ съ Польшей. Оградившись

такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, въ Москвѣ ждали извѣстій о движеніи непріятелей. Сторожи межъ тѣмъ давно ужъ начинали свои разъѣзды по степи, и армія стояла готовая двинуться по первому извѣстію къ угрожаемой непріятелемъ мѣстности. Гарнизоны пограничныхъ городовъ усиливались, запасы снарядовъ и продовольствія пополнялись. Все готовилось къ боевой встрѣчѣ. „И такимъ образомъ,—говоритъ одинъ ученый,—полки стояли иногда до глубокой осени, пока распутица или морозъ не являлись имъ на смѣну сторожить Московское государство отъ его недруговъ“. Огромныя массы, тысячъ до 100 и болѣе человѣкъ вооруженнаго люда, поднимались, такимъ образомъ, ежегодно на охрану Московскаго государства.

Набранное изъ служилыхъ людей войско состояло, главнымъ образомъ, изъ конницы. Жители городовъ и селъ выставляли преимущественно пѣшихъ ратниковъ только тогда, если былъ на то особый указъ. Брали тогда по одному ратнику съ 5, съ 10, съ 20, съ 50 дворовъ, смотря по надобности. Такъ, въ 1545 г. государь велѣлъ нарядить съ Новгорода и пригородовъ его 1973 человѣка на коняхъ, да еще велѣно было набрать 2000 пищальниковъ—половина на коняхъ, да половина пѣшихъ. Ружья должны были итти отъ города. Набираемые съ городовъ люди носили названіе „даточныхъ“ или „посошныхъ“ людей, набирались они сравнительно рѣдко, лишь съ городовъ и уѣздовъ, близкихъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій; они же несли обыкновенно и нестроевую, обозную службу.

Въ походѣ московское войско дѣлилось на пять отрядовъ—полковъ: большой полкъ (главный корпусъ), правая рука (правый флангъ), передовой полкъ (авангардъ), сторожевой полкъ (арьергардъ), лѣвая рука (лѣвый флангъ). Каждымъ изъ этихъ корпусовъ командовалъ свой особый воевода.

Воевода большого полка считался главнокомандующимъ. Отдѣльными частями каждаго полка—отрядами отъ 800 до 1000 человѣкъ—командовали головы.

Въ открытомъ полѣ русское войско не отличалось устойчивостью и потому сравнительно часто терпѣло пораженія; не зная военнаго строя, московскіе ратники

бились храбро, но ужъ слишкомъ попросту. Нескладной, огромной толпой, съ оглушительнымъ крикомъ налетали русскіе всадники на врага, стараясь смять его своею многочисленностью. Но, если непріятель не терялся и крѣпко выдерживалъ натискъ, толпа русскихъ воиновъ разсыпалась и была готова бѣжать.

Русскіе всадники.
Съ рисунка въ книгѣ Герберштейна „Записки о московитскихъ дѣлахъ“.

Военнаго обученія никакого не было. Русскіе воины были простыми земледѣльцами, которыхъ посадили на ихъ коней-пахарей — низкорослыхъ и несильныхъ, и дали въ руки оружіе. Къ тому же и вооруженіе было далеко не перваго достоинства. Огнестрѣльнаго оружія, напримѣръ, было мало, да и тѣ немногія ружья, какія имѣлись, были очень тяжелы, стрѣляли небольшой пулей и крайне неудобно заряжались. Обычное вооруженіе составляли лукъ, сабля, рѣже копье, затѣмъ

панцырь, желѣзная шапка, или шеломъ. „Быть ему, сыну боярскому,—читаемъ въ приказѣ 1577 г.,—на службѣ на конѣ, въ панцырѣ, въ шеломѣ, въ саадакѣ (лукъ и стрѣлы), въ саблѣ, съ копьемъ, да за нимъ два человѣка на коняхъ въ панцыряхъ, въ шапкахъ желѣзныхъ, въ саадакахъ, въ сабляхъ“. Нѣкоторые, вмѣсто панцыря, имѣли кольчугу, или бахтерецъ, т.-е. наполовину панцырь, наполовину кольчугу. Совсѣмъ уже бѣдные шли на службу безъ желѣзныхъ доспѣховъ, въ одномъ „тегиляѣ“, т.-е. кафтанѣ, толсто подбитомъ пенькой, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ (см. рис. на стр. 57). Русское войско, слабое въ открытомъ полѣ, за крѣпкими стѣнами городовъ умѣло быть непобѣдимымъ. Иностранцы свидѣтельствуютъ, что за оградой крѣпости русскіе проявляли большую военную изобрѣтательность и большую устойчивость. Чтобы сохранить за собой это преимущество и въ чистомъ полѣ, русскіе придумали особыя подвижныя крѣпости—„гуляй-городъ“, которыя состояли изъ двухъ деревянныхъ стѣнъ на особыхъ каткахъ, на которыхъ ихъ можно было двигать впередъ; въ этихъ стѣнахъ были сдѣланы бойницы, въ которыя выставляли дула пушекъ и ружей. Очень хвалили иностранцы-современники русскія пушки и умѣнье обращаться съ ними: „думаю, — говоритъ англичанинъ Флетчеръ, — что ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ орудій и снарядовъ, какъ русскій царь“.

Иностранцы, посѣщавшіе въ то время Россію, приходили въ изумленіе отъ выносливости и неприхотливости русскихъ ратниковъ во время походовъ или осады. „Думаю,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—нѣтъ подъ солнцемъ людей, способныхъ къ столь суровой жизни, какую ведутъ русскіе. Хотя они проводятъ въ полѣ два мѣсяца послѣ того, какъ земля замерзнетъ на аршинъ, рядовой воинъ не имѣетъ надъ головой ни палатки ни чего-либо иного, кромѣ неба. Обычная ихъ защита противъ непогоды — войлокъ, выставляемый противъ вѣтра и бури. Когда навалитъ снѣгу, русскій воинъ сгребетъ его и разведетъ огонь, около котораго ложится спать. Такъ поступаетъ большинство изъ нихъ,

за исключенiемъ знатныхъ, доставляющихъ себѣ на собственный счетъ обильные припасы. Но и эта жизнь въ полѣ не такъ изумительна, какъ ихъ суровость; каждый долженъ добыть и привезти кормъ для себя и для своей лошади на мѣсяцъ или на два. Хозяинъ нерѣдко живетъ на водѣ и овсяной мукѣ, перемѣшанной съ солодомъ, лошадь же должна питаться вѣтками..."

Для борьбы съ врагомъ, искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, поляки, одной выносливости и численнаго превосходства оказывалось недостаточно. Нанятые поляками „въ Нѣмцахъ" отряды пѣхоты, хорошо вооруженные и обученные, не разъ разбивали многочисленныя толпы русскихъ. Нужда и горькiй опытъ заставили и русское правительство обзавестись отрядами постояннаго войска. Появляются они тоже со времени Ивана Грознаго подъ названiемъ стрѣльцовъ. Стрѣльцы набирались преимущественно изъ городскихъ обывателей, а набранные не изъ горожанъ размѣщались возлѣ городовъ особыми пригородными слободами и должны были нести свою службу пожизненно и наслѣдственно. За это они получали жалованье и нѣкоторыя льготы.

Стрѣлецъ.
Съ рисунка въ альбомѣ А. Мейерберга (XVII в.).

Содержанiе войска хотя и ложилось, главнымъ образомъ, на самихъ же служилыхъ людей, но много приходилось тратить и казнѣ. Чего стоило одно только содержанiе крѣпостей и засѣкъ, тянувшихся на огромное пространство! А тамъ еще нужны были деньги, и не малыя, на покупку и выдѣлку пушекъ, ружей, пороху, на жалованье стрѣльцамъ, на денежныя дачи служилымъ людямъ, выдававшiяся иногда въ дополненiе къ земельному окладу. Гдѣ было взять денегъ? Поступали такъ: когда являлась надобность въ новомъ расходѣ, налагали на народъ новую подать,

которая такъ и называлась по имени той надобности, на покрытіе которой собиралась. На обзаведеніе огнестрѣльнымъ оружіемъ брали „пищальныя деньги“, которыхъ, напримѣръ, съ Новгорода и его округи шло 5.236 р. тогдашнихъ, что на нашъ счетъ составитъ болѣе 360 тысячъ рублей... На изготовленіе пороха взимались „емчужныя деньги“ (селитряныя). Ближайшія къ мѣсту военныхъ дѣйствій области, кромѣ того, что выставляли для нестроевой службы въ войскахъ „посошныхъ людей“, платили еще и „посошныя деньги“, по 2 р. съ сохи (соха—земельная мѣра, содержавшая въ себѣ отъ 1200 до 1800 десятинъ земли). На содержаніе дорогъ брали „ямскія деньги“, за писаніе просьбъ и всякихъ актовъ—„писчія“; брали „городовыя“ и „засѣчныя“ деньги на содержаніе крѣпостей и засѣкъ; брали, наконецъ, на выкупъ изъ плѣна русскихъ, попавшихъ къ непріятелю, такъ называемыя „полоняничныя деньги“. Взимались всѣ эти и многіе другіе сборы и пошлины, главнымъ образомъ, съ жителей селъ и городовъ, съ крестьянъ и горожанъ. Въ уѣздахъ подать шла съ „сохи“, съ распаханной земли, а въ городахъ—съ дворовъ.

Крестьянинъ удѣльнаго времени былъ вольнымъ человѣкомъ. Онъ могъ свободно переходить изъ удѣла въ удѣлъ, снимая землю для обработки то у одного, то у другого князя или служилаго человѣка. За пользованіе снятой землей крестьянинъ платилъ князю дань; если же снималъ землю не прямо у князя, а у тѣхъ, кому князь уступилъ ее, у служилаго человѣка, у монастыря, то уплачивалъ еще и оброкъ тому, у кого снималъ. Пока крестьянинъ жилъ и работалъ въ предѣлахъ даннаго княжества, онъ подчинялся суду мѣстнаго князя и всѣмъ распорядкамъ, какіе тотъ вводилъ въ своемъ удѣлѣ. Но крестьянинъ могъ во всякое время, расплатившись съ тѣмъ, у кого снималъ землю, покинуть княжество и перейти въ другое; тогда онъ переставалъ подчиняться суду перваго князя и платить ему дань. Словомъ, крестьянинъ удѣльнаго времени былъ свободнымъ и вольнымъ временнымъ арендаторомъ княжеской или вотчинной земли, и только.

Когда всѣ удѣлы присоединились къ Московскому

государству, то по прежнему дѣло остаться не могло. Какъ удѣльный князь въ его удѣлѣ, московскій государь считался единственнымъ собственникомъ земли въ государствѣ; уплачивая за службу служилымъ людямъ землей, московское правительство, если хотѣло, чтобы служилые люди были исправными воинами, должно было позаботиться, чтобы ихъ земли обрабатывались, т.-е., другими словами, должно было обезпечить за служилыми людьми, постоянно занятыми на войнѣ, рабочую силу, которая бы ихъ кормила.

Такъ какъ подати взимались лишь съ обрабатываемой земли и только тогда, когда она обрабатывалась, то понятно, что нужно было дѣлать правительству, чтобы достичь обѣихъ цѣлей — обезпеченія рабочей силой служилой земли и правильнаго поступленія казенныхъ платежей: во-первыхъ, надо было запретить крестьянамъ свободно переходить съ одного мѣста на другое, во-вторыхъ, запретить имъ мѣнять крестьянское дѣло на иныя занятія.

Всего этого представлялось возможнымъ достичь постепенно, потому что сама жизнь вела къ тому: крестьяне вѣдь не имѣли права владѣть землей, а должны были снимать ее для обработки у землевладѣльцевъ. При такой съемкѣ, арендѣ, заключалось обыкновенно письменное условіе, „порядная грамота“, гдѣ точно обозначались условія съемки. Крестьяне, снявъ у землевладѣльца извѣстную часть земли, обязывались по договору нести за это извѣстные платежи и повинности—оброкъ деньгами за пользованіе землей, и работать на помѣщика вмѣсто процентовъ за ссуду, „подмогу“, взятую у него на первоначальное хозяйственное обзаведеніе. Работа на помѣщика называлась „издѣліе“, или „боярское дѣло“, или же просто „дѣло“. Размѣры оброковъ были очень различны, но ниже трехъ рублей тогдашнихъ съ выти (около 20 десятинъ) спускались рѣдко *).

Во всякую данную минуту крестьянинъ, исполнивъ взятыя на себя въ порядной обязательства, могъ раз-

*) Рубль 1551—1600 гг. равнялся отъ 60 до 74 рублей нашего счета.

считаться съ землевладѣльцемъ и уйти отъ него. Но такъ какъ и крестьянину и помѣщику было одинаково невыгодно разставаться, пока посѣянный хлѣбъ не будетъ снятъ, то установился обычай разсчитываться и крестьянамъ уходить осенью, по окончаніи сельскихъ работъ, во время отъ Казанской (22 октября) по Юрьевъ день (26 ноября). При Иванѣ III и по закону былъ назначенъ срокъ расчетовъ около Юрьева дня—за двѣ недѣли передъ нимъ и двѣ недѣли послѣ. Разставаясь

Крестьяне Московскаго государства.
Съ рисунка въ книгѣ А. Олеарія „Описаніе путешествія въ Московію" (XVII в.).

съ помѣщикомъ, крестьянинъ долженъ былъ расплатиться съ нимъ, т.-е. уплатить оброкъ, заплатить взятую въ ссуду подмогу и потомъ еще внести „пожилое", т.-е. какъ бы плату за пользованіе хозяйскимъ дворомъ, избой и т. д.

Рѣдкому крестьянину удавалось расплатиться вчистую, разъ онъ бралъ у помѣщика подмогу: внести ее сразу, вмѣстѣ съ другими уплатами, оброкомъ и „пожилымъ", было очень не легко. Поэтому большинство крестьянъ подолгу заживалось на одномъ мѣстѣ и привыкало къ нему. Не выплачивая въ сроки уговореннаго оброка, крестьянинъ накоплялъ за собою недоимки

и должалъ помѣщику. Чѣмъ дольше засиживался крестьянинъ на землѣ помѣщика, тѣмъ труднѣе становилось ему расплатиться и уйти отъ него. Такимъ путемъ ко времени царя Ивана Грознаго большинство крестьянъ сдѣлалось неоплатными должниками помѣщиковъ, и крестьянскіе переходы почти совсѣмъ прекратились: крестьяне, имѣя право уйти съ земли помѣщика, когда угодно, не могли этого сдѣлать, потому что долгъ привязывалъ ихъ къ кредитору-помѣщику.

Крестьянки Московскаго государства.
Съ рисунка въ книгѣ А. Олеарія „Описаніе путешествія въ Московію“ (XVII в.).

А по тогдашнему закону и обычаю неисправный должникъ поступалъ въ распоряженіе кредитора, переставалъ быть свободнымъ лицомъ, становился „холопомъ“, т.-е. рабомъ кредитора, его вещью, которою тотъ могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ. И изъ того отдаленнаго времени дошли до насъ слухи о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ задолжавшими имъ крестьянами. „Обидимъ и грабимъ, продаемъ крестьянъ, братій нашихъ, и бичомъ ихъ истязуемъ, аки звѣри дивіи“,— такъ упрекалъ тогдашнихъ землевладѣльцемъ старецъ Вассіанъ.

Спасаясь отъ помѣщичьяго гнета, отъ тягости казенныхъ платежей, отъ подневольной жизни, крестьяне

бѣжали. Цѣлые округа начинали пустѣть. Въ 1588 г. на бойкой дорогѣ изъ Москвы въ Вологду встрѣчалось много селъ и деревень, состоявшихъ изъ пустыхъ избъ, жители которыхъ бѣжали въ степь, на Волгу, подальше отъ московскихъ помѣстій. Но отъ этого бѣгства терпѣло государство, потому что лишалось плательщиковъ, терпѣли служилые люди, потому что лишались рабочей силы, отчего ихъ поля оставались необработанными и доходу получалось все меньше. Затѣмъ, благодаря побѣгамъ и задолжанію крестьянъ, заставлявшему ихъ крѣпко сидѣть на мѣстахъ, гдѣ ихъ посадилъ долгъ, рабочія руки становились очень рѣдки, слѣдовательно дороги. Помѣщикамъ буквально приходилось бороться за рабочую силу.

Такъ какъ законъ позволялъ крестьянамъ переходить отъ одного помѣщика къ другому только около Юрьева дня, то на это время и падала ежегодно возобновлявшаяся борьба помѣщиковъ изъ-за рабочихъ. Задолжавшіе крестьяне сами не могли сойти съ земель тѣхъ помѣщиковъ, которымъ задолжали, пока не расплатятся съ ними, поэтому приказчики тѣхъ помѣщиковъ, которые нуждались въ рабочихъ, отправлялись въ села другихъ помѣщиковъ и начинали потихоньку „отказывать“ крестьянъ этихъ селъ, т.-е. подговаривали ихъ переселиться на земли своего господина и брались взять ихъ долгъ на себя, т.-е. заплатить за нихъ ссуду и пожилое. Въ порядной съ новымъ хозяиномъ этотъ выкупъ соединялся со ссудой и привязывалъ крестьянина къ новому помѣщику еще крѣпче, нежели онъ сидѣлъ за старымъ. Тотъ помѣщикъ, у котораго отказывали крестьянъ, старался удерживать ихъ силой, насчитывалъ при расчетѣ лишнее и т. п. Такъ называемыхъ „отказчиковъ“ встрѣчали обыкновенно кольями. „Бои и грабежи“ при отказахъ происходили „великіе“, суды были завалены жалобами на увѣчья, просьбами о ссылкѣ бѣглыхъ. Желаніе уменьшить число жалобъ въ судахъ, а съ другой стороны—необходимость оградить земли мелкихъ служилыхъ людей отъ посягательствъ крупныхъ, которые, располагая большими средствами, и занимались, главнымъ образомъ, свозомъ крестьянъ, заставило правительство на-

слѣдника Грознаго, его сына Θедора Ивановича, во-первыхъ, установить срокъ для сыска бѣглыхъ (1597 г.), во-вторыхъ, запретитъ свозъ крестьянъ съ земель мелкихъ владѣльцевъ на земли крупныхъ.

Въ концѣ концовъ, крестьянскіе побѣги были объявлены преступленіемъ, и за нихъ стали строго наказывать пойманныхъ. Ограничивая выводъ крестьянъ, преслѣдуя ихъ за побѣги, правительство тѣмъ самымъ очень стѣсняло переходъ крестьянъ. Дѣлалось это потому, что задолжаніе крестьянъ помѣщикамъ, заставлявшее ихъ твердо сидѣть на земляхъ послѣднихъ, сходилось совершенно съ государственными нуждами. Правительство, способствуя прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, надѣялось тѣмъ самымъ прикрѣпить ихъ къ уплатѣ податей и къ кормленію служилыхъ людей, къ обработкѣ служилой земли. Но законъ, способствуя прочному осѣданію крестьянства на землю, строго оберегалъ крестьянъ отъ полнаго закрѣпощенія помѣщикамъ, отъ рабства, холопства.

Какъ бы ни задолжалъ крестьянинъ, помѣщикъ не смѣлъ считать его своимъ рабомъ-холопомъ. Дѣло въ томъ, что холопы, считаясь такою же вещью въ хозяйствѣ, какъ лошадь, корова или соха, не платили податей. Поэтому крестьянамъ запретили продаваться въ холопство. Крестьяне считались свободными, и за безчестіе крестьянина велѣно было брать штрафу съ оскорбителя, кто бы онъ ни былъ, одинъ рубль. Оберегая въ лицѣ крестьянъ плательщиковъ казенныхъ налоговъ, правительство запретило крестьянамъ, обрабатывавшимъ казенныя земли, переходить на земли служилыхъ людей.

Посмотримъ теперь, какъ былъ устроенъ третій разрядъ московскихъ людей—жители городовъ. Въ наше время городъ является прежде всего мѣстомъ, гдѣ сосредоточивается торгово-промышленная дѣятельность. Въ удѣльное время было не такъ. Тогда городъ отличался отъ села только тѣмъ, что былъ укрѣпленъ, былъ крѣпостью. Около крѣпости-города, или кремля, обыкновенно очень небольшого, раскидывались „посады". Въ крѣпости, кромѣ чиновниковъ и гарнизона, никто не жилъ. Сюда только „затворялись" на время осады.

Горожане жили въ посадахъ. У каждаго посадскаго двора былъ раскинутъ огородъ. Къ многимъ дворамъ примыкали пашни. Посадскій человѣкъ обрабатывалъ землю такъ же, какъ и крестьянинъ, снимая ее у города. Всякій крестьянинъ, расплатившись съ помѣщикомъ, могъ прійти въ посадъ и записаться въ посадскіе. Случалось такъ, что въ одной и той же семьѣ одни братья были посадскіе, а другіе крестьяне. Существовали въ городѣ и торговцы, но эти торговцы торговали только предметами, какіе можно было встрѣтить и на сельскихъ торжкахъ, главнымъ образомъ, предметами питанія: мясомъ, рыбой и т. п. Часто одинъ и тотъ же человѣкъ владѣлъ лавкой, торговалъ и въ то же время воздѣлывалъ недальній участокъ земли.

Съ тѣхъ поръ, какъ вся удѣльная Русь собралась вокругъ Москвы, большой перемѣны въ положеніи жителей городовъ не произошло, хотя и можно подмѣтить, что города средней Россіи, около-московскіе и сѣверо-западные, начинаютъ пріобрѣтать торгово-промышленный характеръ. Дѣло въ томъ, что земледѣліе въ этомъ краѣ, по свойству почвы, мало плодородной, плохо обезпечивало народъ, а такъ какъ здѣшніе города стояли далеко отъ военной опасности, то и жители ихъ, почти не обремененные военной нуждой, имѣли больше досуга заниматься разными промыслами, особенно если поблизости отъ города находились какія-либо промысловыя статьи, напримѣръ, мѣстонахожденія соли возлѣ Старой-Руссы или Сольвычегодска, Соликамска. Торговый характеръ города зависѣлъ еще и отъ его положенія близко къ границѣ: тогда завязывалась торговля съ иностранцами (Смоленскъ, Новгородъ), или на путяхъ между мѣстами выработки и сбыта различныхъ товаровъ (Вологда, Ярославль, Нижній). Города юга, лежавшіе на „берегу“, т.-е. по линіи охраны границы, отличались воинственнымъ характеромъ и были собственно крѣпостями, населенными военнымъ людомъ. Зато въ городахъ сѣвера, удаленныхъ отъ всякой военной опасности, лежавшихъ въ сторонѣ мирной и спокойной, населеніе занималось торговлей, промыслами и земледѣліемъ.

Постоянно нуждавшееся въ деньгахъ московское

правительство, подмѣтивъ, что промышленная и торговая дѣятельность увеличивала благосостояніе горожанъ, дѣлала ихъ богаче, естественно пришло къ мысли заставить ихъ платить больше въ казну, а чтобы платежная сила держалась на одномъ уровнѣ, правительство стало стремиться прикрѣпить горожанъ такъ же къ промышленной дѣятельности, какъ служилые люди были прикрѣплены къ военной службѣ, а крестьяне къ землѣ. Все посадское населеніе въ каждомъ городѣ раздѣлялось на людей лучшихъ, среднихъ и молодшихъ по сравнительной оцѣнкѣ ихъ „животовъ“ и „промысловъ“, т.-е. капиталовъ и доходовъ, и было обложено оброкомъ въ мѣру капиталовъ каждаго разряда.

Такъ какъ промышленная дѣятельность обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что бѣднаго сегодня дѣлаетъ богатымъ завтра, и наоборотъ, то время отъ времени правительство производило переоцѣнку имуществъ посадскихъ людей. Кто былъ богаче, тотъ и платилъ больше; кто становился бѣднѣе, того перечисляли въ низшій разрядъ посадскихъ людей, напримѣръ, изъ среднихъ въ молодшіе. По платежу 40 дворовъ лучшихъ приравнивались къ 80 среднимъ и къ 160 молодшимъ. Слѣдовательно каждый молодшій человѣкъ платилъ въ четыре раза меньше лучшаго. Самые богатые жители столичнаго города Москвы, лучшіе изъ лучшихъ, получали почетное названіе гостей. Званіе гостя жаловалось всякому разбогатѣвшему посадскому любого города, но пожалованный званіемъ гостя долженъ былъ жить въ Москвѣ, имѣть тамъ осѣдлость. Какъ самый высшій разрядъ посадскаго населенія, гости несли самые тяжелые платежи. Они были обязаны давать деньги на всякія казенныя промышленныя предпріятія, напримѣръ, на казенныя соляныя варницы, причемъ отвѣчали за веденіе дѣла своимъ имуществомъ. На гостей возлагалось завѣдываніе сборомъ нѣкоторыхъ статей казеннаго дохода, причемъ недоборъ гости должны были пополнять изъ своихъ средствъ. Отказаться отъ такой службы было нельзя. За это они пользовались различными льготами: не платили, напримѣръ, нѣкоторыхъ торговыхъ пошлинъ, могли ѣздить въ иностранныя государства и др. Строгоновы, колонизовавшіе

Пермскій край и Прикамье, имѣвшіе тамъ огромные промыслы, соляныя варницы и т. п., имѣли званіе именитыхъ людей.

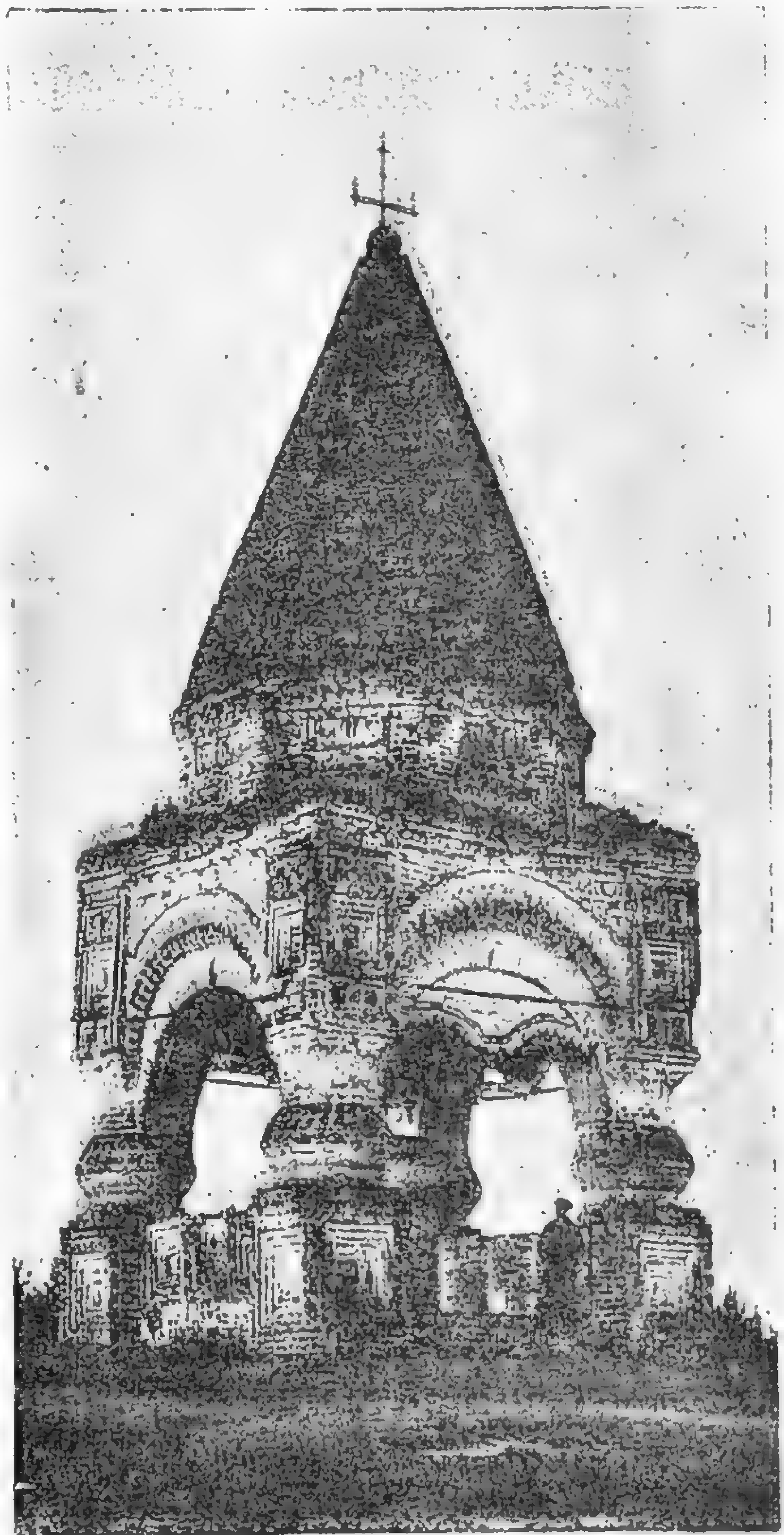
Въ Москвѣ были еще два разряда богатыхъ людей, уступавшихъ капиталами и промышленной силой гостямъ—торговые люди гостиной сотни и торговые люди суконной сотни. Люди этихъ разрядовъ тоже несли казенную денежную службу.

Званіе гостя было очень высокое: по Судебнику за безчестье гостя взималось 50 рублей тогдашнихъ, тогда какъ безчестье простого торговаго человѣка оцѣнивалось въ 5 рублей. Впослѣдствіи торговля вообще была объявлена исключительно городскимъ дѣломъ: держать лавку на гостиномъ дворѣ города могъ только посадскій человѣкъ, пріѣзжіе же изъ окрестныхъ селъ крестьяне могли торговать только на рынкѣ съ возовъ. Общее количество платежей, собиравшихся съ города, было очень велико. Въ большинствѣ случаевъ посадское населеніе не выдерживало ихъ тягости и стремилось какъ-нибудь отдѣлаться отъ нихъ, и прежде всего оно разбѣгалось изъ городовъ, „брело розно“, оставляя городъ „впустѣ“.

Въ военномъ лагерѣ, какимъ было при Иванѣ Грозномъ Московское государство, жилось, слѣдовательно, плохо не однимъ крестьянамъ, тяжко приходилось и посадскому населенію, не могли похвалиться своимъ положеніемъ и служилые люди. Земель, годныхъ для раздачи въ помѣстья, становилось все меньше, помѣстные оклады приходилось поэтому уменьшать, служба же спрашивалась прежняя, а тутъ еще стали рѣдки свободныя крестьянскія рабочія руки. Въ 1592 г. въ Ряжскомъ уѣздѣ до 30 служилыхъ людей, вмѣсто назначенныхъ имъ окладовъ отъ 50 до 200 четвертей на каждаго, получили земли лишь на „усадища“.

Въ тогдашнихъ спискахъ служилыхъ людей по уѣздамъ все чаще встрѣчаются отмѣтки, свидѣтельствующія, какъ все незначительнѣе и мельче становились помѣстья, потому что у казны не хватало свободной земли. Отъ недостатка земли ухудшалась ея обработка, уменьшались доходы служилыхъ людей; чтобы справлять службу, имъ приходилось брать взаймы, гдѣ

только можно; но такъ какъ займы, при очень гадательной возможности расплатиться, только запутывали служилыхъ людей, то положеніе ихъ становилось еще труднѣе, а долги — неоплатными, такъ что правительству пришлось, въ концѣ концовъ, отмѣнить уплату процентовъ по долгамъ служилыхъ людей, только бы облегчить ихъ положеніе. Указомъ 1557 г. царь Иванъ повелѣлъ „по старымъ кабаламъ (заемнымъ письмамъ) на прошлыя лѣта всѣ росты отставить, и повелѣлъ государь на служилыхъ людяхъ правити долги денежныя въ пять лѣтъ истинну деньгу безъ роста". Для новыхъ долговъ вмѣсто прежнихъ 20 процентовъ роста установили 10. Добывать деньги подъ залогъ земли было еще труднѣе, потому что, по тогдашнему обычаю, закладчикъ могъ „за ростъ пахати" заложенную ему землю, такъ что помѣщикъ лишался даже возможности скопить на выкупъ изъ доходовъ съ земли.

Часовня, построенная Иваномъ Грознымъ подъ Персеялавлемъ-Залѣсскимъ въ 1555 г. въ память рожденія сына.

Въ 1558 г. царь Иванъ отмѣнилъ жестокій обычай пахать за ростъ и велѣлъ по уплатѣ $1/3$ взятой подъ залогъ земли суммы возвращать землю тому, кто ее заложилъ. Но, несмотря и на такія облегченія, служилымъ людямъ приходилось плохо; не хватало земли, рѣдки становились свободные крестьяне. Въ 1585 году по тверскому списку изъ 88 служилыхъ людей 41 чело-

вѣкъ „службы не служатъ, помѣстья свои запустошили, сами же сбѣжали или ходятъ межъ дворъ“ (нищенствуютъ). Обычны въ записяхъ того времени отмѣтки въ родѣ слѣдующихъ: такой-то служилый человѣкъ „собою худъ (бѣденъ), не служитъ, служить нечѣмъ, живетъ въ городѣ у церкви, стоитъ дьячкомъ на клиросѣ“; другой — „бѣденъ, не служитъ, живетъ у другого помѣщика въ дворникахъ, портной мастеришко“; третій—„худъ, не служитъ, волочится межъ дворъ, питается Христовымъ именемъ“ и т. п. Такихъ служакъ, конечно, вычеркивали изъ списковъ служилыхъ, и они переходили въ разрядъ „вольныхъ“, или „гулящихъ“ людей, какъ назывались въ то время всѣ неприписанные ни къ какому дѣлу, не служившіе, не пахавшіе земли, не торговавшіе и вообще ничѣмъ дозволеннымъ не промышлявшіе. Такихъ гулящихъ людей становилось все больше, они наполняли города, нищенствовали, порой разбойничали и грабили, доставляя много хлопотъ и заботъ тогдашней полиціи.

Насколько „отощало животами“ крестьянство, можно видѣть изъ слѣдующаго, далеко не единственнаго случая. У Кириллова Бѣлозерскаго монастыря изъ 1500 вытей земли, арендуемой у этого монастыря крестьянами, 1075 вытей засѣвались сѣменами, взятыми взаймы у монастыря; выходитъ, такимъ образомъ, что почти $^3/_4$ пашни, снятой у монастыря, находилось въ пользованіи людей, не имѣвшихъ чѣмъ засѣять свои участки, слѣдовательно принужденныхъ брать взаймы у землевладѣльца, а это было первымъ шагомъ къ закрѣпощенію. Немудрено поэтому, если охудалое и задолжавшее крестьянство все плотнѣе и плотнѣе прикрѣплялось къ мѣстамъ, гдѣ его сажалъ долгъ. По всему пространству Московскаго государства каждую осень проносился тяжелый, горькій вздохъ объ утраченной свободѣ, да еще и утраченной-то такъ незамѣтно—имѣешь право уйти, да не смѣешь—долгъ не позволяетъ: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Крестьянамъ, задолжавшимъ хозяину и желавшимъ уйти отъ него, оставалось или выбѣжать безъ расчета съ владѣльцемъ земли, или ждать отказчика, который выкупилъ бы его и вывезъ.

Бѣглые уходили обыкновенно за границы Московскаго государства и наполняли казачьи городки и становища по Волгѣ и Дону. Здѣсь они занимались разбоями, грабежомъ и своихъ и татаръ. Жизнь была хоть и тяжелая, да свободная. Но эта вынужденная жизнь на чужбинѣ, вѣчный страхъ быть пойманнымъ царскими воеводами и казненнымъ возбуждали много недовольства и впослѣдствіи принесли немало вреда Россіи.

Выходитъ, такимъ образомъ, что московское устройство населенія, направленное только къ тому, чтобы лучше удовлетворялась главная нужда государства въ людяхъ и деньгахъ на оборону страны, было очень тяжело. По словамъ современника, князя Курбскаго, „всѣ обнищали". У воинства не хватаетъ не только коней и доспѣховъ, но даже и „дневныя пищи". „Недостатки, убожество и бѣды служилыхъ людей всяко словество превзыде,—говоритъ онъ,—купецкій чинъ и крестьяне изнываютъ подъ бременемъ непомѣрныхъ даней: одну дань только-что взяли, другую берутъ, за третьей посылаютъ, а четвертую замышляютъ. Одно остается,—восклицаетъ онъ,—или безъ вѣсти бѣгуномъ изъ отечества быти, или „любезныя своя дѣти въ вѣчныя работы предати", или, наконецъ, „своими руками смерти себя умышляти".

Посмотримъ теперь, какъ управлялся этотъ обширный военный лагерь, въ которомъ такъ трудно жилось.

IV.

Какъ въ удѣльное время во главѣ управленія княжествомъ стояли призываемые къ этому дѣлу княземъ люди высшаго служилаго чина, такъ и при московскомъ государствѣ для совѣщаній по всѣмъ дѣламъ и руководства всѣмъ управленіемъ собирались его бояре, окольничіи, а со временъ Грознаго—и думные дворяне съ думными дьяками. „Думное сидѣніе" было прямой повинностью этихъ высшихъ чиновъ. Засѣдать въ думѣ могли только тѣ члены знатныхъ фамилій, которымъ жаловалъ государь чинъ боярина или окольничьяго; со временъ Грознаго, до думнаго дворянина могъ дослужиться, быть этимъ званіемъ пожалованнымъ и всякій

служилый человѣкъ. Письмоводствомъ при думѣ завѣдывали думные дьяки. Иногда въ думу призывалось высшее духовенство. Засѣданія думы происходили во дворцѣ, „на верху“, какъ тогда говорили.

Главнымъ назначеніемъ думы было обсужденіе различныхъ законодательныхъ дѣлъ. Каждый новый законъ выходилъ въ свѣтъ съ такой помѣткой: „государь указалъ, а бояре приговорили“. Члены думы собирались во дворецъ, обыкновенно, разъ въ день, рано по утрамъ или къ вечеру; государь предсѣдательствовалъ, но его присутствіе не было необходимо. Случалось, что бояре засѣдали и безъ государя, и если находили воможнымъ рѣшить то или иное дѣло безъ него, то и рѣшали, и это рѣшеніе становилось закономъ, не доходя до царя, хотя въ заголовкѣ его и стояло обычное: „государь указалъ, а бояре приговорили“. Отмѣнить такое постановленіе, не „поговоря“ съ боярами, было нельзя—„не повелось“, какъ тогда говорили.

Кромѣ боярской думы, большое значеніе имѣла еще „ближняя“ или „комнатная“ дума, состоявшая изъ особо довѣренныхъ членовъ боярской думы и другихъ близкихъ царю лицъ. Съ этой ближней думой царь обыкновенно совѣтовался, прежде чѣмъ возбудить какой-либо вопросъ въ боярской думѣ. Во время малолѣтства государя или безгосударное время боярская дума являлась верховною властью, правила государствомъ, какъ это было, напримѣръ, въ малолѣтство Грознаго, а потомъ въ Смутное время. Боярская дума была, слѣдовательно, верховнымъ законодательнымъ, правительственнымъ и судебнымъ учрежденіемъ, тутъ обсуждались общія дѣла и законы для всей страны.

Управленіе отдѣльными отраслями государственныхъ дѣлъ, находясь подъ общимъ руководствомъ думы, было раздѣлено на „приказы“, которые возникли тоже еще въ удѣльное время. Удѣльный князь поручалъ, „приказывалъ“ кому-либо изъ своей дворни управленіе той или другой отраслью своего хозяйства, напримѣръ, охотой, сборомъ даней и т. п., на время болѣе или менѣе короткое. Иныя порученія прямо по своему характеру не могли быть продолжительны, напримѣръ, приказъ разслѣдовать споръ двухъ сосѣдей о землѣ.

Въ Московскомъ государствѣ, гдѣ такія дѣла, какъ размежевка земли, возбуждались почти постоянно, случайные и единоличные приказы-порученія преврати-

Изображеніе царя Ивана Грознаго на грамотѣ, писанной въ 1571 году.

лись въ постоянныя присутственныя мѣста, которымъ и приходилось разбирать дѣла, назначенныя для каждаго, гдѣ бы эти дѣла ни возникали.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ считалось до 30 различныхъ приказовъ. О большинствѣ ихъ можно имѣть

представленіе по ихъ названіямъ, изъ которыхъ видно, какія дѣла они вѣдали, напримѣръ, разбойный приказъ, посольскій, холопій, помѣстный, разрядный (военный). Всѣ названные приказы вѣдали дѣла, касавшіяся всего государства, но были и такіе, которымъ подвѣдомственны были всѣ дѣла какой-либо части государства, напр., казанскій приказъ или возникшій впослѣдствіи сибирскій. Впрочемъ, строгаго разграниченія дѣлъ по приказамъ не существовало.

Каждымъ приказомъ управлялъ обыкновенно служилый человѣкъ высокаго сана—бояринъ, окольничій или думный дворянинъ; назначали начальниками приказовъ людей и болѣе низшихъ чиновъ, стольниковъ и думныхъ дьяковъ. Начальники приказовъ именовались судьями; въ помощники начальнику давался одинъ или нѣсколько „товарищей“, для письмоводства назначался „дьякъ“, подъ началомъ котораго находились писцы—„подьячіе“. Судьи, дьяки и подьячіе получали за службу жалованье и землей, но чаще деньгами. Денежное жалованье было невелико, и потому въ подмогу къ нему допускались различные сторонніе доходы съ просителей. Взяточничество и вымогательство среди всѣхъ этихъ судей, дьяковъ, а особенно подьячихъ, господствовало не малое. За взятки—„посулы и поминки“, какъ тогда говорили—въ московскихъ приказахъ можно было добиться всего. Но на „посулы и поминки“ въ то время не смотрѣли, какъ на грѣхъ или преступленіе, потому что на самую службу еще съ удѣльнаго времени привыкли смотрѣть, какъ на данную отъ князя въ награду возможность подкормиться отъ надсмотра за какой-либо хозяйственной статьей въ его княжествѣ или имѣньи. Въ удѣльное время князь часто жаловалъ за какую-либо услугу человѣку „кормленье“, напримѣръ, судъ въ извѣстной мѣстности, что значило, что всѣ судебные сборы, или извѣстная часть ихъ, должны были итти не въ княжескую казну, а въ карманъ кормленщика. Въ кормленіе жаловалось и управленіе отдѣльными городами и мѣстностями. Поэтому всѣ привыкли считать, что служить значитъ кормиться отъ службы, и чѣмъ больше будетъ кормовъ, тѣмъ лучше. Но отъ такого взгляда недалеко и до вымогательства. Прихо-

дится сказать, что и это бывало. Особенно отличались вымогательствами намѣстники и волостели, которыхъ посылали управлять отдѣльными городами.

Еще съ удѣльныхъ временъ всѣ земли, не приписанныя къ княжескому двору, раздѣлялись на уѣзды. Каждый уѣздъ состоялъ обыкновенно изъ города и его округи — волости, раздѣлявшейся на „станы". Присылаемый отъ князя намѣстникъ вѣдалъ всѣ дѣла уѣзда и за это кормился съ него, т.-е. ему шло съ жителей содержаніе — „кормъ". Намѣстникъ или волостель при въѣздѣ въ городъ получалъ съ жителей „въѣзжее", кто что принесетъ, потомъ на праздники два или три раза въ годъ (Пасха, Петровъ день, Рождество) ему шелъ съ обывателей кормъ натурою или деньгами. Затѣмъ кормленщику принадлежали доходы съ судебныхъ дѣлъ и нѣкоторые другіе платежи съ жителей, напримѣръ, свадебные, перевозные и другіе.

Размѣры кормовъ нигдѣ строго опредѣлены не были, а такъ какъ намѣстникъ вершилъ всѣ дѣла уѣзда, судилъ, рядилъ и управлялъ на всей своей волѣ, едва справляясь съ существовавшимъ закономъ и обычаемъ, то понятно, что поле для всякихъ злоупотребленій оставалось широкое. Кормленщикъ управлялъ не только для князя, но и для себя; благодаря такому порядку, населенію приходилось много терпѣть. Напримѣръ, въ 1530 году лопари жаловались великому князю, что съ нихъ штрафу за убійства берутъ по 12 рублей съ человѣка, тогда какъ великій князь велѣлъ брать съ нихъ всего по 4 рубля. Во Псковѣ, во время малолѣтства Грознаго, поставленные Шуйскими кормленщики, по словамъ лѣтописи, „свирѣпые какъ львы", хозяйничали такъ, что добрые люди „разбѣжались по инымъ городамъ и весямъ, только бы спастись отъ поборовъ и тяготъ всяческихъ".

Московскіе государи уже давно, еще со временъ Ивана III, старались какъ-нибудь упорядочить „кормленія", приносившія много вреда и государству и народу. Еще съ конца XV вѣка начали они давать отдѣльнымъ городамъ и волостямъ уставныя грамоты, въ которыхъ точно обозначались размѣры корма на-

мѣстникамъ и клались нѣкоторыя ограниченія ихъ власти; опредѣлялось, напримѣръ, сколько намѣстникъ можетъ держать слугъ, запрещалось кормленщикамъ ѣздить за сборомъ корма: жители сами черезъ посредство выбранныхъ ими сотскихъ собирали намѣстничій кормъ и доставляли его кормленщику. При Иванѣ III составлено было первое послѣ Русской Правды собраніе законовъ — Судебникъ (1497 г.). Въ этомъ Судебникѣ обращалось большое вниманіе на управленіе кормленщиковъ данными имъ въ кормъ волостями и во многомъ ограничивался ихъ произволъ: имъ запрещено было штрафовать, казнить и освобождать преступниковъ безъ доклада въ Москву, и, что всего важнѣе, устанавливалось, чтобы на судѣ намѣстниковъ и волостелей непремѣнно присутствовали выборные изъ лучшихъ людей города или волости. Эти выборные цѣловали крестъ стоять за правду и наблюдали, праведенъ ли судъ намѣстника.

При Иванѣ IV Судебникъ, изданный его дѣдомъ, пересмотрѣли въ 1551 г., во многомъ исправили и дополнили новыми статьями. Въ немъ находимъ дальнѣйшія ограниченія намѣстничьей власти и стѣсненіе кормовъ. Такъ, напримѣръ, при Иванѣ III выборные при судѣ были не постоянны, могли быть при каждомъ дѣлѣ новые, по Судебнику же Ивана IV выборные при судѣ—лучшіе люди—становятся постоянной присяжной должностью и получаютъ особое названіе — старостъ, или цѣловальниковъ (потому что цѣловали крестъ, вступая въ должность). Они сидѣли въ судѣ намѣстника, какъ свидѣтели судопроизводства, смотрѣли, правильно ли, по правдѣ ли оно ведется; выборный земскій дьякъ составлялъ „судный списокъ", къ которому цѣловальники, если находили судъ правильнымъ, прикладывали руки. Если намѣстникъ-судья отдавалъ кого-нибудь на поруки, а поручителей не было, то онъ не могъ посадить такого человѣка въ тюрьму, заковать въ желѣзо, не предъявивъ цѣловальникамъ, иначе послѣдніе могли освободить его, да еще взять съ намѣстника штрафъ.

Судебникъ царя Ивана IV и начинался требованіемъ вести судъ справедливо. Въ первыхъ статьяхъ его

читаемъ: „Судъ царя и великаго князя судить боярамъ и окольничимъ и дворецкимъ ..., а судомъ не дружить никому и не мстить никому, взятокъ не брать“. Большое вниманіе обращено въ Судебникѣ на уголовныя дѣла—на татьбу, душегубство и всякое лихое дѣло. Въ удѣльное время слуги намѣстника искали уголовныхъ преступниковъ при помощи самихъ жителей. Но такъ какъ надъ этими слугами не было никакого надзора, то они часто злоупотребляли своею властью, за взятку хватали невинныхъ, вѣдомыхъ же воровъ отпускали. Уже съ Ивана III, чтобы избавить жителей отъ притѣсненій намѣстничьихъ слугъ при сыскѣ разбойниковъ, стали давать отдѣльнымъ волостямъ и городамъ „губныя грамоты“, по которымъ жителямъ тѣхъ мѣстностей позволялось самимъ ловить разбойниковъ черезъ посредство своихъ выборныхъ, къ тому приставленныхъ людей, получившихъ названіе „губныхъ старостъ“. Губной староста — начальникъ полиціи въ уѣздѣ. Его выбирали на эту должность служилые люди уѣзда изъ своей среды. Въ Судебникѣ Ивана IV сказано, чтобы вѣдомыхъ разбойниковъ всюду судили губные старосты, а намѣстники бы въ ихъ судъ не вступались.

Но, несмотря на такія ограниченія власти намѣстниковъ, она все еще тяжелымъ гнетомъ ложилась на населеніе, и хотя жаловаться на злоупотребленія намѣстниковъ было и хлопотно и дорого, жалобы ограбленнаго непомѣрными поборами населенія непрерывнымъ потокомъ текли въ Москву къ царю. Жаловались обыкновенно всѣ сообща, всѣмъ уѣздомъ, всѣмъ міромъ. Въ этихъ мірскихъ челобитныхъ писалось, что „на посадахъ многіе дворы, а въ станехъ и волостехъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей, что намѣстника впредь прокормити немочно, такъ какъ у нихъ въ станехъ и волостехъ отъ насильствъ, грабежей и воровства намѣстничьихъ людей крестьяне съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, ушли на монастырскія земли“. Благодаря такому бѣгству, „всякихъ податей сполна тянуть“ стало уже „немощно“, а межъ тѣмъ намѣстники и волостели и ихъ люди „кормъ свой и поборы емлютъ сполна“.

Большое количество такихъ жалобъ, сопровождавшееся недоимками въ сборѣ казенныхъ платежей, не могло не обратить на себя вниманія правительства. И вотъ „вниде въ слухъ царю,—читаемъ въ современной записи, составленной по преданію самимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ,—что многіе грады и волости пусты учинили намѣстники и волостели... презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ учиниша... и какъ сойдутъ съ кормленія, мужики многими иски отыскиваютъ“, — и царь, „простирая любовь свою по Бозѣ ко всѣмъ подъ рукою его—и къ вельможамъ, и къ среднимъ, и ко младымъ, и ко всѣмъ ровно, по достоянію всѣхъ любя и ни единаго ни забвена видѣти отъ своего жалованія, такожде никого ни отъ кого обидѣна видѣти хотя“, рѣшаетъ отмѣнить кормы, переустроить управленіе уѣздами.

Обыкновенно, жалуясь на притѣсненіе намѣстниковъ и волостелей, жалобщики просили намѣстниковъ отставить и „учинить изъ ихъ посадскихъ людей выборныхъ лучшихъ людей“, которымъ и поручить „у нихъ (у жалобщиковъ) межъ посадскими людьми и становыми и волостными въ душегубствѣ, татьбѣ и въ разборѣ съ поличнымъ и о всякихъ дѣлахъ земскихъ управу чинити“. Такъ какъ подобныя просьбы повторялись во всѣхъ жалобахъ, то царь и велѣлъ, „жалуючи крестьянство, намѣстниковъ и волостелей отъ городовъ отставить“, и для того, чтобы народу „продажъ и убытковъ“ не было, а царю „челобитій и докуки“, велѣно было въ 1555 г. „во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ“, т.-е. выборныхъ. Всѣ низшія власти тоже должны были избираться изъ жителей того уѣзда или города, гдѣ имъ приходилось служить. Земскій староста съ цѣловальниками (присяжными) долженъ былъ судить судъ, собирать подати — вообще вѣдать всѣ „мірскія розрубы и розметы“. Собранный оброкъ излюбленныя власти привозили въ Москву къ назначенному сроку, „не дожидаясь по себя пристава“ т.-е. не дожидаясь гонца изъ Москвы съ напоминаніемъ, прямо „въ цареву и великаго князя казну“. Чтобы они не запаздывали,

съ нихъ грозили въ случаѣ несвоевременной доставки „тѣ оброки доправити вдвое“. Въ руки выборныхъ земскихъ людей была отдана и полиція, т.-е. охрана уѣзда и города „отъ воровства, разбоя, всякихъ лихихъ людей и гулящихъ ябедниковъ“, а также преслѣдова-

Снимокъ съ изображенія царя Ивана Грознаго (въ лѣвой части рисунка) и царевича Ивана Ивановича на поляхъ иконы Владимирской Божіей Матери, пожертвованной Данилову монастырю въ Москвѣ царемъ Иваномъ IV.

ніе азартныхъ игръ и корчемства (тайной продажи вина); наконецъ на выборныхъ возлагались вообще заботы о томъ, чтобы „отъ кого ни буди“ мѣстнымъ жителямъ „насилій и обидъ не было, взятокъ чтобы никто не бралъ и не давалъ“.

Выборныя власти зависѣли прямо отъ московскихъ приказовъ; туда же должны были они обращаться по

всѣмъ дѣламъ, рѣшить которыя не рисковали своею властью, „которыхъ дѣлъ, — читаемъ въ одной грамотѣ,—излюбленнымъ головамъ безъ нашего (царскаго) вѣдома кончать не мочно, въ тѣхъ дѣлахъ излюбленные головы списки своего суда присылаютъ въ Москву, кому азъ, царь и великій князь, вѣдать васъ прикажу, а дьякъ нашъ о тѣхъ дѣлахъ докладываетъ меня царя, и азъ велю тому указъ учинить".

Въ грамотахъ предусматривались случаи злоупотребленія выборныхъ властей. Если „излюбленные головы сами начнутъ посадскимъ людямъ или волостнымъ крестьянамъ кому-нибудь насилія и обиды чинить, посулы и поминки брать, то быть имъ отъ меня царя и великаго князя казненнымъ смертною казнью", имущество же ихъ велѣно было отбирать и отдавать тѣмъ людямъ, кому отъ нихъ „продажи и убытки чинятся". Смертною же казнью грозитъ царь и тѣмъ излюбленнымъ головамъ, которые „учнуть орудовать безъ выборныхъ лучшихъ людей посадскихъ и крестьянъ". Всѣ излюбленныя уѣздомъ или городомъ власти приводились „на всемъ томъ къ крестному цѣлованію", а крестоцѣловальная запись съ ихъ подписями отсылалась въ Москву. За отмѣну намѣстниковъ и волостелей города должны были вносить каждый годъ въ казну особый оброкъ „за намѣстничъ кормъ". Какъ выбирались эти излюбленныя власти—неизвѣстно; вѣроятно, на сходкахъ всѣхъ жителей, какъ теперь избираютъ крестьяне своихъ старостъ, сотскихъ и другихъ властей.

Новое устройство управленія уѣздами имѣло задачей освободить населеніе отъ произвольныхъ поборовъ намѣстниковъ и отъ неправды на судѣ, но самый характеръ управленія измѣнился очень мало. Вся перемѣна свелась на дѣлѣ къ тому, что вмѣсто прежнихъ, присылаемыхъ изъ Москвы властей, власти стали выбираться на мѣстѣ и только утверждались въ Москвѣ. Выборные должны были заботиться не о мѣстныхъ нуждахъ и интересахъ, а лишь о казенныхъ порученіяхъ, какъ бы лучше, точнѣе исполнить то, что приказывали изъ Москвы, и не отвѣтить за неисправность. Слѣдовательно отвѣчали эти выборные

не столько передъ тѣми, кто ихъ выбралъ, сколько передъ московскими приказами. Всѣ дѣла они вели не только за своей личной отвѣтственностью, но и за мірской порукой. Недоберутъ, напримѣръ, указаннаго количества казенныхъ сборовъ,—должны доплачивать изъ своихъ „животовъ"; если не хватало „животовъ", то надо было назначать новый дополнительный сборъ съ населенія.

Такое выборное управленіе, въ сущности, мало чѣмъ было легче прежняго, намѣстничьяго. Жители городовъ и уѣздовъ выбирали изъ своей среды наиболѣе пригодныхъ въ чиновники для выполненія казенныхъ порученій, ручаясь за ихъ пригодность. Это была очень тяжелая повинность, и извѣстны примѣры, когда общества различныхъ мѣстностей нѣсколько разъ добровольно переходили отъ кормленія намѣстниковъ къ выбору излюбленныхъ людей и обратно, точно не зная, на чемъ остановиться, какъ наиболѣе легкомъ и удобномъ. Для правительства же управленіе при помощи выбранныхъ самимъ населеніемъ чиновниковъ во многомъ являлось лучшимъ и болѣе удобнымъ: во-первыхъ, оброкъ „за намѣстничъ кормъ" давалъ лишнюю копейку въ казну; во-вторыхъ, не надо было посылать служилаго человѣка на должность намѣстника и, стало-быть, лишняя военная рука оставалась въ войскѣ; въ-третьихъ,—и это самое важное,—сборъ даней былъ вѣрнѣе, такъ какъ обезпечивался капиталомъ и имуществомъ избраннаго населеніемъ сборщика и круговой порукой самихъ избирателей въ исправности излюбленнаго ими „вѣрнаго" человѣка, въ его „вѣрной" службѣ.

Время отъ времени московское правительство созывало всѣхъ этихъ выборныхъ начальниковъ въ Москву для совѣщанія по различнымъ дѣламъ вмѣстѣ съ боярской думой, соборомъ высшаго духовенства и начальниками отдѣльныхъ приказовъ. Такіе съѣзды выборнаго начальства и его засѣданія совмѣстно съ думой и духовенствомъ стали потомъ называть земскими соборами. Созывались земскіе соборы не для рѣшенія государственныхъ дѣлъ, а для совѣщанія, для обсужденія какой-либо вновь появлявшейся государственной надобности; такъ, напримѣръ, во время

ливонской войны царь Иванъ созвалъ въ 1566 г. такой соборъ, чтобы справиться у близко стоявшихъ къ дѣлу людей, хватитъ ли средствъ — людей и денегъ — на войну. Собирать земскій соборъ, „совѣтъ всея земли“ въ трудныхъ случаяхъ государственной жизни вошло потомъ въ обычай. При Иванѣ Грозномъ земскій соборъ 1556 г. составили: боярская дума, освященный соборъ, т.-е. іерархи церкви, и выборное начальство посадское и уѣздное вмѣстѣ съ служилыми людьми московскими и гостями, находившимися тогда въ Москвѣ. Все это были люди, по своимъ торгово-промышленнымъ связямъ, „вѣрной“ службѣ и земельнымъ владѣніямъ во всѣхъ мѣстахъ государства, прекрасно освѣдомленные о положеніи дѣлъ въ странѣ. Они могли дѣйствительно дать обстоятельные отвѣты на вопросы, которые имъ были предложены царемъ. Собравшись въ Москву, эти выборные начальники выслушивали то или иное постановленіе думы или предложеніе царя, высказывали свое мнѣніе, вносили кое-какія поправки въ постановленія и обязывались нести и выполнять вновь налагаемыя повинности, въ чемъ и цѣловали крестъ.

V.

Слагавшееся постепенно, по мѣрѣ того, какъ Московское удѣльное княжество превращалось въ Московское государство, новое общественное и государственное устройство утвердилось окончательно въ тѣхъ формахъ, какія только-что были описаны, при царѣ Иванѣ IV Грозномъ. Весь этотъ новый порядокъ представляется стройнымъ и яснымъ, но онъ тяжело ложился на народъ. Все здѣсь имѣло одну цѣль, одну задачу—добыть побольше денегъ и людей на военныя надобности. Постоянно кипѣвшая на всѣхъ границахъ война оставляла правительству мало времени и возможности раздумывать о томъ, какъ бы легче устроить для народа и службу и платежи. Служить и платить приходилось по многу, чрезъ мѣру. Послѣ свободы удѣльнаго времени закрѣпощеніе на службу и прикрѣпленіе къ платежу податей казалось особенно тяжело. Поэтому населеніе Московскаго государства,

особенно тѣ слои его, которые въ удѣльное время пользовались совершенной свободой, т.-е. по преимуществу верхи служилаго общества, встрѣчали новые московскіе порядки съ большимъ неудовольствіемъ, а сравнивая московскую неволю съ удѣльной свободой, явно мечтали о желательности возврата къ ней.

Другіе въ тогдашнемъ обществѣ хотѣли не возврата прежнихъ удѣльныхъ порядковъ, когда не было никакого „уряда" въ землѣ; они понимали великое значеніе государства и говорили, что непремѣнно слѣдуетъ „христолюбивымъ царемъ русскія земли избранныя воеводы своя и войско свое скрѣпити и царство во благоденство соединити и распространити отъ Москвы сѣмо и овамо", но дѣлать это хорошо бы съ совѣта „всенародныхъ человѣкъ", потому что „даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной". Они предлагали царю учредить „единомысленный вселенскій совѣтъ отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумія гордости, а христоподобною смиренною мудростію безпрестанно всегда держати погодно царю при себѣ ото всякихъ мѣръ, всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ разспросити царю самому про всякое дѣло міра сего". Но Московское государство, устроившись точно огромный военный лагерь, въ которомъ одни служили въ войскѣ, другіе платили на его содержаніе, не терпѣло споровъ и противорѣчій отъ своихъ подчиненныхъ и старалось сдѣлать такъ, чтобы всѣ служили какъ прикажутъ, а не по собственному разсужденію. На всѣ толки и дѣйствія, мѣшавшія дѣлу по охранѣ границъ и оборонѣ страны, московское правительство отвѣчало суровыми наказаніями и казнями. Казни особенно усилились при царѣ Иванѣ IV. Жестокость и обиліе ихъ во многомъ объясняются личнымъ характеромъ царя.

Царь Иванъ Васильевичъ выросъ среди смутъ и насилій. Жестокій и скрытный отъ природы, онъ любилъ быть одинъ, а привыкнувъ съ дѣтства видѣть вокругъ себя враговъ да льстецовъ, не могъ и воспитать въ себѣ извѣстной довѣрчивости, расположенія къ

людямъ. Страшный московскій пожаръ 1547 г. и бунтъ народа заставили его нѣсколько смирить свои необузданныя страсти и наклонности, подчиниться вліянію Сильвестра и Адашева; но по мѣрѣ того, какъ царь мужалъ, онъ дѣлался все самостоятельнѣе и не такъ ужъ охотно, какъ прежде, совѣщался обо всемъ со своими друзьями Сильвестромъ и Адашевымъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ устраивался государственный порядокъ, и самые совѣты перестали быть такой необходимостью, какой они были во время полнаго неустройства государства; совѣтники же, привыкнувъ принимать дѣятельное участіе въ управленіи, порой надоѣдали царю, оскорбляли его самолюбіе.

Царь, еще въ ранней юности упивавшійся чтеніемъ книгъ и съ жадностью вычитывавшій изъ нихъ и запоминавшій мѣста, гласившія о святости царской власти, жаждавшій и себя видѣть такимъ же вдохновленнымъ и помазаннымъ свыше царемъ, какъ Давидъ, Соломонъ или Константинъ, не могъ терпѣть такого обращенія съ собою. Все чаще сталъ онъ расходиться со своими совѣтниками во мнѣніяхъ. Случилось обстоятельство, окончательно раздѣлившее царя и его совѣтниковъ. Зимой 1553 г. царь Иванъ опасно занемогъ. Всѣ думали, что онъ умретъ. Больной велѣлъ писать завѣщаніе, назначилъ наслѣдникомъ малолѣтнаго своего сына Димитрія и приказалъ боярамъ присягнуть ему. Многіе изъ бояръ отказались давать присягу „пеленичному" царевичу. Отецъ Алексѣя Адашева, царскаго любимца, Ѳедоръ, не стѣсняясь объявилъ причину отказа: „тебѣ государю и сыну твоему царевичу Димитрію,—сказалъ онъ,—рады мы служить, но сынъ твой, государь нашъ, еще въ „пеленицахъ", владѣть будутъ нами, значитъ, Захарьины (свояки царя), а ужъ отъ бояръ до твоего возрасту бѣды мы видали многія". Напрасно больной царь увѣщевалъ ослушниковъ и укорялъ ихъ въ томъ, что они ищутъ себѣ другого государя.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ: не желавшіе присягать младенцу Димитрію указывали на двоюроднаго брата царя — Владимира Старицкаго, какъ на болѣе достойнаго наслѣдника. Владимиръ и самъ былъ, ви-

димо, не прочь отъ возможности сдѣлаться царемъ и отказался присягнуть Димитрію. Среди бояръ, сторонниковъ Владимира и стоявшихъ за Димитрія, поднялись шумъ, споры, брань до такой степени громкіе, что больной царь слышалъ все изъ своей опочивальни. Стало ему извѣстно и то, что Алексѣй Адашевъ, хотя и молчалъ, но не убѣждалъ бояръ присягать царевичу Димитрію, а Сильвестръ велъ себя такъ, что можно было думать, что онъ одобряетъ поступокъ Владимира.

Тяжелыя минуты приходилось переживать больному при видѣ такого отношенія къ своей семьѣ со стороны бояръ, которые столько разъ клялись служить до гроба ему—царю Ивану и кому онъ укажетъ, а когда пришла пора сдержать присягу, забыли о чемъ присягали. Недовольство совѣтниками, до того незамѣтно разроставшееся въ душѣ царя, перешло теперь въ недовѣріе. Пережитыя во время болѣзни минуты сомнѣнія въ близкихъ и отчаяніе за будущее никогда не забылись царемъ Иваномъ. Разсказываютъ, что, выздоровѣвъ отъ болѣзни, царь поѣхалъ на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. По пути онъ заѣхалъ въ Пѣсношскій монастырь возлѣ Дмитрова, гдѣ жилъ Вассіанъ Топорковъ, бывшій коломенскій епископъ, одинъ изъ друзей и доброхотовъ покойнаго отца царя, сосланный въ монастырь во время боярскаго правленія. Царь Иванъ посѣтилъ Вассіана и въ разговорѣ съ нимъ, какъ говоритъ преданіе, между прочимъ, сказалъ: „Како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?“—„Аще хощеши самодержцемъ быти, — отвѣтилъ будто бы Вассіанъ,—не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя, понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣти мудрѣйшихъ близу тебя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ“.—„О, аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми!“—сказалъ на это царь и поцѣловалъ руку старца, угадавшаго тайныя его мысли.

У царя Ивана были и еще сторонники. Дѣло бояръ-княжатъ не находило сочувствія въ странѣ. Противъ княжатъ были всѣ высшіе незнатные слу-

жилые люди, которымъ бояре-княжата не давали хода въ думу и къ высшимъ должностямъ; противъ нихъ были средніе и мелкіе служилые люди, стѣсненные большими землевладѣльцами—боярами. Военную силу Московскаго государства составляли люди, которымъ правительство давало землю въ помѣстье „для службы“, какъ жалованье за службу, и помѣщики должны были являться на службу по первому призыву. Почти вся лучшая часть земли, находившаяся въ мѣстахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ непріятельскаго нашествія, принадлежала княжатамъ, и правительство могло давать служилымъ людямъ земли только у границы, гдѣ всегда можно было ждать вражескаго нападенія. Это была одна причина недовольства мелкихъ и среднихъ служилыхъ людей знатнымъ боярствомъ.

Другая причина заключалась въ томъ, что мелкое дворянство, бѣдное и маломочное, сильно нуждалось въ средствахъ и должно было брать деньги взаймы у крупныхъ землевладѣльцевъ, которые взимали большіе проценты и очень немилостиво относились къ должникамъ, выколачивая съ нихъ долги правежомъ, т.-е. при помощи назначеннаго судомъ битья неисправнаго должника по ногамъ палкой, пока онъ не уплатитъ долга.

Въ-третьихъ, богатые землевладѣльцы не давали стать на ноги мелкимъ, сманивая у нихъ къ себѣ ту рабочую силу, которая обрабатывала землю, т.-е. крестьянъ. Крестьяне поряжались по договору обрабатывать землю у помѣщиковъ и были свободны переходить отъ одного къ другому послѣ взаимнаго расчета. На земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ крестьянинъ чувствовалъ себя лучше, такъ какъ сильный при дворѣ и въ правительствѣ знатный человѣкъ всегда умѣлъ выхлопотать много послабленій въ сборѣ казенныхъ повинностей, всегда могъ защитить своего крестьянина и отъ неправеднаго суда и отъ всякихъ злоупотребленій разныхъ мелкихъ властей. Поэтому крестьяне предпочитали уходить съ земель мелкихъ помѣщиковъ на земли крупныхъ. Земли мелкихъ помѣщиковъ обрабатывались поэтому плохо, а это мѣшало имъ быть исправными воинами—не на что было ни купить оружія, ни сдѣлать запасовъ для похода себѣ и на прожитье семьѣ.

Не были довольны знатью и жители городовъ, у которыхъ знатные люди перебивали торговлю, выхлопатывая себѣ у государя грамоты на безпошлинную торговлю въ городахъ и на рынкахъ.

Большая часть духовенства, особенно тѣ монастыри, которые обладали большими землями, видѣли въ знатномъ боярствѣ соперниковъ и всячески стояли за сильную единую власть въ государствѣ. Духовенство своими трудами въ литературѣ, устной проповѣдью, своимъ значеніемъ всенародныхъ учителей,—словомъ, всѣми имѣвшимися въ его рукахъ средствами стояло на сторонѣ московскаго государя, благословляя и оправдывая каждый его шагъ. На упреки княжатъ эта часть духовенства умѣла отвѣчать словомъ и дѣломъ. Многочисленными посланіями и другими сочиненіями писатели этой части духовенства создали и укрѣпили самую идею о величіи царской власти московскаго государя. Это они назвали Москву третьимъ Римомъ, ея государя — христоименитымъ, новымъ великимъ Константиномъ новаго града Рима—Москвы; они возгласили, что четвертому Риму не быть, и что Русскому царству подобаетъ распространяться, шириться и множиться, стоять за все христіанство, какъ и за всѣ православно-русскія земли.

Во главѣ этой правительственной части духовенства стоялъ во времена Ивана III игуменъ Волоколамскаго монастыря преп. Іосифъ, поэтому и людей его образа мыслей противники называли „осифлянами". Своихъ сторонниковъ правительство вознаграждало всѣми благами земными, и потому въ осифлянскихъ монастыряхъ, независимо отъ обычныхъ добровольныхъ жертвованій, скопилась масса жалованныхъ земель, они получили многія льготы и права, освобождавшія ихъ отъ суда намѣстниковъ, отъ сборовъ даней и т. п. Это возросшее земельное богатство и накопленіе денежныхъ средствъ сдѣлало монастыри опасными конкурентами княжатъ, которые, не всегда располагая средствами, брали взаймы у монастырей, теряли въ залогѣ у нихъ свои земли и имущество. На этой почвѣ и создалось боярское сопротивленіе „стяжательству" монастырей.

Духовные писатели, происходившіе изъ боярской

среды или раздѣлявшіе мнѣніе княжатъ о ихъ первенствующемъ положеніи въ правительствѣ, не находили словъ для осужденія осифлянъ. Называли ихъ „раболѣпными ласкателями и потаковниками, исполненными презорства и гордыни съ низшими, расхитителями, мздоимцами, шатунами, лихоимцами и пьяницами“. Сторонники княжескаго боярства хотѣли, чтобы у монастырей были отняты земли, чтобы русская церковь оставалась въ строгомъ подчиненіи цареградскому патріарху, потому что освобожденіе ея отъ грековъ дало бы слишкомъ много власти въ церкви московскому государю. На эти рѣчи и упреки правительство царя, его старинные бояре и слуги, духовенство-осифляне отвѣчали требованіемъ, чтобы власть была сильна, едина, не стѣснялась въ средствахъ, казнила и ссылала безъ пощады всѣхъ супротивныхъ.

Около 1563 года было написано нѣкіимъ Ивашкою Пересвѣтовымъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Челобитня государю царю Ивану Васильевичу“. Обращаясь къ царю Ивану, авторъ этого труда указываетъ, что онъ собралъ свой трудъ „изо многихъ королевствъ“, которымъ „дивились и хвалили и славили мудрые философы греческіе и дохтуры латинскіе“ и „подобаетъ царю эти рѣчи златомъ росписати и при себѣ держать и послѣ себя иному государю оставить“.

Основная мысль сочиненія та, что царь долженъ быть грозенъ и самоуправливъ и мудръ безъ воспрашиванья чьихъ-либо совѣтовъ, а на Руси вельможи, завладѣвъ царствомъ, не даютъ управы на сильныхъ бѣднымъ и безпомощнымъ. Слабому человѣку невозможно ни въ городѣ жить, ни отъ города хоть на версту отъѣхать. Поэтому многіе, чтобы избавиться отъ бѣдъ, отдаются во дворъ къ вельможамъ. А Богъ не велѣлъ другъ друга порабощать: Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ и повелѣлъ ему быть „самому себѣ владыкой, а не рабомъ“... Такой сильный государь, какъ царь русскій, долженъ со всего своего царства доходы брать прямо на себя, въ казну, а изъ казны платить военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ жалованье, чѣмъ имъ можно прожить „съ людьми и съ конями съ году на годъ“. За заслуги надо возна-

граждать, къ себѣ приближать, „жалобы позлащать“ и тѣмъ сердца утѣшать, тогда и 20.000 воиновъ будутъ сильнѣе 100.000 теперешнихъ, тогда и вельможи перестанутъ „неправеднымъ собираніемъ богатѣть, да родами считаться, да мѣстами мѣстничаться и тѣмъ царево воинство ослаблять“. Съ воинствомъ въ рукахъ царь уже сможетъ „вельможъ своихъ всячески искушать и боярами своими тѣшиться, какъ младенцами; вельможи начнутъ его бояться и ни съ какими злохитростями не дерзнутъ къ нему приблизиться“. Можно себѣ представить, какъ близки становились душѣ царя Ивана такія рѣчи по мѣрѣ роста его озлобленія къ боярству.

Вражду и недовѣріе къ княжатамъ царь Иванъ унаслѣдовалъ отъ отца и дѣда. Еще у нихъ шла большая „нелюбовь“ съ великородными боярами-княжатами, потомками прежнихъ удѣльныхъ князей. Предки царя Ивана на „престолъ великаго царствія“ вошли съ удѣльнаго стола и принесли съ собой туда свои удѣльныя привычки. Князья-хозяева въ своихъ удѣлахъ, тамъ они не терпѣли рядомъ никакой, сколько-нибудь связывающей ихъ власти; обычный боярскій совѣтъ не имѣлъ никакой власти; это былъ буквально совѣтъ тѣхъ, кого удѣльный князь къ совѣщанію призывалъ. Московское государство выросло изъ московскаго удѣла постепенно и понемногу. Московскимъ князьямъ трудно было отвыкать отъ привычныхъ удѣльно-хозяйственныхъ взглядовъ и поступковъ, хотя дѣйствовать теперь приходилось и на болѣе обширномъ поприщѣ и при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ.

Чувство внѣшней независимости, чуждое удѣльному князю, рисовало передъ глазами московскаго государя полноту власти татарскаго хана; укрѣпившаяся идея объ унаслѣдованіи мірового значенія византійскаго имперіума, какъ власти богоустановленной и священной, тоже не могла мириться съ притязаніями княжатъ на дѣлежъ власти, на обязательное для царя участіе въ ней бояръ-княжатъ. Привычка и обычай сдерживали рѣзкія выступленія, но московскіе государи, начиная съ Ивана III, хотятъ думать, и не

упускаютъ случая показать на дѣлѣ, что въ ихъ волѣ признавать притязанія бояръ-княжатъ, давать имъ первое мѣсто въ правительствѣ, но только пока это госу-

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ.
Съ портрета въ „Титулярникѣ“ (XVII в.).

дарю угодно. Бояре-княжата, хотя и знатные люди, но такіе же слуги великаго государя, какъ и всѣ, а настаивать на противномъ — это значитъ „высокоумничать“, быть „рабомъ прегордымъ и лукавымъ“. Москов-

скіе государи начинаютъ поэтому чуждаться обязательности тѣхъ совѣтовъ, какіе имъ навязываютъ бояре-княжата. Уже Иванъ III не всегда любитъ „встрѣчу" своимъ мнѣніямъ со стороны княжатъ. Василій III старается рѣшать всѣ дѣла самъ-третей, „запершись въ опочивальнѣ" съ двумя-тремя избранными совѣтниками и, конечно, не изъ княжатъ. Бояре-княжата видятъ въ этомъ „новшество", „перемѣну старыхъ обычаевъ". На „непригожія" рѣчи и „высокоумство" великій князь Василій III отвѣчалъ тѣмъ, что рубилъ головы и рѣзалъ языки, правда, не столько княжатамъ, сколько ихъ сторонникамъ изъ простыхъ бояръ и дьяковъ, но согласія между государемъ и боярами-княжатами это, конечно, не создавало. Со временъ Ивана III начинаются дворцовыя смуты, и интрига свиваетъ себѣ прочное гнѣздо при московскомъ дворѣ; знакомымъ дѣломъ становятся въ Москвѣ тайныя убійства: не своей смертью гибнетъ мать Ивана Грознаго, умираетъ бояринъ Оболенскій, князь Бѣльскій и другіе. Князь Семенъ Бѣльскій ведетъ переговоры съ крымскимъ ханомъ, чтобы поднять его на Москву и возстановить великое княженіе рязанское, наслѣдникомъ котораго считалъ себя Бѣльскій. По этому дѣлу вскрываются переговоры нѣкоторыхъ бояръ съ польскимъ королемъ, въ результатѣ которыхъ московское войско въ нужную минуту не оказалось тамъ, гдѣ оно должно было бы быть.

При царѣ Иванѣ это обостреніе взаимныхъ отношеній царя и высшаго боярства достигло очень большой напряженности, и царь пришелъ къ рѣшенію освободиться отъ совѣтниковъ, отъ всякихъ обязательствъ къ нимъ, и быть государемъ на всей своей волѣ, самому держать свою власть.

Царь не сразу далъ ходъ этимъ своимъ задушевнымъ желаніямъ, и еще около семи лѣтъ послѣ его болѣзни избранная рада съ Адашевымъ и Сильвестромъ продолжала находиться при его особѣ, хотя первенствующее значеніе ея падало все больше и больше.

Но вотъ наступаетъ 1559 годъ. Отношенія русскаго государства къ двумъ его сосѣдямъ—крымцамъ и ливонцамъ—сложились къ этому времени такъ, что явля-

лась возможность напасть и на того и на другого и однимъ рѣшительнымъ ударомъ надолго обезопасить себя отъ нападенія съ ихъ стороны. Адашевъ и Сильвестръ и вся избранная рада совѣтовали покончить сначала съ Крымомъ, чтобы обезопасить южную границу и открыть для заселенія плодородный степной край. Но борьба съ Крымомъ легко могла превратиться въ войну съ могущественной тогда Турціей, подъ покровительствомъ которой находился Крымъ, и царь лично склонялся къ тому, чтобы сначала завоевать Ливонію, нынѣшнія Прибалтійскія губерніи, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ пріобрѣсти берегъ моря и открыть прямыя, независимыя сношенія со странами Запада, что обѣщало большія выгоды русской торговлѣ и государству.

Желаніе овладѣть берегомъ моря для свободныхъ сношеній съ Западомъ особенно окрѣпло у царя Ивана послѣ того, какъ завязались прочныя торговыя сношенія съ Англіей. Въ 1553 г. въ устья Сѣверной Двины буря занесла англійскій корабль изъ эскадры, отправленной разыскивать морской путь Сѣвернымъ океаномъ въ Китай. Вмѣсто морского пути въ Китай англичане нечаянно открыли морской путь въ Московское государство. Командиръ англійскаго корабля Ченслеръ съ двинскаго устья проѣхалъ въ Москву и былъ ласково принятъ царемъ. Черезъ два года Ченслеръ снова пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ посланника англійскаго правительства для заключенія торговаго договора. Англичане получили право безпошлинной торговли. Въ устьяхъ Двины по повелѣнію царя Ивана былъ построенъ городъ Архангельскъ. Это былъ первый морской портъ Московскаго государства. Вслѣдъ за англичанами у Архангельска появились голландскіе и гамбургскіе торговые корабли. Выгоды прямого и непосредственнаго сношенія съ Западомъ не замедлили сказаться. Но непривѣтливое Бѣлое море, скованное льдомъ значительную часть года, бурное и далекое отъ средоточія торгово-промышленной жизни страны, не могло быть удобнымъ окномъ въ Европу. Вотъ почему царь Иванъ, какъ только представилась возможность овладѣть берегами Балтійскаго моря, рѣшилъ

приложить къ этому всѣ усилія. Тѣмъ самымъ въ задачи внѣшней политики Россіи входитъ новый вопросъ существенной важности для всего бытія Московскаго государства: рѣшеніе этого вопроса, затянувшееся до временъ Петра Великаго, дѣлало Россію европейскимъ государствомъ и открывало новое поприще для народнаго труда.

Воспользовавшись смутами въ Ливоніи, царь Иванъ отправилъ въ 1558 г. въ предѣлы Ливоніи свое войско подъ начальствомъ касимовскаго хана, подвластнаго Россіи. Татарскіе отряды безжалостно опустошали и грабили несчастную страну. Города, деревни превращались въ пылавшіе костры, жителей вырѣзывали, всячески истязали и мучили. Сильвестръ постоянно напоминалъ царю, что ливонцы—христіане, и грозилъ ему гнѣвомъ Божіимъ за „неистовое" пролитіе христіанской крови. Царю казалось, что Сильвестръ только потому порицаетъ жестокости противъ ливонцевъ, что стоитъ за миръ съ ними, и это еще болѣе возбуждало въ немъ неудовольствіе и недовѣріе. Въ 1561 г. скончалась жена царя, царица Анастасія Романовна, очень не ладившая съ его совѣтниками. Враги княжатъ и избранной рады начали нашептывать горевавшему царю, что царица умерла неспроста, была отравлена доброхотами Сильвестра и Адашева. Царь велѣлъ нарядить судъ надъ оговоренными. Конечно, оба были обвинены. Сильвестра, добровольно еще до суда удалившагося въ монастырь, сослали въ Соловки. Адашева ждала горькая участь, но онъ умеръ отъ горячки въ Ливоніи, куда былъ посланъ воеводой вскорѣ послѣ смерти царицы.

Вокругъ царя стали теперь иные люди. Новые царедворцы чернили передъ нимъ прежнихъ его друзей, называли ихъ колдунами, отравителями. Смерть жены, разрывъ съ прежними друзьями сдѣлали царя опять одинокимъ... Воспитаніе не научило его искать утѣшенія въ чемъ-либо иномъ, кромѣ разгула,—и вотъ начинаются во дворцѣ частые пиры и попойки, „чаши велія" наполняются „зѣло пьянымъ питіемъ". Новые друзья царя пьютъ до неистовства, онъ самъ не отстаетъ отъ нихъ и съ неудовольствіемъ смотритъ на тѣхъ,

кто отказывается пить съ нимъ, — такимъ льютъ по приказу царя вино на голову. Пиры сопровождались потѣхами и игрищами. Но такой образъ жизни мало успокаивалъ царя и только поддерживалъ въ немъ раздраженіе противъ бывшихъ друзей, неодобрительно отзывавшихся о его поведеніи. Въ этомъ несочувствіи его поведенію царь видѣлъ ослушаніе его власти, желаніе принизить его царское достоинство, въ чемъ, по его мнѣнію, были особенно виноваты Сильвестръ и Адашевъ. Казни княжатъ и людей, извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ къ прежнимъ совѣтникамъ царя, начались очень скоро вслѣдъ за кончиной Анастасіи и судомъ надъ Сильвестромъ и Адашевымъ. Казнены были всѣ родственники и близкіе Алексѣя Адашева, всѣ тѣ, кого считали за его единомышленниковъ.

Среди бояръ пошли слухи, что царь хочетъ извести все боярство, и тогда многіе изъ нихъ стали думать объ отъѣздѣ, какъ бывало въ удѣльное время. Когда на Руси было много князей, то бояринъ, какъ и всякій служилый человѣкъ, служившій тому или иному князю по договору за извѣстную плату, могъ разъѣхаться со своимъ княземъ, если былъ ими недоволенъ, и отъѣхать отъ него на службу къ другому. Бояре вспомнили теперь о такомъ обычаѣ. Но куда было отъѣзжать? Удѣльныхъ князей больше не существовало, — былъ только одинъ государь всея Руси. Отъѣхать можно было только за границу—въ Польшу, Ливонію, Крымъ, Швецію, но всѣ эти государства были политическими соперниками Руси, съ ними всегда легко могла возникнуть война, поэтому отъѣздъ туда становился измѣной. Когда все-таки произошло нѣсколько случаевъ отъѣзда, царь Иванъ сталъ брать съ бояръ клятвенныя поручныя записи о неотъѣздѣ. Въ грамотахъ писалось, что бояринъ такой-то цѣлуетъ крестъ вѣрно служить царю и его сыновьямъ, Ивану и Ѳедору, и не отъѣдетъ ни въ Литву ни въ иныя государства. За боярина, дававшаго такую клятвенную запись, должны были поручаться другіе бояре, обязывавшіеся уплатить огромныя по тому времени деньги, если тотъ, за кого они ручались, отъѣдетъ, несмотря на всѣ свои клятвы. За боярина Бѣльскаго, напримѣръ, дали поручную за-

пись 27 бояръ, причемъ обязывались внести въ случаѣ отъѣзда Бѣльскаго 100.000 рублей. Кромѣ этой поручной, взяли еще записи со ста другихъ бояръ и служилыхъ людей, ручавшихся за первыхъ.

Гнѣвъ царя, гроза его на бояръ особенно усилились, когда отъѣхалъ въ 1564 г. къ польско-литовскому королю бояринъ и воевода, князь А. М. Курбскій, когда-то одинъ изъ первыхъ друзей царя и участникъ избранной рады,—„любимый мой“, какъ называлъ его царь. Теперь этотъ „любимый“, покинувъ ввѣренное ему войско, не только отъѣхалъ въ Польшу, когда узналъ о перемѣнѣ въ царѣ и гибели своихъ друзей, но еще и повелъ отряды польскаго войска противъ русскихъ. Изъ-за границы Курбскій присылалъ царю письма, въ которыхъ жестоко и рѣзко укорялъ его за ненависть къ боярамъ и оправдывалъ свой поступокъ, приравнивая его къ древнимъ обычаямъ отъѣзда. Курбскій упрекалъ царя въ томъ, что онъ пересталъ слушать добрыхъ совѣтниковъ и лучше готовъ погубить государство, чѣмъ поступиться своей гордостью. „Высокоуміемъ гордости“ объясняетъ Курбскій принятіе Иваномъ Васильевичемъ царскаго титула и не забываетъ кольнуть „прегордое царское величество“ замѣчаніемъ, что почти всѣ бояре одной съ нимъ крови и потому должны быть его неизмѣнными совѣтниками. Курбскій спрашиваетъ царя: „Почто, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси? И воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси?“ Дальше князь указываетъ на свои заслуги и спрашиваетъ, за что царь преслѣдовалъ его и принудилъ уйти изъ отечества? Князь Курбскій перечисляетъ свои подвиги и труды другихъ воеводъ—„прегордыхъ царствъ разореніе“, „претвердыхъ германскихъ градовъ покореніе“; упрекаетъ царя въ кровопійствѣ, душегубствѣ, пишетъ, что имѣлъ полное право отъѣхать, винитъ царя въ томъ, что придуманными имъ поручными записями царь вынуждаетъ клятвы, и что нарушить принудительное крестоцѣлованіе не грѣхъ. Царь отвѣчалъ отъѣхавшему боярину. Съ 1564-го по 1579 г. царь написалъ два письма, Курбскій—четыре. Письма Курбскаго пересыпаны злыми насмѣшками

надъ царемъ. Тѣ отвѣтныя посланія, какія писалъ ему царь, великій охотникъ поговорить и поспорить, Курбскій называетъ „широковѣщательными и многошумящими“, „бабьей болтовней“, и смѣется надъ „нахватанными словесами“ изъ св. Писанія и другихъ книгъ.

Въ своихъ отвѣтахъ царь Иванъ Васильевичъ писалъ, что, кромѣ побѣдъ надъ врагами, видѣлъ онъ отъ своихъ бояръ и другое: „навыкосте, — писалъ царь,—отъ прародителей своихъ измѣну чинить, яко же дѣдъ твой, князь Михайло Карамышъ со княземъ Андреемъ Углицкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана, умышлялъ измѣнные обычаи; тако же и отецъ твой, князь Михайло на отца нашего, блаженныя памяти великаго государя Василія многія пагубныя смерти умышляли, тако же и матери твоея дѣдъ Василій и Иванъ Тучко многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему, великому государю Ивану износили“. На слова Курбскаго о военныхъ подвигахъ его и другихъ бояръ царь Иванъ съ насмѣшкой замѣчаетъ, какъ же это такіе храбрые стратеги въ его малолѣтство за 13 лѣтъ не могли защитить христіанъ отъ Крыма и Казани? Въ походъ надо было посылать ихъ, какъ въ опалу, подъ Казань сколько разъ ни ходили, а все нехотя, съ понужденіемъ. Когда подъ Казанью, на третій день ея обложенія, потонула часть обоза, храбрые стратеги заговорили о возвращеніи назадъ, и „вся, яко раби, съ понужденіемъ творили есте, а не хотѣніемъ, паче же съ роптаніемъ“... Царь упрекаетъ Курбскаго въ бѣгствѣ и измѣнѣ.

Курбскій, въ своемъ отвѣтѣ, указавъ на то, что онъ, хотя много грѣшенъ и недостоинъ, однако рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени великаго князя смоленскаго - ярославскаго Ѳедора Ростиславича, а князья этого племени не привыкли свою плоть ѣсть и кровь братій своихъ пить, какъ у нѣкоторыхъ издавна обычай ведется: первый дерзнулъ Юрій Московскій въ Ордѣ на святого великаго князя Михаила тверского, а за нимъ и прочіе; еще у всѣхъ на свѣжей памяти, что сдѣлано съ углицкими и ярославскими и другими единокровными, какъ они всенародно были истреблены—

слышать тяжко, ужасно!.. „Насъ ты называешь измѣнникомъ, потому что мы принуждены были отъ тебя поневолѣ крестъ цѣловать... На это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ поневолѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ... Если же кто во время прелютаго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себѣ убійца“. Далѣе Курбскій говоритъ, что царь долженъ слушать своихъ совѣтниковъ, и приводитъ, въ свидѣтельство правоты своей мысли, нѣсколько мѣстъ изъ свящ. Писанія, и затѣмъ продолжаетъ такъ: „Если царь и почтенъ царствомъ, то все же не можетъ получить отъ Бога всѣхъ дарованій и долженъ поэтому искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей, потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, а по правости душевной; не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сколько кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ“... Если царь хвалится божественнымъ происхожденіемъ своей власти, то пусть не забываетъ, что великородные совѣтники даны ему Богомъ же.

На притязанія княжича, такъ твердо помнящаго, что предки его были великіе князья ярославскіе, царь Иванъ отвѣчалъ, что самодержавства его начало отъ св. Владимира, что передъ его волей не существуетъ утраченныхъ княжатами правъ на ихъ удѣлы, онъ, царь Иванъ, своимъ владѣетъ, и владѣетъ изначала, не утрачивая власти и чужого не похищая. Напрасно князь Курбскій навязываетъ ему совѣтниковъ,—„русскіе самодержцы изначала владѣютъ сами всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи!“ Это „самодержавство“,—повторяетъ не разъ царь Иванъ,—изначала, да и какъ государь можетъ называться самодержцемъ, „аще не самъ строитъ“. „Строить самому“ значитъ для Грознаго „хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабамъ“, т.-е. сводится къ праву „государской“ власти надъ подвластными вещами и лицами, какъ эту власть понимало удѣльное время; только теперь основой государствованья является не частно-

правовая сдѣлка между слугой и государемъ, а „Божіе повелѣніе“. И это не капризъ со стороны государя— требовать себѣ ото всѣхъ безусловной покорности: это—его обязанность передъ Богомъ, какъ обязанность передъ нимъ подданныхъ „доброхотство“ къ государю. Въ своемъ правѣ карать и миловать государь можетъ давать отчетъ только Богу. Вся его царская воля, все его самодержство въ томъ, что „мы доброхотныхъ своихъ жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обрящутся супротивны, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ“.

На воспоминаніе Курбскаго объ удѣльныхъ временахъ, когда предки его и другихъ княжатъ были такими же князьями, какъ и предки московскаго государя, царь Иванъ отвѣчалъ, что дѣйствительно было такъ; но если во время Ветхаго Завѣта нужно было обрѣзаніе, то въ Новомъ Завѣтѣ нуженъ крестъ; если въ удѣльное время было самовольство, то теперь настало время царскаго владѣнія. Задачу своего „царскаго владѣнія“ Грозный опредѣляетъ такъ: „Тщюсь со усердіемъ,—пишетъ онъ,—людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, и отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, которыми царство растлѣвается. Ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся. Неужели это сладко и свѣтъ— отъ добра удаляться и зло творить междоусобными бранями и самовольствомъ?..“ Въ своихъ посланіяхъ царь называетъ Курбскаго бѣгуномъ, собакой, укоряетъ его въ трусости передъ царскимъ гнѣвомъ.

Такъ рѣзко опредѣлились въ этой замѣчательной перепискѣ взгляды княжича-боярина и царя всея Руси на власть и ея значеніе въ государствѣ.

Еще Иванъ III завелъ при московскомъ дворѣ обстановку и церемоніалъ, напоминавшіе византійскій придворный; его внукъ, признанный всѣми царь, торжественно именуетъ себя такъ: „Мы, великій государь, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостію всея Руси самодержецъ, владимирскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковскій и великій князь смоленскій“ и т. д.

Иванъ Васильевичъ высоко ставилъ свое царское достоинство, какъ достоинство древнее и неизмѣнное. Свысока смотрѣлъ онъ на избраннаго панами польскаго короля Стефана Баторія и писалъ ему такъ: „Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію“. Въ другой разъ Грозный говорилъ полякамъ, что онъ считаетъ себя выше римскаго императора и французскаго короля. „Кромѣ насъ да турецкаго султана, ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно двѣсти лѣтъ“... „Мы отъ государства господари, изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно“... Съ этой московской точки зрѣнія, польское королевское достоинство считается „убогимъ“. „Ты,—говорилъ Грозный польскому королю,—по дѣлу не воленъ еси, что еси посаженный государь, а не вотчинный, какъ тебя захотѣли паны твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали... Не токмо что во ввѣренныхъ тебѣ людехъ не воленъ еси, но и въ себѣ самомъ не воленъ еси... Какъ же тебѣ вольну быти въ своемъ государствѣ“. Съ презрѣніемъ говоритъ Грозный и о „молодомъ“ родѣ шведскихъ королей: „Пусть отецъ твой вѣнчанный государь,—велѣлъ онъ сказать шведскому королю,—да ты скажи: отецъ твой Густавъ чей сынъ? И какъ дѣда твоего звали? И гдѣ онъ на государствѣ сидѣлъ? И котораго ты роду государскаго?“ Родъ шведскихъ королей Грозный, не обинуясь, называетъ „мужичьимъ родомъ“. „Коли бы то ваше совершенное королевство было,—писалъ Грозный шведскому королю,—ино бы отцу твоему совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были, и землю къ государемъ великимъ не приписываютъ... А совѣтники королевства свейскаго почему отцу твоему товарищи?.. А отецъ твой у нихъ въ головахъ, кабы староста въ волости... И тебѣ потому нельзя равнятись съ великими государями; въ великихъ государствахъ тѣхъ обычаевъ не ведется“... И московское правительство требуетъ, чтобы шведскій король сносился съ московскимъ царемъ не прямо, какъ равный, а черезъ новгородскихъ намѣстниковъ. Англійской королевѣ Елизаветѣ Грозный не постѣс-

нился написать такъ: „Мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь, и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, а мужики торговые... а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая (обыкновенная) дѣвица".

Ради большей важности московскіе книжники придумали пышное происхожденіе для рода государя всея Руси. По этому родословію выходило, что Рюрикъ былъ въ четырнадцатомъ колѣнѣ потомокъ Пруса—небывалаго брата римскаго императора Августа, который якобы посадилъ этого Пруса на удѣлъ въ Пруссіи, отчего и страна стала такъ называться. Когда Стефанъ Баторій съ насмѣшкой отозвался объ этомъ кичливомъ родословіи, то царь Иванъ побѣдоносно возразилъ:—„Какъ не было Пруса? а Пруссія-то откуда же! По Прусу такъ прозвалась".

Постоянно доходившіе до царя слухи, что тотъ или иной бояринъ хочетъ отъѣхать, господствовавшее въ народѣ недовольство новыми московскими порядками, заставлявшее вспоминать о прежнемъ удѣльномъ времени,—все это страшно раздражало и безъ того ужъ подозрительнаго, мнительнаго царя. Занятый мыслью, какія бы мѣры принять для спасенія себя и государства отъ боярскихъ крамолъ и отъ возвращенія къ прежнимъ удѣльнымъ порядкамъ, царь рѣшилъ, наконецъ, покончить со всѣмъ этимъ однимъ ударомъ. 3 декабря 1564 г. онъ вдругъ уѣхалъ изъ Москвы. Царь и раньше часто выѣзжалъ на богомолье въ ближніе и дальніе монастыри, но этотъ выѣздъ не былъ похожъ на прежніе. Царь выѣхалъ со своей казной; тѣмъ боярамъ, дворянамъ и приказнымъ, которымъ велѣлъ ѣхать за собой, приказалъ захватить женъ и дѣтей. Служилые люди ѣхали за царскимъ поѣздомъ, вооруженные какъ бы для дальняго похода. Народъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на происходившее. Оставшіеся въ Москвѣ митрополитъ, бояре и другіе высшіе чины ничего не понимали и не знали, куда ѣдетъ царь. А въ это время шла война съ Ливоніей и грозило нападеніе крымскихъ татаръ. Народъ смутился и ропталъ; бояре не знали, что дѣлать.

Ровно мѣсяцъ продолжалась эта неизвѣстность. Наконецъ, 3 января 1565 г. прибылъ отъ царя, остановившагося въ Александровской слободѣ, гонецъ съ грамотой къ митрополиту. Въ этой грамотѣ были прописаны „измѣны боярскія, воеводскія и всякихъ приказныхъ людей“, указывалось, какіе убытки государству дѣлали они до совершеннолѣтія государя. За все это царь клалъ свой гнѣвъ на нихъ и въ концѣ грамоты объявлялъ, что онъ „отъ великой жалости сердца, не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ поселиться гдѣ-нибудь, гдѣ ему Богъ укажетъ“. Къ гостямъ, купцамъ, ко всему простому „всенародству“ Москвы царь прислалъ особую грамоту и велѣлъ прочитать ее на площади. Въ этой грамотѣ говорилось, чтобы простые люди никакого сомнѣнія не держали, царскаго гнѣва и опалы нѣтъ на нихъ никакой, что царь хочетъ только укрыться отъ своихъ лиходѣевъ-бояръ.

Въ народѣ завопили: „Увы, горе! согрѣшили мы передъ Богомъ, прогнѣвали государя своего!..“ Всѣ начали упрашивать митрополита, чтобы онъ съ высшимъ духовенствомъ и особо чтимой святыней отправился къ государю, умилостивилъ бы его, упросилъ бы не оставлять государства, молилъ бы царя владѣть и править, какъ ему угодно. Гости и всѣ горожане говорили, чтобъ „государь государство не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавилъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей, а за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ“. Съ такимъ порученіемъ отъ всей Москвы явились въ Александровскую слободу митрополитъ съ духовенствомъ и боярами, пали ницъ передъ царемъ и объявили ему общее рѣшеніе—пусть правитъ, какъ ему угодно, только бы „паки принялъ свое государство“. Царь сначала и слышать не хотѣлъ о возвращеніи на царство, но потомъ, какъ бы сдавшись на общія моленія, сказалъ, что, ради мольбы епископовъ и архіепископовъ, согласенъ вернуться, но съ условіемъ, а съ какимъ—обѣщалъ объявить послѣ.

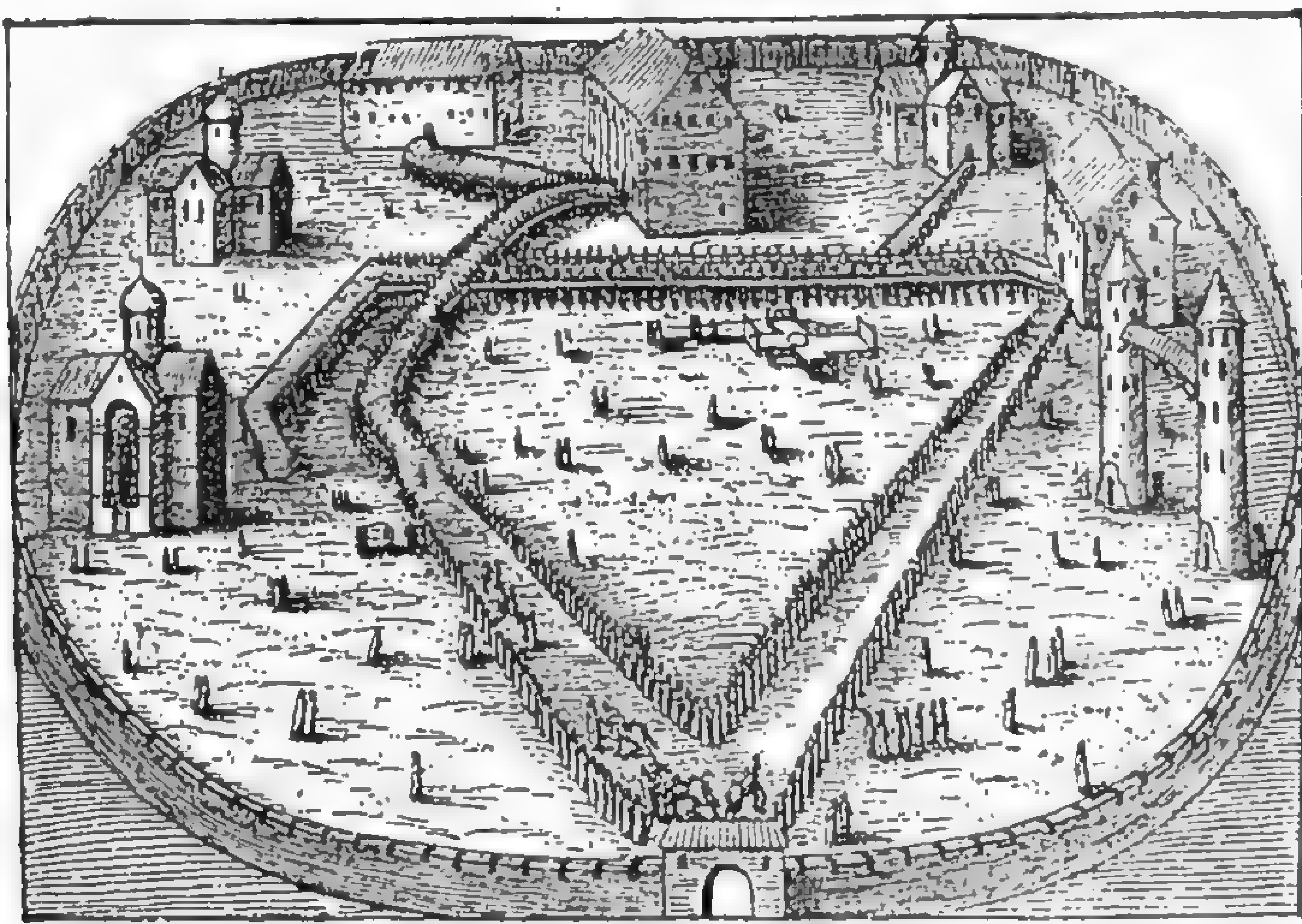
Въ началѣ февраля 1565 г. царь торжественно въѣхалъ въ Москву, созвалъ всѣхъ бояръ, высшее ду-

ховенство и опредѣлилъ, на какихъ условіяхъ соглашается онъ снова принять государство.

Прежде всего царь сказалъ, чтобы ему была безпрекословная воля на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣніе же ихъ отбирать въ казну. Все государство царь дѣлилъ на земщину и опричнину (отъ слова „опричь“—кромѣ). Въ опричнину были взяты земли, лежавшія въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства; земщиной назвали всѣ пограничныя земли. Во главѣ земщины царь оставилъ боярскую думу; она должна была править землей, т.-е. данной ей частью государства, по-старому. Самъ царь въ свое непосредственное управленіе взялъ опричнину. Отчисленныя въ опричнину земля и люди составили особый дворъ государевъ, въ которомъ онъ и началъ, какъ обѣщалъ, „опалы класть на своихъ измѣнниковъ, ослушниковъ казнить, имущество же ихъ брать на себя“, стараясь всюду уничтожить послѣдніе слѣды удѣльнаго времени.

По словамъ лѣтописи, во взятыхъ въ опричнину земляхъ царь „вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и дать имъ земли въ иныхъ городахъ“. По этому повелѣнію вотчинники и помѣщики цѣлыхъ уѣздовъ должны были переселиться въ другіе уѣзды, гдѣ указывалъ государь. Такъ какъ въ опричнину царь взялъ земли, гдѣ находились огромныя владѣнія потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей—бояръ-княжатъ, то они первые и пострадали отъ новыхъ опричныхъ порядковъ. Многихъ княжатъ Грозный сорвалъ съ ихъ старыхъ родовыхъ гнѣздъ, гдѣ они еще чувствовали себя владѣтелями, и поселилъ подальше. Князья съ верхней Оки получили у него земли за Москвой, на верхней Волгѣ, а князья Ростовскіе были переселены ближе къ верхней Окѣ. Тѣхъ изъ княжатъ, кого Грозный оставлялъ на старомъ владѣніи, онъ бралъ въ опричнину, подъ свой строгій непосредственный надзоръ. Нечего и говорить, какой сильный ударъ нанесло княжатамъ это переселеніе: съ земель, гдѣ предки ихъ были государями, гдѣ ихъ всѣ знали и почитали, они вдругъ очутились на новыхъ мѣстахъ, среди населенія, которое

ихъ не знало и относилось къ нимъ равнодушно. На прежнихъ земляхъ у бояръ-княжатъ были свои служилые люди, которые получали землю отъ нихъ и служили у нихъ въ отрядахъ; Грозный обратилъ этихъ боярскихъ служилыхъ людей въ служилыхъ людей великаго государя. Послѣ такой „переборки“ цѣлыя вѣками складывавшіяся хозяйства были разорены. На новыхъ мѣстахъ бояре-княжата превращались въ простыхъ служилыхъ людей. На новыхъ мѣстахъ ихъ ничто не связывало съ чуждымъ имъ населеніемъ, ника-

Общій видъ царской резиденціи въ Александровской слободѣ.
Съ рисунка въ книгѣ Я. Ульфельда „Путешествіе въ Россію“.

кое воспоминаніе о прошломъ не позволяло имъ надѣяться на особое значеніе въ новой мѣстности; здѣсь ихъ никто не величалъ „нашими“ князьями-государями, никто не обращался къ нимъ за судомъ и милостью, какъ то было въ прежнихъ ихъ родовыхъ владѣніяхъ; теперь княжата не могли болѣе приводить на государеву службу „свои воинства“ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Переселяя знать, царь кстати, благо нужно же имѣть землю для раздачи боярамъ-княжатамъ взамѣнъ теряемой ими, задумалъ лучше распредѣлить мѣста поселенія служилыхъ людей. Цѣлыми гнѣздами си-

дѣли они неподалеку отъ самой Москвы и далѣе къ сѣверу и востоку, далеко отъ всякой военной тревоги, занявъ эти мѣста еще съ тѣхъ временъ, когда граница Московской земли была близко отъ столицы. Теперь же, когда она отодвинулась на сотни верстъ, при тогдашнемъ бездорожьѣ являлось очень невыгоднымъ, что много служилыхъ людей живетъ вдали отъ границы. Имъ приходилось тратить много силъ и средствъ, чтобы добраться туда, гдѣ требовалась служба, да и то никогда нельзя было поручиться, что они не придутъ слишкомъ поздно. Царь и рѣшилъ „перебрать" такихъ служилыхъ людей съ цѣлью переселить поближе къ границамъ. Кромѣ земель, принадлежавшихъ княжатамъ, царь взялъ въ опричнину особо богатые города и волости съ назначеніемъ „имати съ нихъ всякіе доходы на его государьской обиходъ, (чтобы) жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опричнинѣ".

На отобранныхъ земляхъ, пользуясь доходами съ богатѣйшихъ мѣстностей, располагая своими особыми опричными слугами, царь Иванъ постепенно и понемногу „перебиралъ" служилыхъ людей и знать—отрывалъ ихъ отъ той земли, къ которой они привыкли и гдѣ къ нимъ привыкли, и сажалъ на новыя мѣста, гдѣ ихъ никто не зналъ и гдѣ ничто не могло давать повода къ нежелательнымъ для государственнаго порядка, какъ его понималъ царь Иванъ, воспоминаніямъ. Въ этой переборкѣ и погибли послѣдніе остатки удѣльнаго быта.

Подорвавъ путемъ переселенія хозяйственную силу и мѣстное значеніе княжого боярства, царь Иванъ нанесъ рѣшительный ударъ и первенствующему положенію княжатъ въ правительствѣ. По виду онъ оставилъ какъ будто неприкосновеннымъ прежнее государственное значеніе боярства, какъ высшаго правительственнаго класса, и правилъ своимъ царствомъ при помощи и чрезъ посредство тѣхъ же бояръ, только въ бояре онъ больше сталъ жаловать тѣхъ, кого хотѣлъ, не очень считаясь съ знатностью или княжескимъ происхожденіемъ угодныхъ ему лицъ. Удалившись въ

опричнину, онъ оставилъ во главѣ текущихъ дѣлъ боярскую думу, на имя которой присылалъ свои распоряженія съ просьбой помыслить и дать дѣлу ходъ. Но въ думу съ его времени доступъ получили и люди незнатные въ качествѣ думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Со временъ Грознаго думное званіе становится такимъ образомъ не только прирожденнымъ правомъ знатнаго человѣка, но и чиномъ, до котораго можетъ дослужиться и человѣкъ незнатный. Тѣмъ самымъ прежній сплоченный кружокъ бояръ-правителей скоро потерялъ свою сплоченность и самостоятельность. Назначаемые царемъ въ думу думные дворяне и думные дьяки, конечно, рѣшали дѣла по указаніямъ верховной власти, которая дала имъ думные чины. Правительственное значеніе прирожденныхъ думцевъ пало.

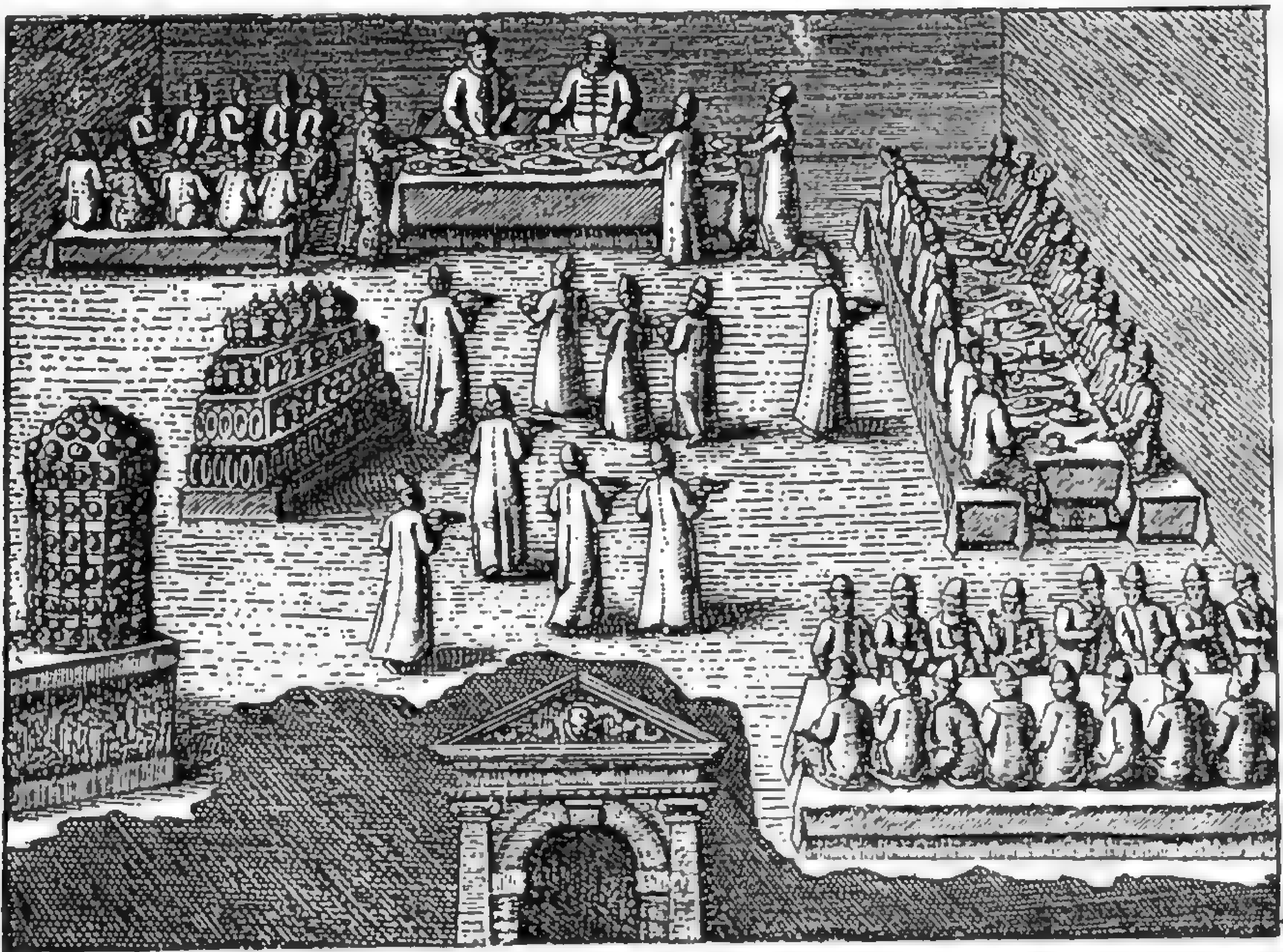
Впослѣдствіи, въ XVII в., когда во время Смуты погибли наиболѣе яркіе представители старыхъ княжескихъ родовъ, боярская дума, пополняясь лицами незнатнаго происхожденія, стала покорной исполнительницей царской воли. Царь Иванъ положилъ начало этому новому порядку, въ которомъ прежній аристократическій строй правительства Московскаго государства превращался въ бюрократическій, какъ принято обозначать такой укладъ государственной жизни, въ которомъ высшее правительство составляютъ не прирожденные и „Богомъ данные“, обязательные для государя совѣтники, а назначаемые имъ на всей его волѣ за ихъ заслуги чиновники.

Бояре-княжата и въ правительствѣ должны были стать по отношенію къ власти царя не только въ положеніе простыхъ его слугъ. Указывая строптивому боярину-княжичу на свое „самодержство“, Грозный царь хотѣлъ подчиненія прежнихъ вольныхъ слугъ удѣльнаго князя его государской волѣ, хотѣлъ превращенія ихъ въ слугъ подневольныхъ, въ его государскихъ холоповъ.

Въ своемъ опричномъ дворѣ онъ жилъ, какъ господинъ и государь, среди своихъ холоповъ, страдниковъ, передъ которыми и черезъ которыхъ могъ безъ помѣхи проводить свою личную власть, „стѣсненную въ земщинѣ нравственнымъ обязательнымъ почтеніемъ къ

почитаемымъ всѣми преданіямъ и обычаю", къ тому, что повелось отъ отцовъ и дѣдовъ. Въ опричники онъ набралъ людей не знатныхъ, а знатныхъ допускалъ лишь при условіи, что они про свое „великородство" забудутъ и признаютъ, какъ выразился одинъ опричникъ, „что государь—Богъ: малаго дѣлаетъ великимъ и великаго ни во что не вмѣняетъ".

Въ противовѣсъ боярству царь Иванъ выдвигалъ значеніе среднихъ служилыхъ людей и посадскихъ

Пиръ Ивана Грознаго въ палатѣ Александровской слободы.
Съ рисунка въ книгѣ Я. Ульфельда „Путешествіе въ Россію".

міровъ, которые, какъ онъ зналъ, были настроены противъ бояръ.

Въ трудныя минуты государственной жизни царь всея Руси созывалъ выборное служилое начальство представительствовать за всѣ разряды служилаго и посадскаго населенія; изъ этихъ собраній при царѣ, соборѣ духовенства и боярской думѣ и составились земскіе соборы XVII в., являющіеся третьей послѣ царя и думы силой въ организмѣ Московскаго государства первой половины XVII вѣка. Пока это еще

слабая сила, и нужны были событія Смутнаго времени, всколыхнувшія все государство, всѣ общественные слои, чтобы совѣщательное представительство интересовъ службы въ московскомъ правительствѣ стало замѣняться дѣйствительнымъ представительствомъ всей земли, всѣхъ классовъ населенія. Въ XVI вѣкѣ объ этомъ только мечтали отдѣльныя лица.

Царь Иванъ Васильевичъ два раза созывалъ земскіе соборы за время своего царствованія: въ 1550 и 1566 гг. Соборъ 1550 г. имѣлъ задачей обсудить улучшеніе мѣстнаго управленія и суда; соборъ 1566 г. долженъ былъ рѣшить вопросъ о войнѣ съ Польшей. Даже для учрежденія опричнины и оправданія наступившихъ съ ней казней царь Иванъ искалъ признаковъ формальнаго согласія и одобренія народа, какъ свидѣтельствуютъ событія, предшествовавшія опричнинѣ. Съ самодержавіемъ „грознаго“ царя уживалось довольно широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія, съ выборнымъ мѣстнымъ начальствомъ, обязаннымъ извѣстной отчетностью и передъ избравшимъ его населеніемъ и передъ центральной властью.

„Какъ же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?“—спрашивалъ князя Курбскаго царь Иванъ. Но онъ не развилъ дальше этой промелькнувшей у него мысли о самодержавіи, какъ о полной независимости царской власти не только отъ обязательныхъ „совѣтниковъ“, но и вообще свободной въ вопросахъ государственнаго строительства. Царь Иванъ цѣнилъ свое самодержство пока только какъ свободу и независимость государя и царя отъ Богомъ данныхъ совѣтниковъ.

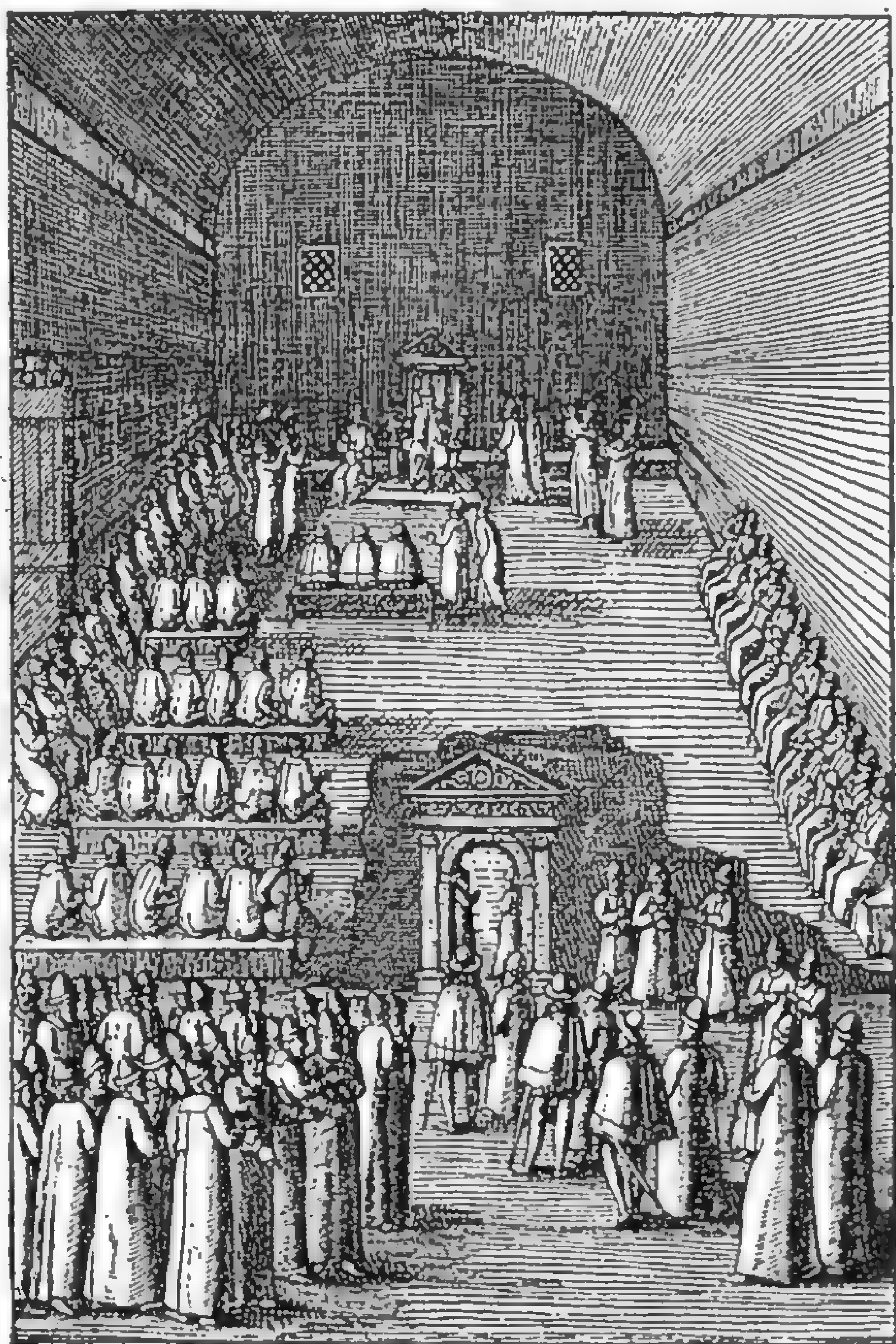
Самодержавіе Грознаго, такимъ образомъ, далеко не сформировалось при немъ въ тѣ размѣры, какіе намѣчаются самымъ смысломъ этого слова, т.-е. оно не доросло еще при немъ до полной неограниченности своихъ проявленій. Грозный царь, провозгласивъ свою независимость отъ какихъ бы то ни было ограниченій вовнѣ и внутри страны, эту свою неограниченность умѣлъ выражать лишь въ тѣхъ предѣлахъ, какіе очерчивались старыми удѣльными представленіями о государѣ-хозяинѣ и вотчинникѣ, а эти предѣлы конча-

лись правомъ царя неограниченно распоряжаться зависимыми отъ него слугами, живущими при немъ на его землѣ, но не порядкомъ, покоившимся на обычаѣ, который въ государственномъ устройствѣ требовалъ обязательнаго для государя участія въ правленіи высшаго аристократическаго класса; отъ „самодержавія" Грознаго царя этотъ государственный порядокъ потерпѣлъ лишь постольку, поскольку пострадали отъ него лица, представители того общественнаго слоя, сплоченностью и силой котораго былъ крѣпокъ тогдашній политическій порядокъ, т.-е. бояре-княжата.

Боярская дума при Грозномъ попрежнему стояла во главѣ правительства. Когда государь ушелъ въ свой опричный дворъ и взялъ себѣ въ государствѣ опричную часть, управлять остальной частью онъ предоставилъ боярамъ и во главѣ думы назначилъ быть касимовскому царю Симеону, далъ ему титулъ великаго князя всея Руси, а себя именовалъ „Иванцомъ княземъ московскимъ". Впрочемъ, это странное положеніе длилось менѣе двухъ лѣтъ. Сражаясь всю жизнь съ боярствомъ, царь Иванъ охранялъ мѣстническія права великородныхъ князей, правда, когда они эти права могли осуществлять больше при церемоніяхъ, нежели въ думѣ и на службѣ, и очень любилъ разбираться въ тонкостяхъ мѣстническаго счета „по родословцу", „по отечеству" и „по разрядамъ", удовлетворяя, впрочемъ, при этомъ больше свои историко-археологическіе вкусы, нежели интересы самихъ мѣстниковъ.

Итакъ, опричнина царя Ивана была учреждена имъ для борьбы съ боярствомъ, въ которомъ царь подозрѣвалъ всякія крамолы, и для борьбы съ прежними удѣльными порядками, когда на землю было много хозяевъ. Московскій государь хотѣлъ быть единымъ хозяиномъ и властителемъ земли. Поставивъ подъ грозу опричнины все то, что могло нарушать государственный порядокъ, какъ онъ его понималъ, его „самодержство", царь Иванъ могъ надѣяться, что предупредить измѣну, которую его болѣзненная подозрительность усматривала всюду, а подъ измѣной онъ разумѣлъ приверженность къ удѣльной старинѣ. Сгубивъ

политическую силу и значеніе княжатъ, опричнина больно отозвалась на служилыхъ людяхъ и крестьянствѣ; раздробленіе крупныхъ вотчинъ княжатъ между мелкими служилыми людьми, перемѣщеніе многихъ служилыхъ изъ одной части государства въ другую разорило тысячи хозяйствъ; крестьяне бѣжали съ земель новыхъ владѣльцевъ, которые по бѣдности не могли поддерживать ихъ ссудами денегъ и хлѣба, но облагали тяжелыми поборами. Страна пустѣла въ своемъ средоточіи, бѣднѣла и оказывалась не въ силахъ платить налоги и поставлять войско въ прежнихъ размѣрахъ.

Пріемъ иностраннаго посла царемъ Иваномъ Грознымъ въ Александровской слободѣ.
Съ рисунка въ книгѣ Я. Ульфельда „Путешествіе въ Россію“.

Для прямой борьбы съ „измѣной“ царь составилъ особый отрядъ служилыхъ людей, получившихъ названіе опричниковъ. Набранные изъ разгульной бездомной молодежи, одаренные помѣстьями и богатымъ жалованьемъ, постоянно пьяные и сытые отъ царской милости, одѣтые въ богатые кафтаны, опричники имѣли одно дѣло — должны были грызть измѣнниковъ государевыхъ, выметать измѣну изъ государства, въ знакъ чего къ поясу каждаго опричника или къ уздѣ его коня были подвѣшены помело и собачья голова. У подозрительнаго царя такимъ слугамъ нашлось много дѣла. Опричники стали доносчиками и палачами въ одно время.

Настало злое время на Руси, обильное казнями и всякаго рода преслѣдованіями тѣхъ, кто казался подозрительнымъ, сочувствующимъ удѣльнымъ воспоминаніямъ.

Царь не остался жить въ Москвѣ, уѣхалъ въ Александровскую слободу, и сюда опричники доставляли ему мнимыхъ измѣнниковъ. Здѣсь на глазахъ самого царя пытали ихъ, всячески мучили, казнили, и царь Иванъ до того привыкъ къ крови и къ стонамъ, что въ немъ огрубѣло и пропало всякое чувство жалости.

Изъ числа опричниковъ царь выбралъ 300 отъявленныхъ головорѣзовъ, назвалъ ихъ иноками, себя игуменомъ. Поверхъ блестящихъ кафтановъ велѣлъ имъ надѣть монашескія рясы и завелъ свою монастырскую жизнь. Рано утромъ, часа въ три, поднимался царь и отправлялся на колокольню трезвонить къ заутренѣ. Подъ страхомъ строгаго наказанія полупьяные, не выспавшіеся, не отдохнувшіе еще отъ кровавой расправы, опричники спѣшили, услышавъ перезвонъ колоколовъ, въ церковь. Самъ царь молился очень усердно, по три, по четыре часа простаивалъ онъ на колѣняхъ, билъ такъ крѣпко земные поклоны, что на лбу у него оставались кровавые подтеки. Въ церковь приходили палачи за распоряженіями, и царь, прерывая на минуту молитву, указывалъ, кого изъ заключенныхъ какъ казнить, кого какъ пытать.

По окончаніи всѣхъ церковныхъ службъ, положенныхъ по уставу, часовъ около 10 утра вся эта братія садилась за богатую трапезу, царь же по монастырскому обычаю читалъ обѣдавшимъ вслухъ житія святыхъ, отрывки изъ св. Писанія, поученія отцовъ церкви. Послѣ трапезы опричниковъ обѣдалъ самъ царь съ приближенными. Бывалъ веселъ и шутливъ, когда находилъ добрый стихъ, вспыльчивъ и гнѣвенъ въ недобрую минуту, и тогда—бѣда за всякое лишнее слово. Разъ шутъ, котораго держали, по обычаю того времени, для потѣхи, сказалъ что-то неловко; царь вспылилъ и опрокинулъ на голову шута миску горячихъ щей. Шутъ завопилъ отъ боли и за это получилъ ударъ ножомъ, да такой, что уже не всталъ болѣе. Царь, очень любившій этого шута, велѣлъ позвать доктора-нѣмца и сказалъ ему: „Исцѣли моего добраго слугу, я пошутилъ съ нимъ неосторожно!“—„Такъ неосторожно,—отвѣтилъ врачъ,—что развѣ только Богъ да твое царское величество можетъ исцѣлить его“.—„Такъ ну

же его, пса!"—крикнулъ царь, толкнулъ трупъ ногой и продолжалъ обѣдать.

Надъ ненавистными ему людьми царь издѣвался особенно зло. Разсказываютъ, что одинъ бояринъ, надѣясь избѣжать казни, принялъ схиму, но царь приказалъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря, что схимники—ангелы и должны летѣть на небо. Осужденныхъ на смерть зашивали въ медвѣжьи шкуры и для потѣхи травили собаками. Казни были и въ слободѣ и въ Москвѣ. Бывали дни, когда опричники, озвѣрѣлые отъ крови и вина, рыскали, вооруженные топорами и ножами, съ криками: „Гойда! Гойда!", по улицамъ Москвы, врывались въ дома жителей, хватали мнимыхъ измѣнниковъ и убивали. Трупы такихъ убитыхъ валялись по улицамъ, и никто не смѣлъ убирать ихъ подъ страхомъ быть обвиненнымъ въ сочувствіи къ „измѣнникамъ".

Всѣ дрожали и молчали, только митрополитъ Филиппъ осмѣливался „печаловаться" за осужденныхъ и замѣчать царю, что не подобаетъ православному государю такъ мучить людей. Но царь обыкновенно хмуро выслушивалъ укоризны митрополита и продолжалъ поступать попрежнему. Тогда митрополитъ всенародно укорилъ царя. Въ храмѣ, переполненномъ народомъ, онъ отказался благословить царя и сказалъ ему: „Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали такъ свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь; у самихъ язычниковъ не происходило ничего подобнаго".

Царь, сдерживая гнѣвъ, только повторялъ на это:—„Молчи, одно говорю тебѣ, молчи, отецъ святый, и благослови насъ!" Но Филиппъ не давалъ благословенія, а на угрозы отвѣтилъ:—„Я пастырь стада Христова!"—и молилъ прекратить казни, говоря такъ:—„Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а тамъ за алтаремъ льется безвинно кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія предъ Богомъ, прощай же другихъ, согрѣшающихъ передъ тобой".

Такихъ поученій не могъ стерпѣть Иванъ Васильевичъ. Надъ митрополитомъ былъ назначенъ судъ, порѣшившій низложить его. И вотъ однажды, когда ми-

трополитъ Филиппъ торжественно служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, въ храмъ ворвалась съ шумомъ и гамомъ толпа опричниковъ. Прочитавъ указъ о низложеніи святителя, они бросились на него, сорвали съ него облаченіе, накинули рваную монашескую рясу, выгнали метлами изъ собора и, посадивъ на дровни, повезли. Народъ со слезами бѣжалъ за дровнями. „Молитесь“,—говорилъ святитель, благословляя народъ.

Этотъ жестокій поступокъ царя Ивана былъ только однимъ въ рядѣ тѣхъ, которыми онъ думалъ свести на нѣтъ и другого совмѣстника своей власти—высшее духовенство. Бояре-княжата свое право на участіе во власти основывали на прирожденности этого права. Право на самостоятельное значеніе при московскомъ государѣ митрополита всея Руси основывалось на старинѣ и обычаѣ. Съ самыхъ раннихъ временъ утвержденія христіанства на Руси, митрополитъ занялъ очень высокое положеніе при князьяхъ кіевскихъ временъ, сохранилъ это свое значеніе и въ удѣльное время и въ Москвѣ. Высокое значеніе митрополита обусловливалось тѣмъ, что митрополитъ всея Руси былъ независимъ отъ свѣтской власти, такъ какъ поставлялся константинопольскимъ патріархомъ и былъ подчиненъ только ему.

Когда греки, въ поискахъ помощи противъ турокъ, согласились на предложенное Римомъ соединеніе церквей, какъ условіе помощи католическаго Запада, московскій государь отказался признать унію. И хотя унія состоялась, въ Москвѣ рѣшили не посылать больше своего митрополита ставиться на митрополію къ цареградскому патріарху и не принимать митрополита, присланнаго патріархомъ. Съ 1440-хъ годовъ митрополита всея Руси стали избирать дома соборомъ всѣхъ русскихъ іерарховъ. Когда, послѣ паденія Константинополя, московскій государь провозгласилъ себя наслѣдникомъ „священнаго царствія“, какъ единый на свѣтѣ православный государь, онъ сталъ въ силу этого покровителемъ церкви и охранителемъ всего православія, что, конечно, очень возвысило его авторитетъ въ церкви. Конечно, прибывшій на русскую митрополію

изъ Византіи грекъ, или русскій, принявшій митрополію всея Руси отъ византійскаго патріарха, чувствовали себя независимѣе передъ лицомъ великаго князя московскаго, чѣмъ митрополитъ, выбранный на соборѣ русскихъ іерарховъ, когда на самое избраніе имѣла громадное вліяніе воля великаго князя. Это особенно стало замѣтно во время Грознаго. Максимъ Грекъ, князь Курбскій говорятъ о времени Грознаго, что теперь не стало болѣе Самуила, Наѳана, Иліи, Елисея, Амвросія Великаго, Іоанна Златоуста, которые обличали бы неправду и удерживали гнѣвъ царей. И дѣйствительно, если въ XV вѣкѣ выставляли еще какъ правило іерею, чтобы онъ „не боялся и не стыдился передъ лицомъ сильнаго человѣка, будь то царь или князь, судья или воинъ, потому что іерей поставленъ отъ Бога", то въ XVI вѣкѣ новгородскій архіепископъ въ посланіи къ царю Ивану не рѣшается уже поучать царя и пишетъ ему, „какъ ученикъ учителю, какъ рабъ государю, имѣющему въ рукахъ своихъ силу и страшному для другихъ своимъ царскимъ саномъ".

Какъ дѣтство царя Ивана опредѣлило его отношеніе къ княжатамъ, такъ ранняя юность опредѣлила его отношеніе къ духовенству. Выше была разсказана исторія о страшномъ московскомъ пожарѣ, потрясающее зрѣлище котораго произвело такое сильное впечатлѣніе на страстную натуру царя Ивана, что онъ рѣшилъ исправиться и быть истиннымъ царемъ—пастыремъ ввѣренныхъ ему отъ Господа подданныхъ. Въ минуту раскаянія царю полюбилась суровая, нелицепріятная рѣчь протопопа Сильвестра, обличавшаго беззаконія его жизни, и онъ приблизилъ къ себѣ Сильвестра.

Сильвестръ былъ тяжелый человѣкъ для жизни съ нимъ рядомъ всякому сколько-нибудь самостоятельному человѣку. Царю же Ивану этой самостоятельности было не занимать стать. Что за человѣкъ былъ Сильвестръ, лучше всего рисуетъ составленное имъ руководство для порядливаго житія, такъ называемый „Домострой". Сухой формалистъ и книжникъ, Сильвестръ всю внѣшнюю жизнь человѣка, до самыхъ мелочей, укладывалъ въ рамки строгихъ правилъ и предписа-

ній. Сдѣлавшись самовластнымъ распорядителемъ при дворѣ, какъ избранный любимецъ царя, онъ и его жизнь сталъ направлять по „Домострою“. Царю Ивану, уже не младенцу, а отцу семейства, предписывалось, что пить и что ѣсть на каждый день, одежда, часы сна и пребыванія въ семействѣ, часы работы. Сильвестръ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы царь исполнялъ предписанныя ему суровыя правила житія, „порицая его словами, какъ бритвой“, запугивалъ его разореніемъ царства, погибелью души, указывалъ на всякое несчастье въ царскомъ семействѣ, какъ на наказаніе Божіе царю за непослушаніе. „Плѣненный властью“, Сильвестръ распоряжался всѣми дѣлами, не позволяя царю Ивану вмѣшиваться въ нихъ, раздавалъ его именемъ должности, стремясь составить въ правительствѣ партію лицъ, себѣ преданныхъ. Говорятъ, что, по почину Сильвестра, въ Судебникъ было введено правило, ограничивающее самостоятельность царя. Тѣ же факты, которые раскрыли царю Ивану глаза на кажущееся только повиновеніе его волѣ княжатъ, подорвали и значеніе Сильвестра. Сильвестръ, какъ указано выше, во время болѣзни царя, по вопросу о наслѣдствѣ, сталъ на сторону Владимира Андреевича противъ малолѣтняго сына царя Ивана.

Подошла минута, когда царь освободился и отъ Сильвестра. Господство его оставило непріятное воспоминаніе въ душѣ царя. Въ сознаніи своей боговдохновенности и величія, какъ помазанника Божія, царь Иванъ сталъ отрицать всякую надобность для царя въ обязательныхъ совѣтникахъ. Мы знаемъ, какъ онъ рѣшилъ дѣло о совѣтникахъ-княжатахъ. Одинаковое рѣшеніе поставилъ онъ и относительно совѣтниковъ изъ духовенства: „священство,—писалъ онъ,—не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла; дѣло монаховъ—молчаніе; иное правленіе святителей и иное царей. Когда Богъ освободилъ израильтянъ отъ плѣна, развѣ Онъ поставилъ во главѣ ихъ священника или многихъ совѣтниковъ? Нѣтъ, Онъ поставилъ имъ одного Моисея, какъ бы царя, Аарону же вручилъ священство, не дозволивъ ему вмѣшиваться въ гражданскія дѣла; но когда Ааронъ отступилъ отъ этого, то и народъ отпалъ

отъ Бога. Видите, священникамъ не слѣдуетъ брать на себя царскихъ дѣлъ. Точно также—Даѳанъ и Авиронъ вздумали восхитить себѣ власть и какое бѣдствіе навели на весь Израиль. Послѣ того судьею былъ Іисусъ Навинъ, а священникомъ Елеазаръ. Пока управляли ими судьи—какія побѣды одержали они надъ врагами. Но когда Илій, священникъ, взялъ на себя священство и царство, израильтяне терпѣли пораженіе до воцаренія Давида. Нѣтъ царства, которое не разорилось бы, подчинившись обладанію поповъ",—кончаетъ свою горячую рѣчь царь Иванъ.

Утвердившись на такой точкѣ зрѣнія, царь Иванъ повелъ дѣло въ отношеніи къ духовнымъ совѣтникамъ, совѣтовавшимъ безъ спроса, такъ же безпощадно-круто, какъ и по отношенію къ княжатамъ.

Послѣ смерти робкаго ученаго митрополита Макарія, всю жизнь больше занимавшагося книгами, чѣмъ людьми, царь Иванъ смѣнилъ одного за другимъ двухъ митрополитовъ въ теченіе двухъ лѣтъ; а третьимъ былъ митрополитъ Филиппъ, поплатившійся жизнью за неумѣстное, съ точки зрѣнія царя Ивана, „печалованіе". Послѣдовавшіе за св. Филиппомъ слабохарактерные митрополиты „только молчали", разрѣшили царю четвертый и пятый браки, вопреки всѣмъ каноническимъ правиламъ, и уже не пробовали вмѣшиваться въ дѣла и поступки „царскаго величества". Новгородскій архіепископъ Пименъ былъ утопленъ, его преемникъ Леонидъ зашитъ въ медвѣжью шкуру и затравленъ собаками,—оба по одному подозрѣнію въ противленіи царской власти.

Кромѣ казней, царь Иванъ ослабилъ бояръ-княжатъ отобраніемъ ихъ имѣній; по отношенію къ духовенству онъ предпринялъ ту же мѣру. Въ 1572 году, по приказу государя, митрополитъ, освященный соборъ и бояре опредѣлили, чтобъ въ большіе монастыри земли не давать, а если кто откажетъ землю монастырю, то такую землю отбирать и возвращать наслѣдникамъ, чтобъ не было убытка ихъ службѣ. Бѣднымъ монастырямъ разрѣшалось пріобрѣтать земли, но не иначе, какъ съ доклада государю. Ни одинъ изъ московскихъ государей не былъ такъ скупъ на пожалованія земли

монастырямъ, какъ царь Иванъ. Въ 1580 году указъ о незавѣщаніи земли духовенству и монастырямъ былъ повторенъ. Нуждаясь, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, въ деньгахъ, царь Иванъ потребовалъ, чтобы монастыри представили ему подробную роспись своихъ богатствъ, и, получивъ росписи, обложилъ монастыри обязательными взносами въ казну и обязалъ монастыри, взятые въ опричнину, платить „всякія подати". До царя Ивана, духовенство во всѣхъ дѣлахъ вѣдалось судомъ митрополита; царь Иванъ постановилъ, чтобы въ гражданскихъ дѣлахъ при митрополичьемъ судѣ засѣдали и свѣтскіе судьи.

Лѣтомъ 1569 года донесли царю, что новгородцы хотятъ передаться польскому королю. Доносъ былъ завѣдомо-ложный, но царя Ивана уже одно слово „измѣна" приводило въ изступленіе. Въ декабрѣ того же года двинулъ онъ на Новгородъ грозную тучу своихъ опричниковъ. Попутно, начиная съ Клина, царь не пропустилъ ни одного города, въ которомъ, по его мнѣнію, могла гнѣздиться измѣна или недовольство московскими порядками и сочувствіе удѣльнымъ. Всюду грабили и избивали жителей, разоряли деревни, взыскивая за мнимыя измѣны. Особенно сильно пострадала Тверь—бывшая столица особаго княжества, съ которымъ московскому великому княженію пришлось долго бороться. Проѣзжая мимо тверского Отрочь-монастыря, гдѣ находился въ заточеніи святитель Филиппъ, царь послалъ къ нему своего главнаго палача Малюту Скуратова просить благословенія. Святитель отвѣтилъ: „Я благословляю только добрыхъ на доброе". Малюта бросился на него и задушилъ подушкою, а монахамъ сказалъ, что чернецъ Филиппъ задохся отъ сильнаго жара въ его келіи.

Въ началѣ января 1570 г. царь съ войскомъ подошелъ къ Новгороду и велѣлъ окружить городъ со всѣхъ сторонъ, опечатать казну во всѣхъ монастыряхъ, священниковъ и игуменовъ бить палками до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не внесетъ по 20 р. Черезъ три дня вышелъ приказъ забить ихъ всѣхъ до смерти и развезти по монастырямъ для погребенія. По приказанію царя опричники грабили лавки, жгли

и рѣзали товары, ломали дома и дворы новгородцевъ; народъ избивали, не щадя ни женщинъ ни дѣтей. Такой погромъ продолжался около шести недѣль. На двѣсти верстъ вокругъ Новгорода опустошены были его окрестности; обширный и богатый когда-то Новгородъ началъ хирѣть и никогда уже болѣе съ тѣхъ поръ не поправился.

Изъ Новгорода царь поѣхалъ во Псковъ. Псковичи думали, что и ихъ ждетъ участь новгородцевъ, и готовились къ смерти. По распоряженію своего воеводы, они встрѣтили царя каждый передъ своимъ домомъ, стоя на колѣняхъ, съ женами и дѣтьми, держа въ рукахъ хлѣбъ-соль. Усталъ ли царь отъ пролитой въ Новгородѣ крови, или его тронула такая покорность псковичей, но только онъ недолго прожилъ во Псковѣ и хотя позволилъ опричникамъ пограбить жителей и казнилъ нѣсколько гражданъ, но поголовныхъ избіеній не устраивалъ. По преданію, городъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ юродивому—Николѣ Салосу. Когда царь посѣтилъ его, Никола сталъ предлагать ему кусокъ кроваваго сырого мяса и, упрекая царя въ кровожадности и жестокости, предсказывалъ ему большое несчастье, если онъ не пощадитъ города. Все это будто бы такъ напугало царя, что онъ поспѣшилъ выѣхать изъ Пскова.

Прибывъ въ Москву, царь занялся разборомъ дѣла тѣхъ лицъ, которыя якобы замышляли вмѣстѣ съ новгородцами измѣну. Обвиненные запутали подъ пытками много другихъ, такъ что число всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу и осужденныхъ на казнь превысило триста человѣкъ. На Красной площади передъ Кремлемъ выросъ цѣлый лѣсъ висѣлицъ, всюду разложили костры, вбили въ землю заостренные колья, на высокихъ перекладинахъ повисли огромные котлы... Москвичи подумали, что ихъ ждетъ участь новгородцевъ, и попрятались. Площадь опустѣла. Въ назначенный день привели къ мѣсту казни осужденныхъ; пріѣхалъ царь съ опричниками и разсердился, что нѣтъ народа. Опричники поскакали сгонять москвичей. Когда народъ собрался, царь, обратившись къ толпѣ, сказалъ: „Народъ! увидишь муки и гибель, но караю измѣнниковъ.

Отвѣчай, правъ ли судъ мой?“ Въ виду грозныхъ висѣлицъ и кровожадныхъ опричниковъ задумываться не приходилось, и въ народѣ громко закричали: „Да живетъ на многія лѣта государь великій! да погибнутъ измѣнники!“ Царю, видимо, понравился такой отвѣтъ. Онъ приказалъ отдѣлить изъ числа осужденныхъ 180 человѣкъ и объявилъ, что даруетъ имъ жизнь. Затѣмъ начались казни и длились четыре часа безъ перерыва. Опричники кололи, рубили, вѣшали, обливали кипяткомъ несчастныхъ. Царь собственноручно подгребалъ посохомъ угли подъ костеръ, на которомъ корчилось тѣло какого-то страдальца.

Послѣ этихъ страшныхъ московскихъ дней 1572 г. казни вообще затихли. Опричнина, забирая понемногу въ свои границы все большее и большее количество земель и всюду производя перетасовку служилыхъ людей, уничтожая послѣдніе слѣды удѣльнаго времени, разрослась чуть не во все государство и тѣмъ самымъ перестала существовать. Съ другой стороны, и самъ царь усталъ отъ крови и жестокостей.

Грозный царь и жестокій правитель, онъ все же былъ человѣкъ и, какъ ни увѣрялъ себя, что всѣ казни и мученія предпринимаются имъ по необходимости, голоса совѣсти заглушить не могъ. Въ глубинѣ души царь сознавалъ, что много гибнетъ невинныхъ, но ему уже трудно было удержаться. Въ минуты раскаянья онъ уединялся отъ всѣхъ, молился, клалъ несчетное число земныхъ поклоновъ, посылалъ по монастырямъ богатые вклады за упокой погубленныхъ имъ—„убіенныхъ людей мужескаго и женскаго и дѣтскаго чина“; самъ хотѣлъ бросить все, уйти въ монастырь отъ „мірскаго мятежа“ и очень любилъ въ такія минуты помечтать объ иноческомъ подвигѣ въ тиши любимаго имъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря. Но всѣ такія мысли и раздумье мало успокаивали царя. Отъ думы ему становилось еще тяжелѣй. Нахмурившись, цѣлыми днями просиживалъ тогда Грозный царь одинъ. Страшный посохъ его съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, пронзившій въ минуту царскаго гнѣва грудь не одного мнимаго лиходѣя, выпадалъ изъ ослабѣвшихъ рукъ. Царь хватался за св. Писаніе, но и оно не утѣшало

его скорби: св. Писаніе учитъ любви и всепрощенію, а царь Иванъ Васильевичъ не умѣлъ прощать.

Ночью, когда все затихало вокругъ царя, онъ не могъ спать. Разгоряченный зрѣлищемъ казней, смущенный безмолвіемъ ночи, мозгъ царя мутился, и ему рисовались страшныя картины. Онъ видѣлъ невинно-погубленныхъ имъ, безъ вины казненныхъ; ему казалось, что они, осіянные небесной славой, съ укоромъ смотрятъ на него, своего мучителя. Царь метался, кричалъ... Но наступалъ день, видѣнія исчезали, тишину ночи смѣнялъ шумъ и тревога дня, являлся Малюта за приказаніемъ о сыскѣ и казняхъ, и все начинало итти, какъ шло. Ночью же опять начинались муки встревоженной совѣсти.

Царь Иванъ, разогнавъ всѣхъ отъ себя, остался одинъ, окруженный только своими кровожадными „кромѣшниками". Отдыха и покоя не могъ онъ найти и въ семьѣ. Хотя царь Иванъ и былъ женатъ пять разъ, въ противность всѣмъ церковнымъ правиламъ, но всѣ эти браки были неудачны, благодаря, главнымъ образомъ, крутому нраву царя. Дѣти—два взрослыхъ царевича Иванъ и Ѳедоръ, да третій — младенецъ Димитрій, мало радовали его. А между тѣмъ подходила старость. Царь Иванъ Васильевичъ все чаще оглядывался на прожитую жизнь, но не находилъ въ ней ни одного добраго воспоминанія, ни одной свѣтлой минуты, память о которой могла бы дать покой и отраду его измученной душѣ. Всюду была кровь. Тяжело становилось Грозному царю, а скоро къ мукамъ душевнымъ прибавились тѣлесные недуги. Въ одну изъ такихъ минутъ царь написалъ свое завѣщаніе. Оно дошло до нашего времени и явно свидѣтельствуетъ, въ какомъ горькомъ и усталомъ душевномъ состояніи находился царь Иванъ. „Тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ,—писалъ онъ,—струпы душевные и тѣлесные умножились, и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ меня; ждалъ я, кто бы поскорбѣлъ со мною,—и нѣтъ никого. Утѣшающихъ я не сыскалъ". И въ этомъ завѣщаніи царь утверждаетъ, что люди заставили его быть жестокимъ, всячески оправдываетъ себя, но въ его оправданіяхъ ясно звучитъ и самообвиненіе. Обра-

щаясь къ дѣтямъ, царь говоритъ: „Людей, которые вамъ прямо служатъ, вы бы жаловали, любили и берегли, а которые лихи, и вы бы на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, а по разсужденію, не съ яростію“... и далѣе совѣтуетъ быть долготерпѣливыми, кроткими, т.-е. такими, какимъ не могъ быть онъ самъ по своему характеру, крайне вспыльчивому и раздражительному отъ природы. Воспитаніе въ дѣтствѣ и вся послѣдующая жизнь не умѣли покорить этотъ характеръ разсудку. Царь Иванъ Васильевичъ не умѣлъ сдерживаться, въ минуту гнѣва и ярости думать о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ. Такъ, своего сына царевича Ивана онъ очень любилъ. Но разъ случилось, что царевичъ не во-время поперечилъ отцу, царь вспылилъ, и тяжелый посохъ его, свистнувъ въ воздухѣ, съ размаха разсѣкъ високъ царевичу, отчего тотъ и умеръ. Царь едва не лишился разсудка отъ горя, но было уже поздно...

VI.

Межъ тѣмъ Московскому государству приходилось плохо. Сильные и постоянно повторявшіеся неурожаи вызвали необыкновенную дороговизну хлѣба. Люди умирали отъ голода цѣлыми деревнями и слободами. Слѣдствіемъ голода явилась заразная смертельная болѣзнь, противъ которой повсюду учредили заставы съ приказомъ хватать всѣхъ ѣдущихъ изъ зараженныхъ мѣстностей безъ письменнаго разрѣшенія властей и жечь вмѣстѣ съ лошадьми и товарами. Если прибавить ко всему этому казни и погромы, недовольство бояръ, лишаемыхъ своихъ родовыхъ имѣній, ропотъ служилыхъ людей, постоянно занятыхъ на войнѣ, лишенныхъ возможности заниматься хозяйствомъ, часто плохо обезпеченныхъ землей, жившихъ подъ постоянною грозой выселенія изъ привычной и покойной мѣстности куда-нибудь на границу съ хищнымъ и опаснымъ сосѣдомъ; если припомнить, въ какомъ тяжеломъ положеніи находилось крестьянство, все крѣпче и крѣпче привязываемое къ землѣ, какъ стонали отъ тяжелыхъ казен-

ныхъ поборовъ города,—то станетъ ясно, въ какомъ тревожномъ состояніи должно было находиться въ это время государство.

Къ печальному внутреннему состоянію присоединились внѣшнія бѣдствія и жестокія пораженія отъ сосѣдей. Въ 1571 г. крымскіе татары прорвались сквозь оборонительную линію и, пользуясь тѣмъ, что русское войско находилось въ Ливоніи, сожгли Москву и увели болѣе 150.000 плѣнныхъ. На востокѣ возстали черемисы и волновалась недавно замиренная и покоренная Казань. Начавшаяся удачно война въ Ливоніи превратилась въ борьбу съ сильными сосѣдями, которымъ поддался Ливонскій орденъ, искавшій спасенія отъ русскихъ. Лифляндія признала надъ собой господство Литвы, Эстляндія присягнула шведскому королю, Курляндія сдѣлалась герцогствомъ, съ послѣднимъ магистромъ ордена во главѣ, и признала зависимость отъ польской короны; епископъ Эзельскій продалъ свои владѣнія датскому королю, который уступилъ это свое пріобрѣтеніе брату своему Магнусу. Всѣ эти событія заставили царя Ивана вступить въ борьбу съ Швеціей и съ Польско-Литовскимъ государствомъ. Поляки потребовали, чтобы русскіе очистили ливонскіе города, взятые ими, но воеводы отъ имени царя отвѣтили, что не одна Ливонія, но и всѣ русскія земли, занятыя литовцами и поляками, издавна были достояніемъ предковъ московскаго царя, что сама Литва платила дань кіевскимъ князьямъ, а потому должна тоже принадлежать Москвѣ. Польско-литовское правительство отвѣтило на это угрозами войны. Война не замедлила разразиться. Въ 1563 г. московское войско подъ предводительствомъ самого царя взяло городъ Полоцкъ, но при Оршѣ часть русской арміи потерпѣла рѣшительное пораженіе. Война послѣ этого длилась съ перемѣннымъ счастьемъ.

Но вотъ на польскій престолъ взошелъ избранный панами седмиградскій князь Стефанъ Баторій, умный, энергичный человѣкъ и опытный полководецъ. Съ небольшимъ, но хорошо вооруженнымъ и обученнымъ войскомъ явился Стефанъ въ мѣстности, занятыя русскими, и, послѣ ряда жестокихъ пораженій многочисленной, но плохо устроенной русской арміи, заста-

вилъ русскихъ очистить не только литовскія области и Ливонію, но и осадилъ многіе русскіе города. Царь Иванъ отчаялся въ успѣхѣ и хотѣлъ просить мира, уступалъ всю Ливонію Польшѣ, умолялъ только оставить ему хоть небольшую полоску земли возлѣ моря; но Стефанъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, требовалъ отдать Польшѣ не только всю Ливонію, но и Новгородъ, Псковъ, Великіе-Луки со всѣми ихъ землями. На такія тяжкія условія царь Иванъ не могъ согласиться, и борьба съ Польшей продолжалась. Баторій взялъ Полоцкъ, Великіе-Луки, Холмъ, Старую-Руссу, Островъ, и только мужественная защита Пскова остановила его успѣхи. Пскова такъ и не удалось взять королю, несмотря на всѣ усилія. Между тѣмъ война утомила и поляковъ; начались переговоры о мирѣ. Долго тянулись они, но, наконецъ, въ январѣ 1582 г. Москва и Польша заключили между собой перемиріе на 10 лѣтъ. Царь Иванъ отказался отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа, а Баторій возвратилъ взятые имъ русскіе города. Столь же неудаченъ былъ миръ, заключенный въ 1583 г. со Швеціей: царь Иванъ уступилъ шведамъ не только Эстляндію, но и нѣкоторые русскіе города. Истощенное многолѣтней войной и разстроенное опричниной Московское государство не въ силахъ было продолжать войну за Балтійское побережье. Пріобрѣтеніе балтійскаго берега царь Иванъ и московскіе люди того времени считали настолько важнымъ, что земскій соборъ 1566 года, признавъ всю тягость войны, все же единодушно постановилъ „за ливонскіе города стоять крѣпко". При мирныхъ переговорахъ еще съ предшественникомъ Баторія на польскомъ престолѣ царь Иванъ усиленно домогался получить Ригу и ради этого шелъ на большія уступки Польшѣ въ другихъ вопросахъ. Потомъ, когда выяснилось, что ливонскихъ городовъ Москвѣ не получить, царь Иванъ призналъ правителемъ Ливоніи принца Магнуса датскаго, выдалъ за него замужъ (въ 1573 г.) свою племянницу Марію, дочь князя Владимира Андреевича Старицкаго, поддерживалъ всѣ притязанія Магнуса на владѣніе Ливоніей, разсчитывая, конечно, имѣть въ немъ своего подручника. Но всѣ эти планы потерпѣли крушеніе.

Попытка царя Ивана пробиться къ Балтійскому морю не удалась. „Царь Иванъ, — отмѣчаетъ лѣтописецъ-современникъ,—не на велико время чужую землю взялъ, а по малѣ и своей не удержа и людей вдвое погуби“.

Зато борьба съ менѣе образованными восточными сосѣдями продолжалась удачно. Взятіе Казани и Астрахани открыло для русской предпріимчивости обширныя земли. Особенно привлекательнымъ казался Прикамскій край, богатый пушнымъ звѣремъ, солью, недалекій отъ Уральскихъ горъ, о которыхъ ходила слава, и вполнѣ справедливая, какъ о золотомъ днѣ. Въ прикамскихъ областяхъ, въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краю давно уже основалась семья промышленниковъ и торговцевъ Строгановыхъ. Они завладѣли здѣсь огромными пространствами земли и нажили великія богатства, занимаясь солянымъ промысломъ и торговлей съ сосѣдними инородцами—пермяками, остяками, югорой и др., у которыхъ скупали мѣха У царя Ивана Васильевича Строгановы выхлопотали себѣ разрѣшеніе промышлять по всему Прикамью и за Камой, по рѣкѣ Чусовой, до самаго Каменнаго пояса, какъ тогда называли Уралъ. Строгановы просили дозволенія въ этихъ дикихъ мѣстахъ лѣсъ рубить, пашни пахать, дворы ставить, людей призывать, варницы заводить и соль варить. Царь, наведя справки о томъ, что указанныя земли, дѣйствительно, лежатъ впустѣ и никакого дохода казнѣ не даютъ, пожаловалъ Строгановыхъ, позволилъ имъ все то, о чемъ они просили. Дѣло Строгоновыхъ было не легкое: этотъ дикій край обитали искони разные народцы: пермяки, вогулы, остяки, неохотно уступавшіе свои угодья пришельцамъ. Съ Волги по Камѣ пробирались сюда черемисы, грабившіе и опустошавшіе строгановскія земли и предпріятія. Съ сибирской же стороны ихъ много безпокоили сибирскіе инородцы. Въ защиту отъ всѣхъ этихъ недруговъ Строгановы испросили у царя разрѣшеніе имѣть свои военные отряды, строить на свой счетъ крѣпости, вооружать ихъ своими пушками и на свой страхъ и рискъ отбиваться отъ враговъ, „оберегая государеву отчину отъ всякихъ ордъ“, какъ писали они въ своей просьбѣ.

Съ начала 1570-хъ годовъ борьба Строгановыхъ съ инородцами особенно усилилась. Въ 1572 году вспыхнулъ на Волгѣ черемисскій бундъ, и ватага черемисовъ, соединясь съ остяками и башкирами, проникла въ Прикамскій край. Черемисовъ поднималъ противъ Москвы ханъ сибирскихъ татаръ Кучумъ. Когда возстаніе черемисовъ приняло обширные размѣры, онъ и самъ попробовалъ двинуться противъ русскихъ. Сынъ его Махметкулъ проникъ до рѣки Чусовой, побилъ много остяковъ, платившихъ дань русскимъ, и убилъ царскаго посла, ѣхавшаго къ киргизскому хану. Хотя на строгановскіе городки Махметкулъ и не рѣшался напасть, но Строгановы, справедливо ожидая, что за этимъ дѣло не станетъ, порѣшили предупредить Махметкула и перенести войну въ его владѣнія за Уралъ. Съ этой цѣлью выпросили они у царя разрѣшеніе строить городки по рѣкѣ Тоболу, за Каменнымъ поясомъ, и обѣщали не только оберегать подвластныхъ Москвѣ инородцевъ отъ Кучума, но и подчинить царской волѣ сибирскихъ татаръ. Такъ какъ своихъ силъ у Строгановыхъ на такое крупное предпріятіе не хватало, то они порѣшили воспользоваться разбойничавшими по Волгѣ и Камѣ бѣглыми московскими людьми, спасавшимися въ разбоѣ отъ гнета московской службы и платежей.

Къ этимъ-то казакамъ, какъ они себя называли, Строгановы послали грамоту, приглашая ихъ къ себѣ въ „Чусовые городки“ на помощь противъ сибирскихъ татаръ. Какъ разъ около этого времени московское правительство, озабоченное усилившимися разбоями по Волгѣ, почти прекратившими не только торговлю, но и безопасное сообщеніе по этой рѣкѣ, отправило противъ казаковъ цѣлое войско. Спасавшимся отъ царскихъ воеводъ казацкимъ атаманамъ на-руку пришлись призывныя грамоты Строгановыхъ.

Пятеро изъ нихъ, извѣстныхъ своею удалью и храбростью, откликнулись на призывъ Строгановыхъ и отправились со своими ватагами въ Прикамскій край. Изъ этихъ атамановъ особенной извѣстностью пользовались Ермакъ Тимоѳеевъ и Иванъ Кольцо. По преданію, родители Ермака были изъ Суздаля, самъ же онъ

родился гдѣ-то въ Прикамьѣ. Крещеное имя Ермака было Василій. Онъ обладалъ большой тѣлесной силой, отвагой, былъ мастеръ говорить и отличался большимъ умомъ.

Строгановы охотно приняли славныхъ атамановъ и уговорились съ ними о службѣ. Два года провели казаки въ городкахъ по Чусовой, помогая строгановскимъ дружинамъ отбиваться отъ безпокойныхъ сосѣдей. Но жизнь въ городкахъ, необходимость крѣпко сидѣть на мѣстѣ и беречься была не по нутру непосѣдливымъ казакамъ, привыкшимъ къ шумной, бродячей, полной опасностей, перемѣнъ и приключеній жизни. Все чаще стали они предпринимать развѣдки на свой страхъ въ земли сибирскаго хана Кучума и наконецъ порѣшили овладѣть его царствомъ.

Строгановы, которыхъ давно занимала эта мысль, снабдили Ермака съ товарищами запасомъ, ружьями, пушками, свинцомъ, порохомъ, лодками, дали имъ еще 300 человѣкъ своихъ ратныхъ людей, а также провожатыхъ. Число всего отряда, отправившагося завоевывать Сибирское царство, простиралось до 850 человѣкъ, но все это былъ народъ опытный, закаленный въ бояхъ, привыкшій обращаться съ оружіемъ.

Въ сентябрѣ 1581 г. небольшой отрядецъ тронулся въ путь подъ предводительствомъ Ермака на лодкахъ вверхъ по Чусовой. Перезимовавъ гдѣ-то возлѣ сибирской рѣки Жеровли, казаки, какъ только наступило половодье, пробрались въ Тоболъ и такимъ образомъ очутились въ самомъ сердцѣ Сибирскаго ханства. Первая встрѣча казаковъ съ татарами окончилась полнымъ разгромомъ послѣднихъ. Не знавшіе огнестрѣльнаго оружія, сибирскіе татары не выдержали огня русскихъ и бѣжали. „Когда русскіе стрѣляютъ изъ луковъ своихъ,—доносили они Кучуму,—тогда отъ нихъ пышетъ огонь, и дымъ великій исходитъ, и громъ грянетъ, какъ будто съ небесъ. Стрѣлъ не видно, а раны наносятъ смертельныя, и никакими ратными доспѣхами невозможно отъ нихъ ущититься: куяки наши и бахтерцы, и панцыри, и кольчуги пробиваютъ навылетъ“.

Кучумъ, хотя и очень обезпокоенный такими вѣстями, не потерялъ духа и сталъ собирать войско для

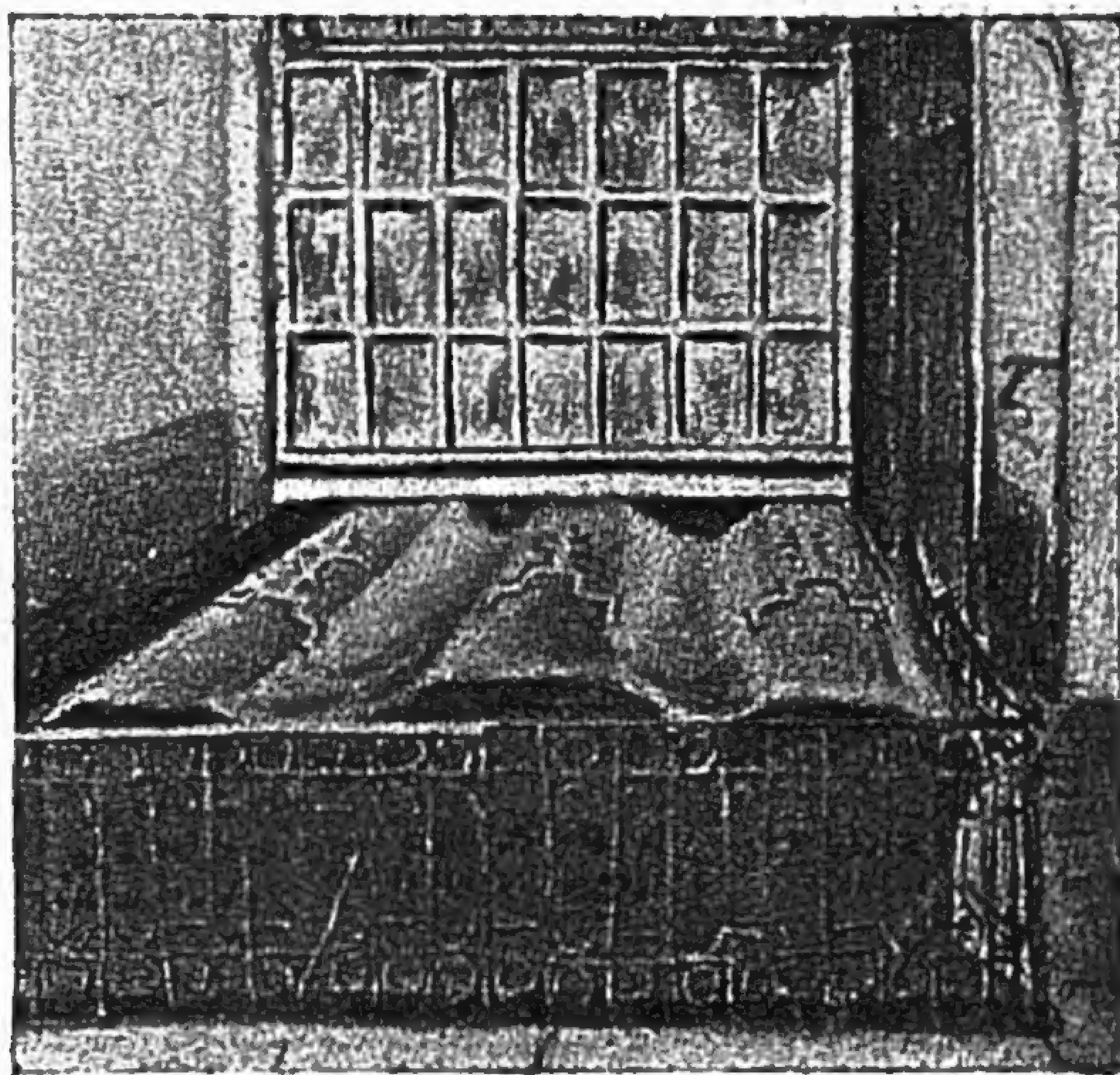
борьбы съ пришельцами. Послѣдовалъ рядъ кровавыхъ битвъ небольшого русскаго отряда съ силами сибирскаго хана. Благодаря отвагѣ казаковъ, ихъ военной ловкости и умѣнью, а болѣе всего строгановскимъ ружьямъ и пушкамъ, побѣда всюду оставалась за казаками. 26 октября 1582 г. казаки овладѣли столицей Кучума, городомъ Сибирью, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми сокровищами, собранными тамъ, и всѣмъ Сибирскимъ ханствомъ. Но, пока былъ живъ Кучумъ и особенно его предпріимчивый сынъ Махметкулъ, торжествовать побѣду было нельзя. Борьба продолжалась, пока на слѣдующій годъ Ермаку не удалось взять въ плѣнъ Махметкула и такъ разбить Кучума, что онъ отказался отъ всякаго дальнѣйшаго сопротивленія. Сибирское царство очутилось уже безспорно въ рукахъ казаковъ. Но число ихъ сильно поубавилось, военные запасы истощились, а чтобы закончить покореніе обширной страны, предстояло еще немало трудовъ, являлась, слѣдовательно, большая нужда въ помощи изъ Россіи. Послѣ взятія Сибири, Ермакъ послалъ Строгановымъ вѣсть о своей удачѣ, а тѣ извѣстили объ этомъ Москву.

Послѣ неудачъ ливонско-польской войны вѣсть о покореніи цѣлаго царства, славившагося своимъ богатствомъ, пришла очень во-время. Пріободрился народъ, обрадовался царь, начинавшій уже сильно прихварывать. Радостно встрѣчено было въ Москвѣ отправленное Ермакомъ посольство казаковъ съ Иваномъ Кольцо во главѣ. Грозный царь милостиво принялъ посланныхъ, отпустилъ имъ всѣ прежнія вины, одарилъ деньгами, сукнами, Ермака пожаловалъ званіемъ князя Сибирскаго и богатыми дарами. На подмогу казакамъ былъ посланъ отрядъ служилыхъ людей. Съ тѣхъ поръ и началось постепенное овладѣваніе русскихъ Сибирью.

Царю Ивану было въ это время съ небольшимъ 50 лѣтъ, но по наружности онъ былъ дряхлымъ, хилымъ старикомъ. Невоздержная жизнь и душевныя муки рано состарили когда-то красиваго и виднаго царя Ивана. Зимой 1584 г. у него открылась опасная болѣзнь. Тѣло его гнило внутри и пухло снаружи. Царь началъ готовиться къ смерти: разослалъ по монастырямъ грамоты, въ которыхъ просилъ молиться о себѣ и просилъ про-

щенья за грѣхи. Наслѣдникомъ своимъ онъ объявилъ царевича Ѳедора, а такъ какъ Ѳедоръ — человѣкъ робкій и кроткій—былъ неспособенъ къ правленію, онъ назначилъ ему пятерыхъ совѣтниковъ изъ наиболѣе знатныхъ и довѣренныхъ лицъ.

Болѣзнь тянулась долго. Приступы ужасной боли смѣнялись сравнительнымъ облегченіемъ. Когда царь чувствовалъ себя лучше, онъ развлекался тѣмъ, что любовался на свои сокровища и игралъ въ шахматы; въ минуты унынія онъ созывалъ колдуновъ и знахарей и заставлялъ ихъ предсказывать день своей кончины. Появившуюся въ это время на небѣ комету онъ счелъ предвѣстницей своей смерти и подолгу съ затаеннымъ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ на небесное явленіе. 18 марта 1584 года царь, сидя въ постели, началъ играть въ шахматы съ бояриномъ Бѣльскимъ, но вдругъ опрокинулся навзничь. Призванные доктора объявили конецъ. Надъ полумертвымъ царемъ духовенство совершило обрядъ постриженія, а вслѣдъ затѣмъ, нареченный въ иночествѣ Іоной, Грозный царь скончался и былъ погребенъ въ усыпальницѣ московскихъ государей—въ Архангельскомъ соборѣ, въ правомъ его придѣлѣ.

Гробница царя Іоанна IV Грознаго
въ Архангельскомъ соборѣ (лѣвая).

Главнѣйшая литература о царствованіи Ивана Грознаго.

Н. М. Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, т. VII; и IX; *С. М. Соловьевъ,* Исторія России съ древнѣйшихъ временъ, т. VI и VII; *В. О. Ключевскій,* Курсъ русской исторіи, т. II; *Его же,* Боярская Дума; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,* Русская исторія; *М. А. Дьяконовъ,* Власть Московскихъ государей; *Его же;* Очерки государственнаго и общественнаго строя древней Руси; *С. Ѳ. Платоновъ,* Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ; *Его же,* Статьи по русской исторіи; *В. И. Сергѣевичъ,* Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права; *Его же,* Русскія юридическія древности, т. II; *П. Н. Милюковъ,* Очерки по исторіи русской культуры, ч. III; *В. Савва,* Московскіе цари и византійскіе василевсы; *В. Малининъ,* Старецъ Елізарова монастыря Филоѳей и его посланія; *В. Дружининъ и М. Дьяконовъ,* Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ; *И. Хрущовъ,* Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго; *А. С. Архангельскій,* Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ; *Н. Устряловъ,* Сказанія князя Курбскаго; *В. Ѳ. Ржига,* И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в.; *А. Орловъ,* Домострой по Коншинскому списку; *Е. Бѣловъ,* Объ историческомъ значеніи русскаго боярства; „Стоглавъ", изд. *Кожанчикова; А. Н. Пыпинъ,* Исторія русской литературы; *В. О. Ключевскій,* Происхожденіе крѣпостного права; *М. А. Дьяконовъ,* Очерки по исторіи сельскаго населенія Московскаго государства; *А. С. Лаппо-Данилевскій,* Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ; *И. И. Дитятинъ,* Статьи по исторіи русскаго права; *Н. Чечулинъ,* Города Московскаго государства въ XVI в.; *Н. Устряловъ,* Именитые люди Строгановы; *Н. П. Павловъ-Сильванскій,* Государевы служилые люди; *Б. И. Чичеринъ,* Опыты по исторіи русскаго права; *В. Н. Латкинъ,* Земскіе соборы древней Руси; *В. О. Ключевскій,* Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси; *А. А. Кизеветтеръ,* Иванъ Грозный и его оппоненты; *Его же,* Политическая тенденція древне-русскаго домостроя.
